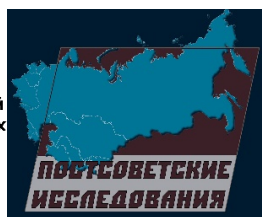

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022 Том 5 № 7

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курьлев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курьлев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2022 г., следующий:

№ 8 2022	Приднестровский конфликт: история и современность	и до 01.11.2022 г.
----------	---	--------------------

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

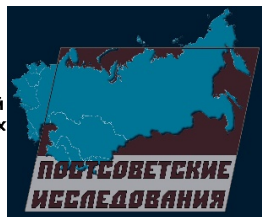
117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2022

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2022 VOLUME 5 No. 7

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2022 will deal with the following issues:

№ 8 2022	The Transnistrian conflict: history and modernity	Until 01.11.2022 r.
----------	---	---------------------

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Хайдаров Р.Дж. Новые геополитические тенденции на евразийском пространстве в контексте формирования трехполярного мира.....667

Абрамов С.В. Концепция Евразии в современной политической науке.....677

Баранник М.А. Российско-китайские отношения как основа Большого евразийского партнерства в период трансформации международной системы.....686

Шпаковская М.А., Ву Тхуи Чанг Вьетнам и его место в проекте «Большая Евразия».....693

Ву Чи-Ян Проблема участия и взаимодействия государств СНГ в рамках ШОС.....703

КИТАЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ли Сялань Отношения Китая и России с точки зрения энергетической безопасности..... 711

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Наимов И.Н. Внешнеполитическая деятельность Исламской Республики Иран на Южном Кавказе (на примере Нагорнокарабахского конфликта).....720

Манышев С.Б. Новейшая история Кавказа на страницах современных учебников истории России.....732

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Есдаулетова А.М., Демеуов Н.Б. Инвестиционная политика Казахстана: основные направления и перспективы роста.....741

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Грачиков Е.Н., Шпаковская М.А. Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0.....754

Contents

THE GREAT EURASIAN AREA

Haydarov Rustam.J. New geopolitical trends in the Eurasian space in the context of the formation of a tripolar world.....667

Abramov S.V. The concept of Eurasia in modern political science.....677

Barannik M.A. Russian-Chinese relations as the basis of a large Eurasian partnership during the transformation of the international system.....686

Shpakovskaya M.A., Wu Thui Chang Vietnam and its place in the Greater Eurasia Project.....693

Wu Chi-Yuan The problem of participation and interaction of the CIS states within the SCO.....703

CHINA IN THE POST-SOVIET REGION

Li Xialan China and Russia relations from the point of view of energy security.....711

SOUTH CAUCASUS

Naimov I.N. Foreign Policy Activities of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus (Case Study of the Nagorno-Karabakh Conflict).....720

Manyshev S.B. The latest history of the Caucasus on the pages of modern Russian history textbooks.....732

REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Yesdauletova A.M., Demeuov N.B. Investment Policy of Kazakhstan: Main directions and prospects of growth.....741

POINT OF VIEW

Kurylev K.P., Degterev D.A., Grachikov E.N., Shpakovskaya M.A. Back to the Future: Soviet Foreign Policy 2.0.....754

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО /

THE GREAT EURASIAN AREA

Научная статья/Research article

Новые геополитические тенденции в евразийском пространстве в контексте формирования трехполярного мира

Р. Дж. Хайдаров

Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. Душанбе, Республика Таджикистан
E-mail: rustam86@hotmail.com

Аннотация. В этой статье автор рассматривает новые геополитические тенденции в евразийском пространстве, которые актуализировались в период спецоперации России в одной из стран Восточной Европы. Автор считает, что мировая политическая и экономическая системы, под воздействием конфронтации между Россией и коллективным Западом трансформируются, и должны адаптироваться к новым геополитическим реалиям. По мнению автора с началом российской спецоперации на европейском континенте наступил период «Второй Холодной войны» и завершился этап формирования трехполярного мира. Отмечается, что Россия сегодня является самостоятельным полюсом мировой политики и экономики. В период «Второй Холодной войны», который наступил 24 февраля 2022 г., Россия будет осуществлять новую Восточную политику и укреплять свои позиции в Азии и, в частности, в Центральной Азии. Автор утверждает, что Россия больше не пойдет на компромисс с коллективным Западом, в ущерб своим национальным интересам, а также не будет подстраиваться под Запад. Автор подчеркивает, что Россия в ближайшие годы будет осуществлять свою новую Восточную политику и сосредоточиться в азиатском направлении. Поэтому она и её союзники в Евразии, особенно в Центральной Азии в условиях западных санкций должны будут выстраивать новую структуру военно-политических, торгово-экономических, научно-культурных связей и взаимоотношений, как между собой, так и с коллективным Западом. В заключении автор приходит к выводу о том, что Россия в силу своего многовекового присутствия в этом регионе, а также благодаря устойчивым культурным, военно-политическим, экономическим связям, наработанным в период совместного пребывания в СССР, до сих пор имеет достаточно сильные позиции в Центральной Азии и должна воспользоваться этим своим преимуществом.

Ключевые слова: Евразия, Россия, НАТО, трехполярный мир, глобализация геополитика, евразийство, русофобия, интеграция, безопасность.

Для цитирования: Хайдаров Р. Дж. Новые геополитические тенденции в евразийском пространстве в контексте формирования трехполярного мира // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):667-676.

New geopolitical trends in the Eurasian space in the context of the formation of a tripolar world

Rustam J. Haydarov

A. Bahovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe, Republic of Tajikistan
E-mail: rustam86@hotmail.com

Abstract. Annotation: In this article, the author considers new geopolitical trends in the Eurasian space that appeared during the period of Russia's special operation in one of the countries of Eastern Europe. The author believes that the world political and economic systems, under the influence of confrontation between Russia and the collective West, are being transformed and must

adapt to new geopolitical realities. According to the author, with the beginning of the Russian special operation on the European continent, the period of the "Second Cold War" began and the stage of the formation of the three-polar world ended. It is noted that Russia today is an independent pole of world politics and economics. During the period of the "Second Cold War", which began on February 24, 2022, Russia will implement a new Eastern policy and strengthen its position in Asia and in particular in Central Asia. The author argues that Russia will no longer compromise with the collective West, to the detriment of its national interests, and will not adapt to the West. The author emphasizes that in the coming years Russia will implement its new Eastern policy and focus on the Asian direction. Therefore, she and her allies in Eurasia, especially in Central Asia, under Western sanctions, will have to build a new structure of military-political, trade, economic, scientific and cultural ties and relationships, both among themselves and with the collective West. In conclusion, the author comes to the conclusion that Russia, due to its historical presence in this region and thanks to the stable cultural, military-political, economic ties developed during the period of joint residence in the USSR, had and still has quite strong positions in the Central Asia.

Keywords: Eurasia, Russia, NATO, tripolar world, globalization, geopolitics, Eurasianism, Russophobia, integration, security.

For citation: Rustam J. Haydarov. New geopolitical trends in the Eurasian space in the context of the formation of a tripolar world // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;7(5):667-676 (In Russ.).

В феврале 2022 г. произошло событие, которое спровоцировало большой тектонический сдвиг в геополитическом ландшафте Евразии. Спецоперация России в Восточной Европе, начавшаяся 24 февраля 2022 г., стала точкой отсчета для реформирования системы международных отношений в мире и изменению баланса сил на пространстве Евразии. Совершенно очевидно, что сегодняшний конфликт в Восточной Европе будет иметь долгосрочное влияние не только на Россию, но и на стратегии развития всех стран постсоветского пространства.

В этом контексте появляются несколько вопросов, ответы на которых могут оказать существенное влияние на выбор вектора развития стран постсоветского пространства: понимают властвующие элиты региона, что спецоперация России в Восточной Европе, это вопрос не только обеспечения безопасности России, но и вопросы обеспечения безопасности, а также сохранения государственной независимости почти всех стран СНГ? Готовы ли заинтересованные страны в Евразии, особенно СНГ, в наступивший период «Второй Холодной войны» объединиться вокруг России и строить вместе с новым мир без экономического диктата и

геополитического доминирования коллективного Запада?

Ответ на эти вопросы нужно искать на наш взгляд, с учетом следующих факторов\тенденций современной геополитики и геоэкономики: наступления периода «Второй Холодной войны»; формирование трехполярного мира во главе с Россией, Китаем и США; ускорение процессов деглобализации; превращения транснациональных исламистских групп в центр деструктивной силы в системе международных отношений современного мира.

С учетом вышеизложенных мыслей можно констатировать, что спецоперация России в Восточной Европы, является ответом на агрессивную политику НАТО по расширению на Восток. Данная политика ведётся со дня принятия североатлантическим альянсом «Новой стратегической концепции НАТО» в ноябре 1991 г.¹

В последующем, согласно исследованию немецкого ученого В. Лапинса «в июле 1997 г. в Мадриде было принято решение о

¹ The Alliance's New Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council [электронный ресурс] // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm(дата обращения: 07.07.2022)

разработке новых принципов для адаптации стратегии 1991 г. к реалиям XXI века. 24–25 апреля 1999 г. в рамках 50-го юбилея НАТО в Вашингтоне была принята новая стратегическая концепция. Бывшие страны Варшавского договора Польша, Чехия и Венгрия получили членство в альянсе. Существует две точки зрения на эти события. С точки зрения НАТО расширение стало логическим продолжением стратегии 1991 г. Критики же считают, что расширением на восток НАТО показала всю суть своей скрытой наступательной стратегии» [Lapins 2011:28-29].

Таким образом, расширение на Восток, к границам России, была целенаправленной политикой коллективного Запада, и НАТО планомерно осуществляла свою наступательную, агрессивную стратегию в отношении российского государства. Ровно через 25 лет после мадридского саммита НАТО в 1997 году, в июне 2022 г. и снова в г. Мадрид, НАТО приняло новую стратегическую концепцию, рассчитанную до 2030 года, в которой Россия уже рассматривается как значительная угроза альянсу¹.

На наш взгляд, с началом спецоперации России в Восточной Европе, окончательно был разрушен проамериканский однополярный мир. «В 2022 г. современная система международных отношений оптимизировалась и начала функционировать в формате трехполярного мира. Начало специальной операции России в одной из стран Восточной Европы завершила этап формирования трехполярного мира с тремя гравитационными центрами мировой политики – Россия, Китай и США. На наш взгляд, именно трехполярный мир может вывести мировую экономику и политику на качественно новый трек развития и дать международным отношениям долговременную устойчивость, гибкость и маневренность. Новая конфигурация

мировой системы предоставить большинству стран мира выбор между тремя альтернативными координатами сотрудничества в системе международных отношений» [Хайдаров 2022:17].

По нашему мнению, для того чтобы стать одним из центров силы в мировой политике и экономике необходимо иметь стратегию глобального цивилизационного развития, состоящую из двух ключевых элементов:

- универсальную интеграционную идею\проект, учитывающую этническое и религиозное, культурное многообразие\палитру современного мира;
- соответствующие политические, экономические, финансовые и культурные механизмы\инструменты.

Россия, как один полюсов мира имеет свою универсальную интеграционную идею\проект - евразийство и такие инструменты\механизмы для реализации российской стратегии глобального цивилизационного развития, как ЕАЭС и ОДКБ. В свою очередь Китай также имеет интеграционный проект - «Один пояс - один путь» и может использовать ШОС в качестве политико-экономического механизма для реализации китайской стратегии глобального цивилизационного развития.

Конечно, у скептиков может возникнуть вопросы: почему трехполярный а не многополярный мир и достаточно ли у России и Китая ресурсов\потенциала для того, чтобы как США претендовать на один из центров мировой политики и экономики? Ответ на это вопрос очень прост. Дело в том, что ни Россия, ни Китай, обладающими собственным опытом государственного строительства, уникальными политическими практиками, самобытной национальной культурой никогда не подчиняться диктату или доминированию США или коллективного Запада. После распада социалистического лагеря США действовали в отношении всего остального мира с позиции силы и принуждения. В своем выступлении на Генеральной ассамблеи ООН в 1994 г. Президент США Б. Клинтон относительно внешней политики своей страны сказал: «Если что-то будет

¹ Новая стратегическая концепция НАТО [электронный ресурс] //https://iz.ru/1357208/2022-06-29/novaia-strategicheskaia-kontseptciia-nato-glavnoe(дата обращения: 14.07.2022)

угрожать нашим национальным интересам, мы будем действовать. Если будет возможность – вместе с другими, если не будет – сами. Мы будем делать ставку на демократию, если возможно. Если нет – на насилие» [Noctiummer 1999:37].

Стремление США к созданию однополярного мира способствовало появлению естественного союза России и Китая, который был ориентирован на защиту национальных интересов этих стран в Евразии и во всем мире.

С другой стороны, конечно, использование термина «многополярный мир», подразумевает, что помимо России и Китая в контексте Евразии на роль одного из полюсов мира могут претендовать такие региональные державы как Турция, Иран, Индия, Пакистан и Саудовская Аравия. Но, однако, ни одна из этих вышеперечисленных стран не может предложить, например нашему региону альтернативную стратегию глобального цивилизационного развития и универсальную интеграционную идею, учитывающую все особенности стран региона. Такие интеграционные идеи\проекты как неопантюркизм и неоосманизм (Турция), паниранизм (Иран), панисламизм (Саудовская Аравия+Пакистан) ограничены этническими или религиозными рамками и, кроме того, нуждаются в оптимизации. Например, Турция, как страна с наиболее завышенной геополитической амбицией на лидерство в Евразии, сегодня пытается выступить в роли транслятора современного неопантюркизма и неоосманизма. Однако она, на наш взгляд, не имеет достаточных политических, финансово-экономических и культурных ресурсов и механизмов, для того чтобы эти идеи объединили страны Кавказа и Центральной Азии вокруг Турции. Тем не менее, она сегодня в рамках «неосманизма» пытается бросить вызов геополитическим интересам России в Евразии, и достаточно уверена в своих силах [Davutoglu 2001].

Поэтому ни смотря на то, что в научном обиходе в качестве антипода однополярного мира, используют термин «многополярный

мир», современный мир многополярным не стал. В современном мире будет всего три полюса или центров силы, которые и будут формировать и влиять на процессы в мировой геополитике, геоэкономике и геокультуре. Гравитационными центрами этих полюсов на сегодняшний день являются Россия, Китай и США. При этом страны мирового сообщества будут создавать разного рода союзы-политический, экономический, культурный и военный с учетом своих потребностей именно с этими тремя сверхдержавами. Основой всех вышеуказанных союзов на наш взгляд, будет потребность тех или иных стран мирового сообщества в обеспечении безопасности (экономической, военно-политической и т.д.), сохранение территориальной целостности и защита государственного суверенитета.

После распада СССР, США и в целом Запад устремили свой взгляд на Евразию, так как «присутствие американцев в этом регионе является обязательным» [Kissinger 1994].

Основной целью США в XXI в., является установление «тотального контроля над Центральной Азией». Такую установку дал политолог З. Бжежинский всем последующим американским политикам и стратегам известный [Brzezinski 2019].

США после распада СССР, предложила постсоветским странам и всему миру собственный интеграционный проект\идею-глобализация, в основе которой лежали идеология либерализма, рыночная экономика и ценности западного мира. При этом глобализм как идеология глобализации и сам процесс глобализации усиленно продвигалась такими инструментами реализации внешней политики США, как НАТО (военно-политический инструмент), МВФ и другие подконтрольные США международные организации (финансово-экономический инструмент), Интернет и другие информационно-коммуникативные технологии, которые создаются американскими компаниями, входящими в BigTech. Все эти вышеуказанные компоненты способствовали реализации

американской стратегии глобального цивилизационного развития в современном мире и нужно признать, что в определенный промежуток времени в истории постсоветских стран, они имели довольно высокую привлекательность, как в самой России, так и в целом в новообразованном СНГ. «Многие воспринимали США как высшую инстанцию принятия решений, и как державу, которая управляет процессами глобализации и новым мировым порядком» [Hardt, Negri 2003:11].

Однако дальнейшая практика показала, что США после распада социалистического лагеря, воспользовавшийся ослаблением, как России, так и Китая, начали активно и агрессивно расширять ареал американского мира. Усилилось вмешательство США во внутренние дела суверенных государств по всему миру, и особенно в Евразии. Либерализм, рыночная экономика и так называемые «демократические ценности» американцев продвигались в Евразию через американский военный кулак. «Если Америка желает успеха глобализма, она не должна стесняться быть той всемогущей супердержавой, коей она, по сути, является. Невидимая рука рынка не будет работать, если ее не будет подкреплять скрытый кулак. Макдональдс не сможет процветать без МакДонелл Дугласа- производителя боевых самолетов F-15» [Matzner 2003:16].

Поэтому американская стратегия глобального цивилизационного развития стремительно теряла свою привлекательность на постсоветском пространстве. Она вызвала отрицательную реакцию в большей части мирового сообщества, особенно в Евразии, в странах с мусульманским населением [Six, Riesebradt, Naas 2005]. Войнствующий ныне исламизм, представленный такими транснациональными террористическими организациями как «Ал-Кайда» и «Исламское государство», по сути, являться креатурой, рожденный как ответ на американскую стратегию глобального цивилизационного развития.

Апогей позора для внешней политики США стал Афганистан. Там в сентябре 2021 г. американцы оставили десятки тысяч афганцев, помогавших американцам «строить

демократию» в средневековом афганском обществе, на растерзания мусульманских фанатиков в лице талибов. После этого события, на наш взгляд, в Центральной Азии больше никто обещаниям и дружбе США верить не будет...

Таким образом, американцам, ни смотря на их попытки и уловки утвердиться в регионе Центральной Евразии, найти свою точку опоры в регионе не удалось. Кроме того, коллективный Запад всегда рассматривал страны Центральной Азии, как расходный материал, используемый в противостоянии России и Китаю. Запад, таким образом, дискредитировал себя и исчерпал кредит доверия стран Центральной Азии.

Как показывает история «цветных революций» на постсоветском пространстве, за последние 30 лет, коллективный Запад целенаправленно разрушал и разрушает те страны, которые имели или имеют пророссийскую ориентацию. В этом деле они опираются на ведение «прокси войн» [Тугонев 2019]. Для борьбы с влиянием России на постсоветском пространстве Западом была создана многочисленная армия всевозможных НПО и так называемых независимых СМИ, посредством которых совершались «цветные революции» и ликвидировались пророссийские правительства. Для дискредитации России и формирования русофобских настроений на пространстве СНГ, западными исследовательскими фондами выделялись гранты, с помощью которых осуществлялась ревизия советской истории, реабилитации и последующая героизации пособников нацистов, популяризация идеологии неонацизма и религиозно-политического экстремизма и т.д. Пересмотру подлежала роль националистических и религиозных движений в борьбе против русских большевиков первые годы строительства СССР. В странах Центральной Азии с легкой подачи западных исследовательских структур и при помощи их исследовательских грантов, уже давно идет процесс реабилитации и героизации

движение «басмачества»¹, которое в период зарождения новых советских республик в Центральной Азии боролась с советской властью. А кто воевал против басмачей в Центральной Азии? Это была Красная армия, состоящая в основном из русских солдат и офицеров. Поэтому реабилитируя и идеализируя басмачество, как борцов за веру определенные международные группы, завуалированно сегодня продолжают культивировать и транслировать русофобию в мусульманских обществах современной Центральной Азии.

Не случайно сегодня, например таджикские террористические и религиозно-экстремистские группировки, скрывающиеся сейчас за пределами Таджикистана, называют себя последователями басмачества и продолжателями их дела².

Поддержка и трансляция идеологии национал-шовинизма и религиозно-политического экстремизма на постсоветском пространстве была и остается долгосрочной стратегией США, всего коллективного Запада и осуществляется только с одной целью - навсегда разорвать многовековые, исторической узы народов постсоветского пространства с Россией и полностью переориентировать постсоветские государства на Запад.

К сожалению, в угоду неонацистам, религиозно-политическим экстремистам во многих странах постсоветского пространства сегодня принято умалять роль советской России в строительстве многих государств на Кавказе и Центральной Азии в начале XX в. Поэтому вслед за странами Восточной Европы, резкий всплеск русофобии в некоторых странах Центральной Азии, особенно в период

спецоперации России в Восточной Европе не случаен.

Также важно отметить, что коллективный Запад в главе с США за последние десятилетия также попытались создать проамериканское, прозападное лобби почти во всех странах постсоветского пространства. Где это их усилия увенчались успехом, и их воспитанники свергли пророссийское правительство, как это мы сегодня наблюдаем в Восточной Европе, на Кавказе. Где-то они еще пытаются или попытаются это сделать, как например, в Центральной Азии.

В период «Второй Холодной войны» именно это созданная США армия проамериканских\прозападных СМИ, НПО, прозападная политическая и экономические элиты в некоторых странах на постсоветском пространстве будут обеспечивать успех политических и экономических санкций коллективного Запада в отношении России и её союзников по СНГ. К сожалению, в постсоветский период своего развития Россия во внешней политике немного дистанцировалась от Центральной Азии. Поэтому теперь России придется реанимировать, забытые площадки и форматы сотрудничества со странами Центральной Азии и усиленно исправлять допущенные просчеты российские внешней политики в регионе.

«В течение 30-и лет после распада СССР, страны Запада культивировали в Центральной Азии различные движения, организации и идеологии антироссийского характера. Все эти шаги были направлены на то, чтобы страны Центральной Азии отделились, дистанцировались от России. Однако в Центральной Азии они в этой своей деструктивной деятельности не добились успеха, так сохранению влияния России в регионе способствовали следующие факторы:

- наличие всего еще сильной и пророссийски настроенной научно-технической, творческой интеллигенции, политической и экономической элит, устойчивых научных и культурных связей;
- наличие устойчивых экономических, финансовых связей, ориентированности

¹ Антонов С. Басмачи предшественники моджахедов и талибов [электронный ресурс] // <https://histrf.ru/read/articles/basmachi-predshestvenniki-modzhahedov-i-talibov> (дата обращения: 08.07.2022)

² ТЭО ПИВ и басмачество – братья-близнецы [электронный ресурс] // <http://khatlon.tj/ru/tjeo-piv-i-basmachestvo-bratja-bliznecy/> (дата обращения: 09.07.2022)

большого и среднего предпринимательства стран Центральной Азии на российское экономическое пространство;

- налаженные связи и военно-техническое сотрудничество оборонных ведомств;

- доступ трудоспособного населения к рынку труда в России;

- доступ молодежи, посредством квот к системе образования в России;

- высокий интерес населения Центральной Азии к русскому языку и российской культуре;

- опыт совместного проживания в СССР, общие памятные даты (День победы);

Все эти факторы являются базисом для долгосрочного сотрудничества России и стран Центральной Азии...

Сегодня, уже становится ясным, что мир возвращается в период новой «Холодной войны», и санкции Запада, которые направлены на Россию, автоматически направлены на всех союзников России по СНГ. Возможно эта ситуация сохранится на ближайшее десятилетие» [Хайдаров 2022:20].

Хотя в условиях трехполярного мира у стран Центральной Азии, которые строят свою внешнюю политику на основе принципа «многовекторности» [Сатторзода 2014], появиться возможность для выбора новых координат экономического, военно-политического и культурного сотрудничества в мировом сообществе. Тем не менее, вопросы обеспечения безопасности и сохранения суверенитета стран региона напрямую будут зависеть от России и в этом контексте её роль\функции заменить в Центральной Азии не сможет ни одно государство Запада или Востока.

Несомненно, что Россия на нынешнем этапе своего развития будет корректировать свою внешнюю политику, и поворачиваться на Восток. В процессе выработки и реализации новой Восточной политики России в Евразии, особенно со странами с мусульманским населением, необходимо использовать экономический и культурный потенциал российских регионов с мусульманским населением – это и республики Кавказа, это и Татарстан с Башкортостаном. Россия является

составной и активной частью мусульманского мира и имеет на нее влияние. В настоящее время свыше 20 млн человек\граждан России исповедуют ислам и официально считают себя мусульманами¹.

Период «Второй Холодной войны», которая началась параллельно со спецоперацией России в Восточной Европе и введенные экономические и политические санкции Запада в отношении России, ускорили процесс “деглобализации” [Комолов 2021]. Транснациональные корпорации и международные организации как главные акторы глобализации, практически полностью находятся под контролем США. Мы убеждены в том, что в период «Второй Холодной войны» эти ключевые акторы глобализации практически все будут действовать против России и ее союзников по всему миру. Поэтому завершение членства России во многих проамериканских\антироссийских международных организациях, является естественным процессом, и она, на наш взгляд, должна приступить совместно с другими заинтересованными странами к созданию новых международных организаций\фондов, которые в свою очередь смогут поддержать интеграционные процессы в евразийском пространстве.

Глобализация подразумевает свободное передвижение капиталов, технологий и информации [Altvater, Mahnkopf 1999]. Она также должна была способствовать построению, определенных правил игры и рамок взаимоотношений в системе международных отношений и цивилизационного мирового общества [Galtung 1998]. Однако антироссийские санкции, направленные на развал экономики России, являющейся на сегодняшний день хребтом глобальной экономики, ломают все атрибуты мировой экономики - свободное движение капитала, товаров и технологий. Мировая экономика сегодня стала заложницей политических амбиций США,

¹ Сухая статистика - в России сегодня мусульман больше, чем православных [электронный ресурс] // <https://golosislama.com/news.php?id=26836> (дата обращения: 11.07.2022)

которые никак не могут смириться с наступившей эрой постамериканизма и формированием трехполярного мира. Поэтому выстроенная в течение нескольких десятилетий конструкция экономической глобализации сегодня, скорей всего демонтируется. В постамериканскую эру, России и Китаю нужно инициировать строительство новых глобальных политических, финансовых институтов и структур. Это процесс должен коснуться и других сфер жизнедеятельности человечества: спорт, наука, образование, здравоохранения и т.д.

В этом контексте необходимо отметить, что в новой конфигурации системы международных отношений будет укрепляться позиция БРИКС¹, в которой ведущая роль принадлежит России и Китаю. На наш взгляд, БРИКС из диалоговой и консультативной площадки, при содействии России в ближайшие годы сможет трансформироваться в полноценный субъект принятия глобальных решений. Необходимо также при активном участии России оптимизировать и адаптировать ШОС под новую конфигурацию системы международных отношений.

Выводы

Для минимизаций последствий «Второй Холодной войны» и в условиях антроссийских экономических санкций, которые косвенно направлены на всех союзников России по СНГ, странам центральноазиатского региона необходимо способствовать реализации российской стратегии глобального цивилизационного развития.

Успех российской спецоперации в Восточной Европе, будет способствовать укреплению безопасности во всей Евразии и станет гарантом укрепления государственного суверенитета многих стран СНГ.

Противостояние России и коллективного Запада, это борьба разных мировоззрений и образа жизни. Запад ради

достижения своих корыстных целей и своей хищнической сущности готов пойти на многие жертвы, в том числе на развязывание Третьей мировой войны. Сегодня Россия выступает за равный диалог и сотрудничество между всеми странами международного сообщества с учетом культурного, религиозного и этнического многообразия, различных политических практик и разного уровня экономического развития.

Однако коллективный Запад, считает, что весь незападный мир - Азия, Африка и Латинская Америка, должны жить по навязанным Западом правилам игры, стандартам, мировоззрению и антигуманным псевдоценностям. Однако этому не бывать, и спецоперации России в Восточной Европе является жестким ответом на эту стратегию коллективного Запада.

¹ БРИКС против G7. Столкнулись ли мы с новым экономическим миропорядком? [электронный ресурс] // <https://inosmi.ru/20220709/briks-254935083.html> (дата обращения: 12.07.2022)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Altvater E., Mahnkopf B.* Grenzen der Globalisierung: Ökonomie, Ökologie und Politik in der Weltgesellschaft /Elmar Altvater/Birgit Mahnkopf.-4.Aufl. Münster: Westfälisches Dampfboot.-1999. -600S.
- Brzezinski Z.* Die einzige Weltmacht: Amerikas Strategie der Vorherrschaft. Kopp Verlag e. K.; 6. Auflage.- 2019.-269p.
- Davutoglu A.* Stratejik Derinlik: Turkiye'nin Uluslararası Konumu. Istanbul: Kure Yayinlari.- 2014. -600S.
- Galtung J.* Die andere Globalisierung: Perspektiven für eine zivilisierte Weltgesellschaft im 21.Jahrhundert.-Muenster: Agenda-Verl.-1998.-254S.
- Hardt M., Negri A.* Empire. Die neue Weltordnung. Frankfurt/New York: Campus Verlag: -2003.-461 S.
- Kissinger H.* Diplomacy. New York: Simon& Shuster. -1994.-912p.
- Lapins W.* Perzeptionen, Prämissen, Präferenzen und Prioritäten der Internationalen Sicherheitspolitik im Wandel der Zeit zwischen Ende des Ost-West-Konflikts und dem 9/11//Materialien der internationalen Konferenz “Die Auswirkung von 9/11 auf die internationale Sicherheitspolitik und Rückwirkung auf Zentralasien”, 16 November 2011.-Almaty,2011.- S.21-36
- Matzner E.* Der Mediationsstaat. Zu Markt, Staat und Globalisierung im 21. Jahrhundert. Quelle: WISO – Wirtschafts- und sozialpolitische Zeitschrift, Jg. 26 (2003), H. 1, S. 13-20.
- Noctiummer T., Page J-P.* Ein imperialistischer Krieg für eine neue Weltordnung// Nach dem Krieg ist vor dem Krieg. Hamburg: -1999.-S.37
- Six C., Riesebrodt M., Haas S.* Religiöser Fundamentalismus. Vom Kolonialismus zur Globalisierung. Querschnitte. Band 16. Innsbruck/Wien: Studien Verlag. 2005. -268 S.
- Tyrone L. Groh* Proxy War. The Least Bad Option. Stanford University Press: - 2019. -264p.
- Комолов О.О.* Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике. Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021;18(2):34-47.
- Самторзода А.* Актуальные проблемы внешней политики Таджикистана (Многовекторность в действии). – Душанбе: - 2014. - 444с
- Хайдаров Р.Дж.* Формирование трехполярного мира и перспективы обеспечения безопасности в Евразии: взгляд из Таджикистана // Евразийский юридический журнал. - №4(167). -2022.-С.17-21

REFERENCES

- Altvater E., Mahnkopf B.* Grenzen der Globalisierung: Ökonomie, Ökologie und Politik in der Weltgesellschaft /Elmar Altvater/Birgit Mahnkopf.-4.Aufl. Münster: Westfälisches Dampfboot.-1999. -600S.
- Brzezinski Z.* Die einzige Weltmacht: Amerikas Strategie der Vorherrschaft. Kopp Verlag e.K.; 6. Auflage.- 2019.-269p.
- Davutoglu A.* Stratejik Derinlik: Turkiye'nin Uluslararası Konumu . Istanbul: Kure Yayinlari.- 2014. -600S.
- Galtung J.* Die andere Globalisierung: Perspektiven für eine zivilisierte Weltgesellschaft im 21.Jahrhundert.-Muenster: Agenda-Verl.-1998.-254S.
- Hardt M., Negri A.* Empire. Die neue Weltordnung. Frankfurt/New York: Campus Verlag: -2003.-461S.
- Kissinger H.* Diplomacy. New York: Simon& Shuster. -1994.-912p.
- Lapins W.* Perzeptionen, Prämissen, Präferenzen und Prioritäten der Internationalen Sicherheitspolitik im Wandel der Zeit zwischen Ende des Ost-West-Konflikts und dem 9/11//Materialien der internationalen Konferenz “Die Auswirkung von 9/11 auf die internationale Sicherheitspolitik und Rückwirkung auf Zentralasien”, 16 November 2011.-Almaty,2011.- S.21-36

- Matzner E.* Der Mediationsstaat. Zu Markt, Staat und Globalisierung im 21. Jahrhundert. Quelle: WISO – Wirtschafts- und sozialpolitische Zeitschrift, Jg. 26 (2003), H. 1, S. 13-20.
- Noctiummer T., Page J-P.* Ein imperialistischer Krieg für eine neue Weltordnung//Nach dem Krieg ist vor dem Krieg. Hamburg: -1999.-S.37
- Six C., Riesebrodt M., Haas S.* Religiöser Fundamentalismus. Vom Kolonialismus zur Globalisierung. Querschnitte. Band 16. Innsbruck/Wien: Studien Verlag. 2005. -268 S.
- Tyrone L.Groh* Proxy War.The Least Bad Option. Stanford University Press: -2019. -264p.
- Komolov O.O.* Deglobalization: New Trends and Challenges in World Economy. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2021;18(2):34-47. (In Russ.).
- Sattotzoda A.* Aktualnye problem dytiytq politiki Tadzhiqistana(mnogovektronost w deystvii)-Dushanbe.: - 2014. – 444s.
- Haydarov R.J.* Formation of the tripolar world and prospects ensuring security in Eurasia: a view from Tajikistan // *Eurasian Law Journal*. -№4(167).-2022.- p.17- 21 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT AUTOR

Хайдаров Рустам Джурабоевич, доктор философских наук, заместитель директора Института философии, политологии и права им. А Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. г. Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: rustam86@hotmail.com

Rustam J. Haydarov, Doctor of science (in Philosophy), Deputy Director of A. Bahovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: rustam86@hotmail.com

Концепция Евразии в современной политической науке

С. В. Абрамов

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-mail: serg.abramov@gmail.com

Аннотация. Изменения мирового геополитического ландшафта конца 1990 г. привели к формированию однополярной системы международных отношений, в которой доминирующую роль стали играть США. Создание в 1993 г. Европейского Союза активизировало интеграционные процессы на европейском пространстве, а независимые страны бывшего СССР оказались перед выбором уже существующих интеграционных маршрутов или создания собственного геополитического проекта. Одним из таких проектов стал вектор евразийской интеграции. Объектом исследования является концепция понятия Евразия, предметом – современная Россия и интеграционные процессы на постсоветском пространстве в рамках реализации евразийской системы интеграции. Цель работы – анализ и описание концепции Евразии и понятия евразийства в современной политической науке. Задачи исследования заключаются в определении основных ценностей и идей концепции Евразии. Также – в выявлении признаков актуальности идеи евразийства для современного политического периода; и в формулировании первостепенных задач евразийской интеграции для современной России. В статье проводится анализ главных идей основоположников евразийства, высказанных в 1920-е гг. Делается вывод о неразрывной связи евразийства с геополитикой, а также выделяются этапы и пути возможной евразийской интеграции России на современном этапе. В исследовании делаются предположения, что Россия может, как стать посредником между Азией и Западным миром, так и выполнить роль гегемона, объединяя вокруг себя государства, стоящий на антизападных, антикапиталистических принципах. Автор приходит к выводу, что евразийская интеграция на современном этапе должна строиться, в первую очередь, вокруг экономической реинтеграции постсоветских стран с центральной ролью России в этом процессе. Одним из важных результатов успешности такой интеграции могло быть стать учреждение Евразийского Союза государства по аналогии с Европейским Союзом.

Ключевые слова: Евразия, евразийство, России, Азия, Европа, Евразийский союз.

Для цитирования: Абрамов С. В. Концепция Евразии в современной политической науке // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):677-685.

The concept of Eurasia in modern political science

Sergei V. Abramov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: serg.abramov@gmail.com

Abstract. In the late 1990s, changes took place in the global geopolitical landscape that led to the formation of a unipolar system of international relations. The United States played a dominant role in them. The European Union, created in 1993, has intensified the integration processes in the European space. And the countries of the post-Soviet space that gained independence were faced with the choice of either existing integration projects, or the task of creating their own geopolitical project. One of these was the project of Eurasian integration. projects have become a vector of Eurasian integration. The object of the study is the concept of the concept of Eurasia, the subject is modern Russia and integration processes in the post-Soviet space in the framework of the implementation of the Eurasian integration system. The purpose of the work is to analyze and describe the concept of Eurasia and the concept of Eurasianism in modern political science. The objectives of the study are to determine the core values and ideas of the concept of Eurasia. Also - in identifying signs of the

relevance of the idea of Eurasianism for the modern political period; and in formulating the primary tasks of Eurasian integration for contemporary Russia. The conclusion is made about the inseparable connection of Eurasianism with geopolitics, and the stages and ways of possible Eurasian integration of Russia at the present stage are highlighted. The study makes assumptions that Russia can both become an intermediary between Asia and the Western world, and fulfill the role of hegemon, uniting states around itself, standing on anti-Western, anti-capitalist principles. One of the important results of the success of such integration could be the establishment of the Eurasian Union of the state, by analogy with the European Union.

Keywords: Eurasia, Eurasianism, Russia, Asia, Europe, Eurasian Union.

For citation: Sergei V. Abramov. The concept of Eurasia in modern political science // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;7(5):667-685 (In Russ.).

Термин «Евразия» впервые в 80-е гг. XIX столетия ввёл австрийский геолог Э. Зюсс, предложивший рассматривать в качестве единого целого обширную часть мирового пространства – Европу и Азию, которые до этого считались разными континентами [Курылёв и др. 2021: 83].

Концепция политического понятия «Евразия», а также евразийства, тесно связана с русской философской мыслью, зародившейся в начале 1920 гг., корни которой берут начало в идеях и учениях славянофилов [Крупницкий 1994: 224].

В своём знаменитом письме П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г. А.С. Пушкин упоминает о схизме – разделении христианской церкви на католическую и православную, отъединившей Россию от остальной Европы. Позднее тема противопоставления православной веры католицизму станет одним из столпов становления идей евразийства. А.С. Пушкин отмечал, что схизма не позволила России принимать участия ни в одном из великих событий, которые Европу потрясали, но в это же время у России было своё особое предназначение¹. Согласно классической концепции евразийства это предназначение заключается в строительстве геокультурного пространства альтернативного Старой западной Европе с опорой на ортодоксальные ценности.

Наиболее яркими представителями евразийской идеи на этапе её зарождения были эмигранты первой волны П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский,

Г.В. Флоровский, Л.П. Карсавин, Н.Н. Алексеев, Б.П. Вышеславцев. Движение евразийцев явилось продолжением поиска особого пути развития России и ознаменовало поворот от идеи панславизма, имевшей южноевропейскую пространственную ориентацию и представлявшей Россию как монолит, к идее Востока и идее России как «мозаики», некоего синтеза культур народов, проживающих на исторической территории России, стоящей на стыке Европы и Азии [Крупницкий 1994: 225].

С самого момента зарождения понятие «Евразия» требовало анализа и выявления внутреннего содержания евразийской природы России, корни которой, как пишет современный исследователь А. Н. Панарин, в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас [Панарин 1995: 295].

Главным источником первичных знаний о евразийстве можно считать статью П.Н. Савицкого «Европа и Евразия», которая стала ответом на брошюру Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» [Цымбурский 2016: 355].

П.Н. Савицкий определял Россию, как по пространственным масштабам, так и по географической природе «континентом в себе». Этому континенту, предельному «Европе» и «Азии», но в то же время непохожему ни на ту, он дал имя «Евразия» [Савицкий 1997: 85].

В первом сборнике евразийцев «Исход к Востоку», увидевшем свет в 1921 г. было

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в десяти томах / М.: Государственное издательство Художественной Литературы. Том 10. – 1962.

объявлено, что русские люди и люди народов «Российского мира» не суть ни европейцы, ни азиаты. Внутренние напряжения раннего евразийства раскрываются через структуру, введенную контревразийцем Г.П. Федотовым термина «Россия-Евразия» [Цымбурский 2016: 371].

П.Н. Савицкий утверждал, что евразийцу органически присуще историческое восприятие, и неотъемлемой частью его мировоззрения является чувство продолжения исторической традиции [Савицкий 1997, 52-53].

Один из основоположников концепции евразийства Н.С. Трубецкой пришёл к выводу, что сама «жизнь» заменила Россию на «Евразию», отняв у русского народа статус «единственного хозяина государственной территории» на континенте. Из этого следует вывод, что только идея «многонародного единства евразийской нации» может дать Евразии «тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему несчастью и страданию всех её частей» [Цымбурский 2016: 384].

В своей статье «Утверждение евразийцев. Евразийство» П.Н. Савицкий пишет, что евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или евразийским [Савицкий 1997: 43-87].

П.Н. Савицкий также считал, что для того чтобы отстоять себя, народ должен обладать большей силой либо в степени культурной влиятельности, либо – в военном плане. Но при этом задачи экспансии должны отодвигаться перед задачами организации внутреннего пространства [Цымбурский 2016: 364].

Предъевразией Н.Я. Данилевский определял Россию как «Анти-Европу», как члена бинарной системы, другим членом которой выступает западное сообщество в целом с его внутренним балансом [Цымбурский 2016: 278].

Н.Я. Данилевский прямо требовал для России невмешательства европейцев в курируемые Россией славянские дела [Бердяев 2008: 112].

В.Л. Цымбурский полагал, что евразийцы – это группа идеологов и учёных, заявившая претензии на первенство в геополитическом взгляде на всю русскую историю. Именно в трудах евразийцев впервые по-русски прозвучали термины «геополитика» и «геополитический» [Цымбурский 2016: 349].

В начале XX века русских наряду с немцами евразийцы рассматривали как два самых крупных народа Европы, имеющих право на решающую роль в обустройстве континента [Цымбурский 2016: 354]. А территорию России сторонники Евразии понимали как географический мир, в котором народы занимают свою нишу, а в целом представляют собой единую евразийскую нацию [Крупницкий 1994: 115].

Ключевое место в геополитике евразийцев обрело понятие «месторазвития», понимаемое как «географический индивидуум» – комплексная целостность, предстающая в разных планах как «одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т. д. и т. п. ландшафт» [Цымбурский 2016: 362].

Протоиерей Г.В. Флоровский писал, что для евразийцев история русского народа растворяется в истории Евразии [Митрофанов 2010: 78]. П.Н. Савицкий писал, что условно в имени «Евразия» заключается некая сжатая культурно-историческая характеристика того мира, который иначе называется «российским» [Савицкий 1997: 85].

Главной задачей евразийцев стало определение новой роли России в мире, сценариев её развития с точки зрения исторического пути.

Евразийцы верили, что Россия не должна повторять путь Запада и что славяно-русский мир – это мир будущего. Исследователь евразийства Н. А. Бердяев в поиске нового места России в мире, ссылается на опыт Ф. М. Достоевского, для которого русский человек – всечеловек, а русский народ – народ-богоносец [Бердяев 2008: 77–102].

В своей знаменитой работе «Русская идея», Н.А. Бердяев описывает особенности евразийской-русской идентичности. Русские люди любовь ставят выше справедливости. Русские искания носят не душевный, а

духовный характер. Н.А. Бердяев, как евразиец видел противоречия в русском и западном восприятии мира. Он писал, что у русских моральное сознание очень отличается от морального сознания западных людей, это сознание более христианское [Бердяев 2008: 99].

В ранних работах П.Н. Савицкого есть тезис об изначальной раздвоенности ориентаций России. С одной стороны, это ориентация на внутренние природные богатства континента, с другой – тяготение к культуре Запада, стремление дышать воздухом Европы [Цымбурский 2016: 341] [Никитенко 2012: 2].

Как писал Н.А. Бердяев, необычайный взрывчатый динамизм русского народа обнаружился в его культурном слое лишь от соприкосновения с Западом. Именно на реформу Петра I русский народ ответил явлением А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, описавшими оригинальную русскую мысль. Как писал Ф.М. Достоевский, русскому Европа так же драгоценна, как Россия [Бердяев 2008: 33-102].

Основным тезисом книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европы» явилась мысль, что Россия – не Европа и никогда ей уже не станет. Н. Я. Данилевский утверждал, что Европа не признаёт русских своими. Что Европы видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для неё простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды [Чесноков 2019: 107].

Евразийцы сформулировали идею России не как носительницы некоего европейского проекта, но как цивилизации-противовеса. Однако это родило вопрос о смене романо-германского культурного ига на российское для народов, вовлекаемых в орбиту России. Отвечая на этот вызов, исследователь В. Л. Цымбурский приходит к выводу, что для народов, тяготеющих и примыкающих к российскому центру, должна формироваться территория «братания» и создания единого культурного содружества [Цымбурский 2016: 359].

При этом новая евразийская Россия как цивилизационный проект, может быть основана на единстве славянского и

восточного, тюркского, прежде всего, элементов [Никитенко 2012: 2]. Азиатско-туранские, а отнюдь не европейско-эллинистические исторические компоненты, должны сыграть определяющую роль в формировании культурно-цивилизационных аспектов «месторазвития» Евразии, подчеркивал Н.А. Бердяев [Митрофанов 2010: 78].

Трактовка православия в концепции классического евразийства, самая сложная, «непрописанная», и одновременно, основополагающая. Но изначальный посыл евразийской концепции таков: Абсолют (Бог) – это человечество и их соотношения и отношения как проявления специфики православия [Сачко 2004: 6].

Россия по мнению Н.Я. Данилевского, отличается от Запада тем, что на протяжении всей своей истории сохраняла верность истинно христианской – православной вере [Чесноков 2019: 110]. П.Н. Савицкий предложил конструкцию, по которой евразийцы – православные люди. И православная церковь есть «тот светильник, который им светит» [Савицкий 1997: 50].

Современный исследователь Ф.А. Папаяни с своей монографии «Имперское будущее России» пишет, что католический Запад в желании обелить свою роль в истории разжёл многовековую религиозную вражду ко всему православному Востоку. Началось тысячелетнее духовное и политическое противостояние Запада и Востока. Позднее это отразилось и на России. Единая христианская нравственная среда в начале XIII века была необратимо разрушена. Началась духовная деградация христианского Запада [Папаяни 2019: 444].

Миссия России, считал Н.А. Бердяев, быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия [Бердяев 2008: 39].

Протоиерей Г.В. Флоровский писал, что «вряд ли так же легко и просто разделить Россию и Европу в духовно-исторической динамике; и вряд ли это нужно. Нужно твердо помнить, что имя Христа соединяет Россию и Европу, как бы ни было оно искажено и даже поругано на Западе [Митрофанов 2010: 80].

Евразийцы считали, что все религии в конце концов придут к православию внутри себя. По версии евразийцев, русское и среднеазиатское язычество на пути к христианизации, создают формы православия, более близкие русским, чем европейцам [Сачко 2004: 6].

Н.С. Трубецкой исходил из того, что европейская культура не есть культура человечества, а только история определённой этнической группы. Эгоцентризм европейской культуры, полагал Н.С. Трубецкой, заслуживает осуждения не только с точки зрения одной европейской романо-германской культуры, но и с точки зрения всякой культуры [Трубецкой 1920: 19].

По мнению исследователя Д.С. Телегина, европейцы рассматривают иные культуры, в том числе и русскую, как культуры второстепенные, культуры так называемых «дикарей» [Телегин 2014: 21].

По П.Н. Савицкому евразийская концепция знаменует собой решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма». Евразийцы предпочитали не делить культуры народов на важные или второстепенные [Савицкий 1997: 46].

Наибольший вклад в формулирование концепции Евразии на современном этапе внесли исследователи А.Г. Дугин, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, Ф.И. Гиренок [Кошель 2014: 50].

А.Г. Дугин считает, что в концепции Евразии XXI в. географическое расположение России между Востоком и Западом играет центральную роль. Понятие Евразия сводится к России, а российский этнос рассматривается как современный носитель туранизма, особой имперской психоидеологии, переданной собственно россам тюркско-монгольскими племенами Орды [Дугин 2014: 4].

А.С. Панарин говорит о необходимости появления на евразийском континенте собственной анти-североатлантической идеологии, которая стала бы основой для формирования Евразии как

сверхобъединения с центром в России. В.Л. Цымбурский находит причину социального и экономического отставания России от Запада в попытках подражания культуре запада и стремления встроиться в европейскую систему ценностей. По его мнению, усилия России необходимо направлять на выстраивание экономического моста между Азией и Европой [Кошель 2014: 51]. Таким мостом должен стать Евразийский союз, отмечает в своих трудах А.Г. Дугин. Его создание провозглашено одним из важнейших приоритетов российской внешней политики как стратегия третьего срока президента В.В. Путина [Дугин 2014: 6].

Однако А.Г. Дугин в отличие от В.Л. Цымбурского настаивает, что речь должна идти не только об экономической интеграции и едином стратегическом пространстве. Нужно создавать новый сверхнациональный политический проект на пространстве СНГ – Евразийскую Конфедерацию как прямой аналог Европейского Союза [Дугин 2014: 6].

А.Г. Дугин вступает в спор и с А.С. Панариным, отвергая идею общей идеологии для государств Евразии. Он отмечает, что Евразийская Конфедерация должна строиться на основе демократических принципов и процедур, а также признании суверенитета всех членов объединения [Дугин 2014: 6].

В своем предисловии к книге – собранию трудов П.Н. Савицкого «Континент Евразия» А.Г. Дугин пишет, что евразийство сегодня – самое актуальное и свежее, что мы можем найти в истории русской политической мысли нашего столетия [Савицкий 1997: 2].

Постсоветский этап евразийской интеграции правильно отсчитывать от 29 марта 1994 г., когда президент Казахстана Н.А. Назарбаев выступил в МГУ им. М.В. Ломоносова в Москве с программной речью о необходимости выбора евразийского пути для государств бывшего Советского Союза¹.

В 2011 г. в российской газете «Известия» одна за другой выходят программные статьи российского премьер-министра В.В.

¹ Оригинальный текст выступления Н. А. Назарбаева 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете. – URL: <https://e->

history.kz/ru/news/show/28540/ (дата обращения: 07.10.2021)

Путина, президента Белоруссии А.Г. Лукашенко и президента Казахстана Н.А. Назарбаева о евразийской интеграции. Для В.В. Путина строительство на Евразийском пространстве Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана, которое началось с 1 января 2012 г. – важнейший интеграционный проект. Объявляя об интеграции, В.В. Путин накануне президентской кампании, фактически, следует логике евразийцев, выбравших в качестве приоритетов внутреннее коммуникационное обустройство своего пространства. Поэтому можно сделать вывод, что попытки государственных переворотов в Белоруссии весной 2021 г. и в Казахстане в январе 2022 г. можно рассматривать как попытки подрыва, демонтажа этих интеграционных устремлений России в Евразии¹.

Сегодня евразийство для В.В. Путина следует понимать, как интеграцию прежде всего на постсоветском пространстве, конечной целью которой видится создание Евразийского Союза.

В своей статье 2011 г. «Евразийский союз – путь к успеху и процветанию» В.В. Путин пишет, что Россия предлагает модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-тихоокеанским регионом³. При этом Евразийский союз в концепции В.В. Путина должен строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы. А сбалансированная экономическая составляющая этого объединения должна создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента³.

А.Г. Лукашенко в своей статье пишет, что для Белоруссии глубокая, продуктивная интеграция с наиболее близкими соседями

была, есть и будет естественным путём развития. Не случайно Минск стал штаб-квартирой для СНГ – первой постсоветской интеграционной структуры. Интеграцию Белоруссии, России и Казахстана – первоосновы Евразийского Союза – А.Г. Лукашенко рассматривает не с точки зрения противовеса Европе, а как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции².

Труды одного из важнейших русских евразийцев XX века Л.Н. Гумилёва оказали большое влияние на Н.А. Назарбаева (президент Казахстана 1991-2019 гг.). Н.А. Назарбаев рассматривает Евразию, как интеграционный проект, который, не отрицая значения культурных и цивилизационных факторов, строит объединения на основе экономического прагматизма. Экономические интересы, а не абстрактные геополитические идеи и лозунги ставятся им во главу угла интеграционного процесса постсоветских стран в Евразии³.

На современном этапе А.Г. Дугин выделяет три слоя концепции Евразии. Первый вращается вокруг идеи центрального места России в континентальном интеграционном проекте. Второй базируется на необходимости создания конфедеративного проекта – Евразийского Союза, куда страны СНГ войдут как единое политическое целое. Третий слой, дополняющий два предыдущие по мнению А. Г. Дугина, должен касаться постепенной интеграции в единое с Россией пространство других политических и экономических полюсов: Китая, Индии, Ирана, Пакистана, Турции и Афганистана [Дугин 2014: 7].

В.Л. Цымбурский в отличие от А.Г. Дугина, предлагает три различных пути евразийской интеграции, которым могла бы пойти Россия. Первый отдаёт России роль посредника по воссоединяю материка, «распавшегося» на Азию и Европу. Второй предполагает Россию на евразийском

¹ Путин: Евразийский союз – путь к успеху и процветанию. Статья В. В. Путина в газете «Известия» от 04.10.2011 / В. В. Путин // – URL: <https://er.ru/activity/news/putin-evrazijskij-soyuz-put-k-uspehu-i-prosvetaniyu> (дата обращения: 14.11.2021)

² О судьбах нашей интеграции. Статья А. Г. Лукашенко в газете «Известия» от 17.10.2011 / А.Г.

Лукашенко // – URL: <https://iz.ru/news/504081> (дата обращения: 17.10.2021)

³ Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. Статья Н. А. Назарбаева в газете «Известия» от 25.10.2011 / Н. А. Назарбаев // – URL: <https://iz.ru/news/504908> (дата обращения: 12.11.2021)

пространстве как уменьшенную копию Старой Европы. Третий путь обязывает Россию взять на себя роль гегемона, создательницы грядущей культуры евразийского материка, которая на равных противостоит мировому гегемону – североамериканской западной культуре [Цымбурский 2016: 377].

Заключение

Возникшая более 100 лет назад идея Евразии, как концепция поиска особого места России в мире и как проект-альтернатива западному мироустройству, остаётся актуальной и в 20-х гг. XXI в.

Для евразийцев понятие Евразия тождественно России. В культурном смысле Евразия – это гармоничный синтез, но не поглощение, всех культур народов, населяющих территорию на стыке Европы и Азии, Запада и Востока. Ключевое значение в формировании Евразии должен сыграть тюркский элемент культуры. В евразийской концепции отражено историческое восприятие и продолжение традиций народов континента. Евразия – многонациональное объединение, область «братания» всех её государств. Евразия – анти-колония.

Для евразийцев борьба за славянский мир, за православные и русскоговорящие государства – одна из наивысших ценностей. А славянский мир – это мир будущего.

Концепция Евразии создавалась как противовес Европе, но при этом она вобрала в себя учения западных мыслителей от Сократа до Канта. Русскому Европа так же важна, как и Россия. При этом Россия никогда не станет Европой, поскольку европейцы не считают русских своими.

В отличие от Запада, в России сохранилась верность истинно христианской – православной веры. Евразийцы – православные люди. А православная церковь – светильник, ведущий к просветлению.

В современных условиях концепцию Евразии стоит понимать, как интеграционный проект на постсоветском пространстве, выстраиваемый вокруг России. Только в рамках такого проекта страны бывшего Советского Союза, способны сохранить конкурентоспособность и влияние на континенте. Кроме того, сегодня Евразия как новый политический полюс, наиболее перспективна не как анти-Европы, а как анти-США.

Экономический аспект концепции Евразии сегодня воплощается в таких интеграционных проектах как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), СНГ, Таможенный союз, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Союзное государство России и Белоруссии. На их фоне качественно выделяется военно-политический интеграционный инструмент – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая становится не только фактором стабильности и мира в постсоветских странах, но и значимым противовесом агрессивной политике Североатлантического альянса (НАТО).

В более широком смысле задачи евразийства сегодня должны быть сосредоточены вокруг строительства Евразийского Союза, который позвонит запустить модель экономического переустройства Евразии и изменит геополитическую конфигурацию континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анализ евразийства в трудах русских философов «Серебряного века» / Г. Митрофанов // Русская религиозная философия. Христианское чтения. 2010. №1. С. 76–87.
- Базавлук С.В., Курьлев К.П., Савин Л.В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 30–42.
- Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // СПб.: Азбука-классика. 2008. 134 с.
- Дугин А.Г. Евразийский реванш России // Битва за Россию. Алисторус. 2014. 256 с.
- Кошель А.С. Реализация концепции Евразийства в XXI веке / А.С. Кошель // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2014. С.50–58.
- Крупницкий С.В. Критика геополитической концепции евразийства / С.В. Крупницкий // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 1994. С. 224–225.

- Курьлев К.П., Малышев Д.В., Станис Д.В.* Страновое измерение процессов евразийской интеграции в СНГ // *Мировая экономика и международные отношения.* 2022. Т. 66. № 1. С. 119-128.
- Курьлев К., Малышев Д., Хотивришвили А., Шабловский В.* ШОС и ЕАЭС в контексте Евразийской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения.* Том 65, № 2. 2021. С. 81–88.
- Никитенко Е.В.* «Геополитика» евразийства и вызовы современности / Е.В. Никитенко // *Интерэкспо Гео-Сибирь.* 2012. 6 с.
- Панарин А.С.* Евразийский проект в постиндустриальную эпоху / А.С. Панарин // *Социальная теория и современность.* Выпуск 18. М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ. 1995. С.19.
- Папаяни Ф.А.* Имперское будущее России / Противоборство идеологических проектов XIX–XXI вв. / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Русская цивилизация. 2019. 560 с.
- Савицкий П.Н.* Континент Евразия / П.Н. Савицкий // *Новая история.* Аграф. 1997. 261 с.
- Сачко Г.В.* Тема православной эсхатологии в концепции евразийства / Г.В. Сачко // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2004. С.6-12.
- Телегин Д.С.* Евразийство как идейная основа интеграции на евразийском пространстве / Д.С. Телегин // *Россия и современный мир.* 2021. С. 224–234.
- Трубецкой Н.С.* Европа и человечество / Н.С. Трубецкой // *Российско-болгарское книгоиздательство.* София. 1920. 79 с.
- Цымбурский В.Л.* Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков / В.Л. Цымбурский // М.: Книжный мир. 2016. 496 с.
- Чесноков Г.Д.* Концепция евразийства: теоретический анализ / Г. Д. Чесноков // *Социально-гуманитарные знания.* 2019. С. 103–116.

REFERENCES

- Analysis of Eurasianism in the works of Russian philosophers of the «Silver Age» / G. Mitrofanov // Russian religious philosophy. Christian reading.* 2010. №1. S. 76-87.
- Bazavluk S.V., Kurylev K.P., Savin L.V.* Evrazijsstvo, EAES i mnogopolyarnost': ochenki zarubezhnykh ekspertov // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya.* 2022. Т. 22. № 1. S. 30-42.
- Berdyayev N.A.* Russian Idea / N.A. Berdyayev // *St. Petersburg: Azbuka-klassika.* 2008. 134 s.
- Dugin A.G.* Eurasian revenge of Russia // *Battle for Russia.* Alistorus. 2014. 256 s.
- Koshel A.S.* Implementation of the concept of Eurasianism in the XXI century / A.S. Koshel // *Eurasian integration: economics, law, politics.* 2014. S. 50-58.
- Krupnitsky S.V.* Criticism of the geopolitical concept of Eurasianism / S.V. Krupnitsky // *Proceedings of the Southern Federal University. Technical science.* 1994. S. 224-225.
- Kurylev K.P., Malyshev D.V., Stanis D.V.* Stranovoe izmerenie processov evrazijskoj integracii v SNG // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 2022. Т. 66. № 1. S. 119-128.
- Kurylev K., Malyshev D., Khotivrishvili A., Shablovsky V.* SCO and EAEU in the context of Eurasian integration. *World economy and international relations.* Volume 65, No. 2. 2021. S. 81-88.
- Nikitenko E.V.* «Geopolitics» of Eurasianism and the challenges of modernity / E.V. Nikitenko // *Interehkspo Geo-Sibir'.* 2012. 6 s.
- Panarin A.S.* Eurasian project in the post-industrial era / A.S. Panarin // *Social theory and modernity.* Issue 18. М.: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. 1995. S. 19.
- Papayani F.A.* Imperial future of Russia / Confrontation of ideological projects of the 19th–21st centuries. / Rev. ed. O.A. Platonov. – М.: Russian civilization. 2019. 560 s.
- Savitsky P.N.* Continent Eurasia / P.N. Savitsky // *New history.* Аграф. 1997. 261 s.
- Sachko G.V.* The theme of Orthodox eschatology in the concept of Eurasianism / G.V. Sachko // *Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2004. S. 6–12.

Telegin D.S. Eurasianism as an ideological basis for integration in the Eurasian space / D.S. Telegin // Russia and the modern world. 2021, S. 224-234.

Trubetskoy N.S. Europe and humanity / N.S. Trubetskoy // Russian-Bulgarian publishing house. Sofia. 1920. 79 s.

Tsybursky V.L. Morphology of Russian geopolitics and dynamics of international systems of the XVIII-XX centuries / V.L. Tsybursky // М.: Knizhny Mir. 2016. 496 s.

Chesnokov G.D. The concept of Eurasianism: theoretical analysis / GD Chesnokov // Social and humanitarian knowledge. 2019. S. 103–116.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абрамов Сергей Валерьевич, аспирант кафедры «Политические науки и философия» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета. Заместитель главного редактора севастопольского новостного портала ForPost. г. Севастополь, Россия. E-mail: serg.abramov@gmail.com

Abramov Sergei Valer'evich, post-graduate student of the Department of Political Science and Philosophy, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University. Deputy editor-in-chief of the Sevastopol news portal ForPost. Sevastopol, Russia. E-mail: serg.abramov@gmail.com

Российско-китайские отношения как основа большого Евразийского партнерства в период трансформации международной системы

М. А. Баранник

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: marinabarannik@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются российско-китайские отношения на пространстве Большой Евразии в период трансформации мировой системы. Геополитические изменения в Евразии повлияют на стратегическую стабильность и изменят стратегический баланс. Цель статьи – проанализировать российско-китайские отношения в условиях постепенной трансформации международной системы. В настоящее время Россия стремится подчеркнуть свое положение в центре евразийского пространства. Китай играет решающую роль в этом контексте. Китай и Россия разделяют схожие взгляды по поводу политической стабильности и безопасности Евразии, и схожие общие цели в отношении того, как должен выглядеть будущий региональный порядок. Китай больше заинтересован в практических выгодах регионального сотрудничества. Россия изо всех сил пытается сохранить имидж стратегического лидера в Евразии. Кроме того, реализация двух региональных проектов создала ряд заинтересованных сторон в обоих государствах, которые в настоящее время выступают за более тесное сотрудничество. Процесс реализации их региональных инициатив обеспечивает дополнительную систему безопасности, которая ограничивает потенциал столкновения интересов. В практическом плане российский проект стал бы частью более широкого китайского видения межрегионального сотрудничества.

Ключевые слова: Большая Евразия, Экономический пояс Шелкового пути, ЕАЭС, Большое Евразийское партнерство, Россия и Китай, институциональная архитектура, мегатренд, движущие силы, пандемия

Для цитирования: Баранник М.А. Российско-китайские отношения как основа большого Евразийского партнерства в период трансформации международной системы // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):686-692.

Russian-Chinese relations as the basis of a large Eurasian partnership during the transformation of the international system

Marina A. Barannik

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: marinabarannik@mail.ru

Abstract: This article examines the Russian-Chinese relations in the Greater Eurasia during the transformation of the world system. Geopolitical changes in Eurasia will affect strategic stability and change the strategic balance. The purpose of this article is to analyze Russian–Chinese relations in the context of the gradual transformation of the international system. Currently, Russia is striving to emphasize its position in the center of the Eurasian space. China plays a crucial role in this context. China and Russia share similar views on the political stability and security of Eurasia, and similar common goals regarding what the future regional order should look like. China is more interested in the practical benefits of regional cooperation. Russia is struggling to maintain its image as a strategic leader in Eurasia. In addition, the implementation of two regional projects has created a number of stakeholders in both States, who are currently in favor of closer cooperation. The process of implementing their regional initiatives provides an additional security system that limits the potential for conflicts of interests. In practical terms, the Russian project would become part of a broader Chinese vision of interregional cooperation.

Keywords: Greater Eurasia, the Belt and Road Initiative, the EAEU, the Great Eurasian Partnership, Russia and China, institutional architecture, megatrend, driving forces, pandemic.

For citation: Marina A. Barannik. Russian-Chinese relations as the basis of a large Eurasian partnership during the transformation of the international system // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;7(5):686-692 (In Russ.).

Интеграционная политика на евразийском направлении служит инструментом построения нового миропорядка, в котором появляются новые игроки глобальной евразийской регионализации. Новые тенденции международной системы создали новые пространственно-временные контуры в международных отношениях на евразийском пространстве.

Проект «Большая Евразия» является основой внешней политики России и Китая. Большая Евразия — это глобальный проект. Концепция является средством продвижения российских интересов и предусматривает изменение мирового порядка, в котором Россия является ключевым актором в регионе. Проект призван придать динамизм ЕАЭС и позиционировать его как центральную объединяющую структуру в региональной сети евразийской интеграции. Евразийский экономический союз зарекомендовал себя как динамичный игрок, действующий на международной арене в интересах достижения общих экономических целей своих государств-членов.

Инициатива Большой Евразии выгодна России по нескольким причинам. Во-первых, она значительно расширит торговые и инвестиционные возможности в динамично развивающейся Азии. Во-вторых, она занимает центральное место в стремлении России стать ведущим игроком безопасности в регионе, а также повышает международный авторитет России. Отсюда следует, что проект имеет решающее значение для прогнозирования геополитического влияния России в Евразии и во всем мире [Кузьмина 2017: 231].

В 2015 г. лидеры России и Китая подписали совместную декларацию о сотрудничестве в координации Евразийского

экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, которая дала старт многочисленным инициативам, направленным на укрепление и координацию региональных проектов двух держав. Это дало толчок к формированию Большого Евразийского Партнерства¹. Эта инициатива требует формирования единого геоэкономического и институционального пространства, которое охватывало бы большую часть его территории. Создание такого партнерства решит ряд проблем: сгладит противоречия между Китаем и другими соседними государствами; стабилизирует международную систему в центральной части Евразии; ускорит экономический рост и обеспечит безопасность в регионе. Отсюда следует, что концепция «Большой Евразии» получила дальнейшее развитие, заняла важное место в повестке дня как России, так и Китая [Vasilyeva et al. 2016: 114–119].

Однако создание евразийского партнерства находится на ранней стадии. Это долгий и трудоемкий процесс разработки институциональной архитектуры для Большой Евразии на основе многочисленных существующих инициатив, которые часто пересекаются, а иногда и конфликтуют. Два основных фактора влияют на динамику интеграционных процессов в Большой Евразии:

1. экономический фактор — регионализация торговых, инвестиционных и логистических связей вокруг новых точек роста и интеграционных инициатив, которые возникают вокруг них;

2. политический фактор — растущая конкуренция между различными

¹ Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295>

(дата

обращения: 16.07.2018).

институциональными форматами, стимулирующая развитие появления новых¹.

В настоящее время Москва стремится подчеркнуть свое положение в центре евразийского пространства и новое значение Азии для российской внешней политики. Китай играет решающую роль в этом контексте. В последние годы товарооборот между двумя странами стремительно возрос. С экономической точки зрения Китай является крупнейшим торговым партнером России, в то время как Россия является основным источником импорта энергоносителей в Китай. В последние годы их сотрудничество в области обороны, безопасности, кибернетики и технологий значительно расширилось. И они придерживаются схожих взглядов по многим международным вопросам. Такая активизация сотрудничества основана на широком спектре общих интересов.

Евразийский экономический союз можно рассматривать как один из инструментов для восстановления престижа России, а также для укрепления своего глобального влияния. Главной целью интеграции ЕАЭС является проведение внутренних реформ, восстановление роли России в качестве крупного актора на мировой арене. ЕАЭС можно рассматривать как новичка среди региональных интеграционных организаций, который действует как для достижения геополитических целей, так и для долгосрочной экономической повестки дня. В экономическом плане Союз обеспечивает государствам-членам установление внутрирегиональных экономических связей, модернизацию их национальных экономик, повышение их глобальной конкурентоспособности и создание единого рынка [Яковлев 2018: 207].

Сегодня мы можем утверждать, что Евразийский Союз представляет собой функционирующий региональный интеграционный блок, который оказался успешным, с одной стороны, но также и проблематичным. Россия поддержала идею создания и развития ЕАЭС по нескольким причинам. Первая состояла в том, чтобы

преодолеть то, что Москва воспринимала как потерю власти и контроля на большом постсоветском пространстве после распада СССР. Вторая заключалась в том, чтобы подтвердить статус России на международной арене посредством евразийской региональной интеграции. Третьим было понимание того, что будущее мира будет все больше характеризоваться многополярным разделением на региональные блоки.

Президент В. Путин подтвердил, что, учитывая растущую поляризацию международной системы на геополитические зоны, ЕАЭС должен стать одной из таких зон, поскольку он представляет собой шанс для всего постсоветского пространства стать независимым центром глобального развития, а не оставаться на окраинах Европы и Азии. Одним из самых очевидных преимуществ структуры ЕАЭС является то, что она позволяет России влиять на политический выбор – в том числе, в некоторой степени, на выбор внешней политики – государств-членов без обременительной ответственности за управление ими. Теоретическая основа проекта Евразийского экономического союза, заложенная Владимиром Путиным, связана с концепцией многополярного миропорядка, где Евразийский союз задуман как глобальный полюс и эффективное связующее звено между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Цель состоит в том, чтобы превратить Евразийский союз в одного из ведущих игроков в глобальных интеграционных процессах, постепенно формируя его как глобальный регион [Moldashev et al. 2017: 220–222]. Отсюда следует, что проект ЕАЭС подразумевает качественно новую интеграцию, переход от постсоветской эпохи интеграции к евразийской, которая стремится превратиться в привлекательный долгосрочный проект не только для бывших республик СССР, но и для стран за пределами постсоветского геополитического пространства. Глобальная перспектива ЕАЭС связана с развитием

¹ Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов. // Сайт Евразийской экономической

комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx> (дата обращения 28.10.2019)

функционирующего экономического и политического органа, который способствует эффективному диалогу между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Что касается Китая, то его роль в евразийской интеграции по-прежнему остается спорной. По мнению китайских экспертных сообществ, с одной стороны, наблюдается определенный интерес КНР к участию в Евразийском союзе. С другой стороны, в Китае этот проект также подвергся публичной критике. Россия предпочитает Евразийский союз Шанхайской организации сотрудничества, которая рассматривается Китаем как наиболее предпочтительная структура для взаимодействия с государствами Центральной Азии. Это вызывает напряженность и снижает накал двусторонних российско-китайских отношений. Россия, таким образом, проводит активную политику сдерживания Китая в Центральной Азии. В этих условиях членство Китая в ЕАЭС произойдет в отдаленном будущем. Во-первых, интеграция с Китаем уже идет полным ходом в рамках ШОС, и, во-вторых, неофициальный формат регионального сотрудничества можно считать успешной моделью участия Китая в неоевразийской интеграции вслед за форматом АСЕАН+3. Такие форматы являются регулятивными методами в области развития региональных интеграционных групп [Луконин 2015: 24].

Китайская инициатива превратилась в общеевразийский сетевой проект, распространивший свои масштабы далеко за пределы Внутренней Азии и связавший Китай торговыми и транспортными коридорами с Европой, Россией и Ближним Востоком. «Один пояс, Один путь» можно интерпретировать двояко: его можно рассматривать как геополитический и геостратегический план, который Китай будет использовать для навязывания своего влияния по всей Евразии и Азии, либо как геоэкономический проект, ориентированный на реализацию китайских связей и реализацию своей внутренней политики. Китайский проект позволит преодолеть

некоторые важные геополитические контрасты, среди которых беспокойство России по поводу растущего влияния Китая в Центральной Азии, спор о Южно-Китайском море, эволюция статуса Тайваня, союз свободной торговли между Японией и ЕС, китайско-американские отношения, учитывая опасения Индии по поводу растущего влияния Китая в Индийском океане и социально-политические волнения в странах Ближнего Востока, затронутых этой инициативой. Чтобы быть успешным, китайская инициатива должна быть в состоянии выступать в качестве катализатора в сборе финансовых ресурсов и политической поддержки со стороны других дополнительных инициатив, например ЕАЭС [Гаджиев 2020: 705]. Отсюда следует, что китайский проект может рассматриваться как беспроектная стратегия как для евразийских стран, так и для Китая, поскольку он развивает и укрепляет инфраструктурные и экономические евразийские связи, не представляя себя в качестве гегемонистского проекта. Выгоды от такой амбициозной инициативы могут быть в равной степени распределены между всеми заинтересованными странами и экономикой, что резко контрастирует с понятием игры с нулевой суммой.

Главным достижением между ЕАЭС и Китаем на сегодняшний день является соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве. Соглашение не представляет собой ЗСТ, поскольку у членов ЕАЭС мало желания открывать свои рынки для китайских товаров. Заключенное соглашение обеспечивает нормативную базу для содействия сотрудничеству по целому ряду вопросов, таких как таможня, устранение технических барьеров, права интеллектуальной собственности. Россия и Китай сотрудничают в Центральной Азии, прежде всего в рамках ШОС, достигая общих целей: экономического развития этого

региона, поддержки политической стабильности¹.

На международном уровне два государства объединяет их противодействие влиянию США и их союзников. И Россия, и Китай отвергают вмешательство Запада во внутренние дела суверенных государств. Отсюда следует, что китайско-российское стратегическое партнерство стало более тесным, но есть сферы, в которых стороны существенно расходятся. Одна из них - понимание концепции «Большой Евразии» и как она должна быть реализована. Отношения России с Китаем характеризуются двойственностью: Москва развивает стратегическое партнерство Пекина по глобальным вопросам, так и одновременно сдерживает растущее влияние Китая в Евразии.

Особую динамику формированию новых политико-экономических сообществ, в том числе сообщества Большой Евразии, придают усиление конфронтационной составляющей российско-американских и американо-китайских отношений и переход США к политике открытого сдерживания России и КНР, резкое ослабление составляющей вовлечения в политике Вашингтона в отношении Китая. В этом контексте формирование Большой Евразии не только отражает развитие новой многополярности, но и является очень важным фактором глобального развития, определяет облик и характер глобального мироустройства².

Евразийское видение многополярности предполагает несколько шагов, включая установление многополярного мирового порядка, создание интегрированных геоэкономических зон и больших пространств, основанных на цивилизационных блоках. Евразийское видение будущего мира поддерживает принцип многополярности и утверждает

необходимость поддержания мирных отношений между всеми полюсами. Однако сегодня ситуация в Евразии стремительно развивается. Несмотря на политическое и геополитическое пробуждение России, похоже, что Китай завоевывает гегемонистскую роль на евразийском континенте. Россия должна заключить военные пакты, чтобы гарантировать стабильность евразийского блока в наиболее важных стратегических границах.

Китай и Россия являются стратегическими партнерами с различными перспективами, повестками дня и приоритетами. Они во многом согласны— прежде всего, в нежелательности доминирования США. Каждая сторона придерживается строго основанного на интересах подхода к внешней политике. Нестабильность международной обстановки указывает на неопределенное будущее китайско-российского партнерства. Несмотря на свою устойчивость и сохраняющиеся важные общие интересы, Пекин и Москва сталкиваются со значительными проблемами в поддержании динамики своего сотрудничества. Общим сторонам удалось согласовать свои противоположные повестки дня и приоритеты, и они стараются избегать действий, которые могут нанести ущерб важным интересам друг друга. Они признают, что в нынешней обстановке они не могут позволить себе, чтобы их отношения стагнировали [Соколова 2018: 147].

Таким образом, концепция «Большая Евразия» является концептуальной основой для будущей геостратегической и геоэкономической самоидентификации России как одного из ключевого поставщика безопасности на евразийском пространстве. Китай и Россия являются основными движущими силами евразийской интеграции. Интересы России и Китая

¹ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР // Сайт Евразийской Экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81-%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%BC.aspx> (дата обращения: 06.08.2022)

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия 2014 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://события.президент.рф/%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BAD0%B8/1642> (дата обращения: 21.05.2014).

пересекаются в Евразии, и их дружественные отношения привели к нескольким проектам сотрудничества там. Наиболее важным является сопряжение ЕАЭС и «Один пояс, Один путь» для создания Большого Евразийского партнерства. Формирование евразийского партнерства — это мегатренд, который может решить структурные проблемы в Евразии. Евразийский континент, полный разногласий и конфликтов, нуждается в общей повестке дня [Bordachev 2018: 600–602].

Поскольку пандемия нанесла ущерб экономике, она также ускорила тенденции в международной политике. К ним относятся

снижение статуса США как глобального гегемона. Экономические успехи Китая вывели его в авангард новых игроков на мировой арене в тандеме с Россией. Теперь они стали партнерами в том, чтобы поставить Евразию в центр своих стратегических интересов. Посредством тщательно продуманных дипломатических инициатив Россия и Китай вовлекают другие страны — Иран, Турцию в евразийское пространство на основе логистических, энергетических и цифровых связей, формируя тем самым зарождающийся этап нового мирового порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bordachev T.* Greater Eurasia and Russian foreign policy priorities. *Asian Politics & Policy*. 2018. Vol. 10. No. 4. P. 597–613.
- Czerewacz-Filipowicz K.* The Eurasian Economic Union as an Element of the Belt and Road Initiative. *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*. 2019. No 22 (2). P. 23-37. DOI: 10.2478/cer-2019-0010
- Gabuev A.* Friends with Benefits? Russian Chinese Relations After the Ukraine Crisis. Carnegie: Endowment for International Peace, 2016. 300 p.
- Libman A., Vinokurov E.* One Eurasia or many? Regional interconnections and connectivity projects on the Eurasian continent. Washington, D.C.: George Washington University. 2021. 118 p.
- Moldashev K. & Hassan M.A.G.* The Eurasian Union: Actor in the Making? *Journal of International Relations and Development*. 2017. No 20 (1). P. 215—237. DOI: 10.1057/jird.2015.6
- Vasilyeva, N. A., & Lagutina, M. L.* The Russian project of Eurasian integration: Geopolitical prospects. Lanham: Lexington Books. 2016. 215 p.
- Yiwei Wang.* The Belt and Road Initiative: What Will China Offer the World in its Rise? Beijing: New World, 2016. 220 p.
- Базавлук С.В., Егорченков Д.А., Курьлев К.П., Юраков М.В.* «Большая Евразия» - «Пояс и Путь». Сопряжение позитивных мифологий общеевразийского пространства // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677). С. 33-46.
- Воркунова О.А., Курьлев К.П.* Российско-китайские отношения - связующее звено трансформации Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 828-844.
- Воскресенский А.Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Восток-Запад, 2004. 124 с.
- Гаджиев К.С.* Проект «Один пояс, один путь» в геополитическом измерении // Вопросы политологии. 2020. № 3. С. 702–714. DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.001.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Ин-т экономических стратегий, 2006. 656 с.
- Кузьмина Е.М.* «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем. Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4 (3). С. 229–239.
- Курьлев К.П., Габриелян Г.Р., Фарактинова Е.Н.* Роль и место Центральной Азии в реализации Китая инициативы «Пояс и Путь» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 4 (73). С. 1219-1225.
- Курьлев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937–1948.

- Луконин С.А. Экономический пояс Шелкового пути: риски и возможности для России. – Международная торговля и торговая политика. 2015. № 4 (4). С. 18–29.
- Соколова О. Ю. Евразийский экономический союз и Экономический пояс Шелкового пути: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 2. С. 143–153.
- Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс, один путь». Возможности для сотрудничества. // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 1. С. 204–211.

REFERENCES

- Bazavluk S.V., Egorchenkov D.A., Kurylev K.P., YUraikov M.V. «Bol'shaya Evraziya№ - «Poyas i Put'». *Sopryazhenie pozitivnyh mifologij obshcheevrazijskogo prostranstva // Svobodnaya mysl'*. 2019. № 5 (1677). S. 33-46.
- Bordachev T. Greater Eurasia and Russian foreign policy priorities. *Asian Politics & Policy*. 2018. Vol. 10. No. 4. P. 597–613.
- Czerewacz-Filipowicz K. (2019). The Eurasian Economic Union as an Element of the Belt and Road Initiative. *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*, 22 (2), 23—37. DOI: 10.2478/ceer-2019-0010
- Gabuev A. Friends with Benefits? Russian Chinese Relations After the Ukraine Crisis. *Carnegie: Endowment for International Peace*, 2016. 300 p.
- Gadzhiev K.S. The project «One belt, one road» in the geopolitical dimension // *Questions of political science*. 2020. No. 3. P. 702-714. DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.001.
- Kurylev K.P., & Martynenko E.V. Russian-Chinese cooperation within the framework of the BRI project. The factor of the EEU and the SCO // *Issues of national and federal relations*. 2019. Vol. 9. No. 11 (56). P. 1937-1948.
- Kurylev K.P., Gabrielyan G.R., Faraktinova E.N. Rol' i mesto Central'noj Azii v realizacii Kitaem iniciativy «Poyas i Put'» // *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 2021. T. 11. № 4 (73). S. 1219-1225.
- Kuzmina E.M. «Greater Eurasia»: interests and opportunities of Russia in cooperation with China. *Problems of the post-Soviet space*. 2017. No. 4 (3). P. 229-239. Doi:
- Kuzyk B.N., & Titarenko M.L. *China – Russia 2050: strategy of co-development*. M.: Institute of Economic Strategies, 2006. 656 p
- Libman A., & Vinokurov E. (2021). *One Eurasia or many? Regional interconnections and connectivity projects on the Eurasian continent*. Washington, D.C.: George Washington University. 118 p.
- Lukonin S.A. The Silk Road Economic Belt: Risks and opportunities for Russia. – *International trade and trade policy*. 2015. No. 4 (4). P. 18 – 29.
- Moldashev K. & Hassan M.A.G. (2017). The Eurasian Union: Actor in the Making? *Journal of International Relations and Development*, 20 (1), 215—237. DOI: 10.1057/jird.2015.6
- Sokolova O. Y. The Eurasian Economic Union and the BRI: problems and prospects // *Izvestia of higher educational Institutions. The Volga region. Social sciences*. 2018. No. 2. P. 143-153.
- Vasilyeva N. A., & Lagutina M. L. (2016). *The Russian project of Eurasian integration: Geopolitical prospects*. Lanham: Lexington Books. 215 p.
- Vorkunova O.A., Kurylev K.P. *Rossijsko-kitajskie otnosheniya - svyazuyushchee zveno transformacii Evrazii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 2019. T. 18. № 4. S. 828-844.
- Voskresensky A.D. *Russian-Chinese strategic cooperation and world politics*. Moscow: East-West, 2004. 124 p.
- Yakovlev A.A. The Eurasian Economic Union and the Chinese initiative «The Belt and Road Initiative». Opportunities for cooperation. // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 1. P. 204-211.
- Yiwei Wang. *The Belt and Road Initiative: What Will China Offer the World in its Rise?* Beijing: New World, 2016. 220 p.

Вьетнам и его место в проекте «Большая Евразия»

М. А. Шпаковская

Кафедра теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4463-880X, E-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

Ву Тхуй Чанг

Вьетнамская Академия Общественных наук, Вьетнам
E-mail: vuthuytrang@yandex.ru

Аннотация. В статье авторы рассматривают значение и перспективы развития концепции Большого Евразийского партнерства. Современные геополитические вызовы мира поставили вопрос о необходимости дальнейшей консолидации, в том числе стран ЕАЭС перед возрастающими внешними вызовами и угрозами по пути продолжения процессов интеграции. Образованный в 2014 г. ЕАЭС превратился в одну из основных форм сотрудничества с третьими странами, важной формой взаимодействия которого является заключение региональных торговых соглашений, при которой каждое государство самостоятельно определяет свою торговую политику в отношении торговли услугами, осуществление инвестиций с другими странами и заключение международных соглашений по вопросам экономической интеграции в сфере торговли услугами и инвестиций. Дальнейшему развитию ЕАЭС способствовала концепция Большого Евразийского партнерства (БЕП), которая была выдвинута президентом России В.В. Путиным на Петербургском экономическом форуме в июне 2016 г. Представив свой интеграционный проект, Россия заявила о готовности продвигать его, ориентируясь в первую очередь на взаимодействие со странами АСЕАН. В этой связи развитие сотрудничества России со странами евразийского пространства становится одним из ключевых направлений внешнеполитической стратегии России. В контексте этого интеграционного объединения особое значение придается взаимодействию со странами АСЕАН, в рамках которой Вьетнам выступает основным партнером для России в рамках реализации новых интеграционных инициатив. Значительную роль в продвижении Евразийского проекта сыграло Соглашение о свободной торговле, подписанное в мае 2015 г., когда Вьетнам стал первым государством, с которым Евразийский экономический союз, заключил подобное соглашение., подписание которого способствовало росту объемов торговли в рамках двусторонних экономических отношений. Авторы обращают внимание, на то, что для дальнейшего совершенствования интеграции в рамках Большого Евразийского партнерства с Вьетнамом необходимо и дальше развивать механизмы сотрудничества и взаимодействия, направленных на единый подход к формированию общих рынков.

Ключевые слова. Россия, СССР, Вьетнам, Всеобъемлющее стратегическое партнерство, Большое евразийское партнерство, ЗСТ, АСЕАН.

Финансирование: Данная статья выполнена при поддержке гранта РФФИ №№ 20-514-92001/21 ВАОН «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

Для цитирования: Шпаковская М.А., Ву Тхуй Чанг Вьетнам и его место в проекте «Большая Евразия» // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):693-702.

Vietnam and its place in the Greater Eurasia Project

Marina A. Shpakovskaya

Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0003-4463-880X, E-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

Vu Thuy Trang

Vietnam Academy of Social Sciences, Vietnam

Email: yuthuytrang@yandex.ru

Abstract. In this article the authors examine the significance and prospects of development of the Greater Eurasian Partnership concept. Current geopolitical challenges of the world have raised the question of the need for further consolidation, including the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the face of increasing external challenges and threats to the continuation of integration processes. Established in 2014, the EAEU has become one of the main forms of cooperation with third countries. The EAEU has become a major form of cooperation with third countries, an important form of interaction with which is the conclusion of regional trade agreements in which each state independently determines its trade policy regarding trade in services, making investments with other countries and concluding international agreements on economic integration in the sphere of trade in services and investment. Further development of the EAEU was facilitated by the concept of the Greater Eurasian Partnership (GEP), which was put forward by Russian President Vladimir V. Putin at the St. Petersburg Economic Forum in June 2016. Having presented its integration project, Russia declared its readiness to promote it, focusing primarily on interaction with ASEAN countries. In this regard, the development of Russia's cooperation with the countries of the Eurasian space becomes one of the key areas of Russia's foreign policy strategy. In the context of this integration association, special importance is given to interaction with ASEAN countries, within which Vietnam is the main partner for Russia in the implementation of new integration initiatives. A significant role in promoting the Eurasian project was played by the Free Trade Agreement signed in May 2015, when Vietnam became the first state with which the Eurasian Economic Union concluded such an agreement, the signing of which contributed to the growth of trade volumes in bilateral economic relations. The authors draw attention to the fact that to further improve integration within the framework of the Greater Eurasian Partnership with Vietnam it is necessary to further develop mechanisms for cooperation and interaction aimed at a common approach to the formation of common markets.

Keywords. Russia, USSR, Vietnam, Comprehensive Strategic Partnership, Greater Eurasian Partnership, FTA, ASEAN.

Funding: This article was carried out with the support of Russian Foundation for Basic Research grant No. 20-514-92001/21 VAON «Russian-Vietnamese cooperation in the context of the current geopolitical situation in East Asia»

For citation: Marina A. Shpakovskaya, Vu Thuy Trang. Vietnam and its place in the Greater Eurasia Project // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;7(5):693-702 (In Russ.).

Новые геополитические вызовы современного мира, а также необходимость консолидации перед внешними вызовами и угрозами, стоящие перед странами ЕАЭС поставили вопрос о необходимости продолжения процессов интеграции. Дальнейшее развитие сотрудничества России со странами евразийского пространства превратилось в одно из важнейших направлений внешнеполитической стратегии России. В этой связи президент России В.В. Путин в своей статье «Новый интеграционный

проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в октябре 2011 г. отметил, что «мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом».¹

В этой связи важным шагом по дальнейшему развитию ЕАЭС стала концепция Большого Евразийского партнерства (далее БЭП), которая также была

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // *Известия*, 2011, 4.10.

выдвинута президентом России В.В. Путиным на Петербургском экономическом форуме в июне 2016 г. В этом интеграционном проекте взаимодействие со странами АСЕАН, в рамках которой Вьетнам выступает главным партнером для России, является базовой составляющей в архитектуре экономики Евразийского континента.

Азиатско-тихоокеанский регион во внешней политике России занимает одно из наиболее значимых направлений во внешнеполитической стратегии России. Согласно Концепции внешней политики РФ «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики».¹ Для современной России регион АТР имеет особое значение, также в связи с реализацией стратегической линии на крупномасштабное освоение районов Сибири и Дальнего Востока, создание инновационной, высокотехнологичной экономики в целом.

Основы сотрудничества России и Вьетнама

Вьетнам с момента установления дипломатических отношений с СССР в 1950 г. всегда оставался важным партнером как для Советского Союза, так и впоследствии для России. СССР как лидер социалистического блока всегда отстаивал внешнеполитические интересы Социалистической республики Вьетнам, поддерживал страну по линии политического, научного, экономического и военно-технического сотрудничества [Мосяков, Астафьева 2014].

Огромную роль сыграл СССР и в сложный период войны во Вьетнаме - с 1955 по 1975 гг. К сожалению, после распада СССР, в период, когда Россия «переживала сложную пору смены своих политических приоритетов и находилась в процессе концептуального формирования новой

внешней политики» отношения между Россией и Вьетнамом «оказались в критическом состоянии. Однако обе стороны сумели найти новую модель взаимоотношений...» [Кобелев 2015]. Действительно, после сложного периода начала 90-х гг. XX в. стороны снова вернулись к выстраиванию доверительных и взаимовыгодных отношений. России активизировалась на мировой арене, вернулась к многовекторной модели внешней политикой, которая позднее нашла свое выражение в «Доктрине Примакова», основываясь на которой российской внешней политикой были выстроены следующие фундаментальных принципы: Россия является незаменимым участником мировой политики, проводящий независимую внешнюю политику; внешняя политика России реализуется в контексте более широкого видения многополярного мира, управляемого группой стран; признание российского первенства на постсоветском пространстве и в Евразии имеет основополагающее значение для всех дипломатических инициатив в отношении России; Россия принципиально против любого расширения НАТО; партнерство с Китаем является краеугольным камнем внешней политики России.

Министра иностранных дел РФ С.В. Лавров отметил, что за время нахождения Евгения Примакова на посту министра иностранных дел был проведен ряд существенных изменений. По словам главы МИД РФ, Евгений Примаков — это «явление не только в нашей внешней политике, но и в российском государстве...его правительство заслонило собой огромную амбразуру... его приход в министерство иностранных дел России позволил стабилизировать внешнюю политику, придать ей устойчивость и самостоятельность».²

Уже в новых международных реалиях приступили к выстраиванию своих отношений Россия и Вьетнам. В результате активизации вьетнамского направления во

1 Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1033095> (Дата обращения 10.10.2021)

2 Лавров: в недалеком будущем историки сформулируют такое понятие, как "доктрина Примакова" // ТАСС, 28.10.2014. URL: <https://tass.ru/politika/1537769> (Дата обращения 10.11.2021)

внешней политики России в 1994 г. был подписан Договора об основах дружественных отношений¹. Хотя этот договор вполне можно охарактеризовать как декларативный, однако сам факт провозглашения дружеских отношений определил дальнейший вектор развития отношений между двумя странами.

Важную роль в формировании новой модели взаимоотношений способствовали также в начале XXI в., визиты лидеров двух стран. В ходе визита Президента В.В. Путина в 2001 г. в Ханой был подписан важный и основополагающий документ - Декларация о стратегическом партнерстве в XXI в.² Стратегическое партнерство имеет важное значение для обоюдного развития сотрудничества, направленного на конкретные его области, в том числе и на поддержание национальной безопасности каждой из сторон. Как правило, специалисты выделяют пять критериев выбора стратегических партнеров: общие интересы, общие ценностные ориентиры, общие стратегические устремления, общие рычаги влияния и, в ряде случаев, общая военная сила [Nadkarni 2010: 81]. Подписание данного документа свидетельствовало о выходе отношений между странами на новый уровень.

Термин «стратегическое партнерство» применительно к международным отношениям стал входить в научный оборот в 1990-х гг., характеризуя, прежде всего, отношения между США и Китаем. После развала СССР и распада биполярной системы международных отношений, когда под термином «союзник» понимался, как правило, участник военно-политического союза, то соглашения, заключенные после 1990-х гг. на уровне «стратегического партнерства» между двумя странами в различных областях международного взаимодействия ориентировались в основном на выстраивание отношений на базе взаимовыгодного сближения и поддержки в определенных сферах

сотрудничества.

В 2012 г. отношения между странами были повышены до уровня Всеобъемлющего стратегического партнерства (ВСП), которое представляет собой более высокий уровень сотрудничества, чем стратегическое партнерство. ВСП указывает на важность и значимость сотрудничества между двумя или несколькими сторонами, имеющими долгосрочные интересы; высокий уровень политического доверия; взаимное содействие друг другу, в целях реализации всестороннего сотрудничества в тех областях, в которых стороны, подписавшие его имеют общие интересы, такие как политическая, экономическая, культурная, и другие. Это партнерство ориентировано на конкретные цели, а также долгосрочное сотрудничество [Casarini 2009: 93].

С точки зрения общего присутствия России в Юго-Восточной Азии можно было констатировать, что Россия возвращается в регион АСЕАН и сделала это при активной поддержке Вьетнама. Стратегическое партнерство, таким образом, стало одним из основных факторов развития как двусторонних отношений, так и контактов между Россией и АСЕАН [Андреев 2013]. К этому времени Вьетнам превратился также в один из центров развития АСЕАН. Задачи, которые стояли перед Вьетнамом как новым членом АСЕАН (с 1995 г.), были достаточно непростые - необходимо было сократить разницу в экономическом развитии, прежде всего, в ВВП на душу населения по сравнению с другими участниками Ассоциации. Усилия, предпринятые Вьетнамом, позволили стране стать конкурентом таких традиционных лидеров АСЕАН как Индонезия, Малайзия или Сингапур [Ву Тхуи Чанг 2011: 115-123].

По словам доктора Ле Хонг Хиеп, научного сотрудника Института исследований Юго-Восточной Азии (ISEAS) в Сингапуре, стратегическое партнерство Вьетнам рассматривает, прежде всего, с

1 Договор об основах дружественных отношений (1994 г.). Правовой департамент МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-326/48253 (Дата обращения 10.10.2021)

2 Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3283> (Дата обращения 08.11.2021)

точки зрения безопасности, экономических выгод и повышения международного статуса Вьетнама [Шпаковская, Куклин, Нгуен 2019].

Между РФ и СРВ за прошедшие годы выстроена разветвленная система активных политических контактов и диалога, как на высшем, так и на всех других уровнях, что создало прочную базу политического сотрудничества. Президент РФ В.В. Путин неоднократно побывал с визитами в СРВ, что значительно укрепило традиционно дружественные отношения наших стран и народов. В последние годы контакты между двумя странами значительно активизировались. Кроме того, руководители двух государств регулярно встречаются «на полях» многосторонних форумов. На современном этапе Россия и Вьетнам уделяют особое внимание проблемам стабильности и безопасности в АТР. Стороны являются связующим звеном различных региональных механизмов сотрудничества, например, таких как форум АТЭС и Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ).

В рамках двустороннего сотрудничества активно развивается и торгово-инвестиционное направление, координируемое Межправительственной Российско-Вьетнамской комиссией по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству под председательством вице-премьеров двух стран.¹

Эффективным инструментом продвижения инвестиционного сотрудничества служит Российско-Вьетнамская рабочая группа высокого уровня по приоритетным инвестиционным проектам под председательством министров промышленности и торговли.

Основными направлениями стратегического партнерства России и Вьетнама остается сфера энергетики и

добычи энергоресурсов. Развивается и сотрудничество в сфере атомной энергетики, однако проект строительства АЭС совместно с Росатомом «Ниньтхуан-1» не был реализован по решению вьетнамской стороны.² Хотя летом 2015 г. стороны заключили новое Рамочное соглашение, прописав основные условия сотрудничества, однако уже на следующий год Вьетнам отказался от программы создания атомных электростанций. Помимо российского проекта был отменен и японский; последние должны были возводить АЭС «Ниньтхуан-2». За отказ от строительства станций проголосовало свыше 90% депутатов парламента Вьетнама.³

При этом стороны активно развивают сотрудничество в сфере образования, культуры и туризма, что подтверждается большим количеством квот для вьетнамских студентов и их заявок на обучение в российских учебных заведениях. Развивается также и отношения в области культуры - регулярными стали выставки культуры, искусства, фотографии, Вьетнам занимает прочные позиции как популярное туристическое направление.

В ноябре 2021 г. в Москву состоялся государственный визит президента СРВ Нгуен Суан Фука, по итогам которого было составлено совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства между странами до 2030 года. Президент Вьетнама не первый раз посещает Москву с визитом - в качестве премьер-министра СРВ он был в Москве в 2019 г. в результате которого были подписаны различные торгово-экономические соглашения и соглашения о взаимном сотрудничестве практически во всех областях. Вьетнам современного мира — это быстро развивающаяся 100-миллионная региональная держава, которая успешно интегрируется в региональную

1 Саммит Россия-АСЕАН в Сочи 2016. URL: http://russia-asean20.ru/russia_asean/20160308/23710.html (Дата обращения 10.10.2021)

2 Ведомости. Вьетнам отказался от строительства АЭС с «Росатомом». URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/11/11/6>

64452-vetnam-otkazalsya-ot-aes (Дата обращения 15.12.2021)

3 Нереализованный проект Росатома. АЭС могла стать первой в Юго-Восточной Азии// 6.05.2021. URL: https://zen.yandex.ru/media/str_rus/nerealizovannyi-proekt-rosatoma-aes-mogla-stat-pervoi-v-yugovostochnoi-azii-60934f0cc235fb60b6a7dc4e (Дата обращения 15.11.2021)

экономику и представляет интерес как страна-партнер не только для России, но и для других стран мира.

В процессе последних переговоров было подчеркнуто, что одним из важных направлений во взаимоотношениях двух стран занимает взаимодействие в военной и военно-технической сфере в сферах безопасности, в информационной безопасности. Страны согласовали свои позиции также по вопросам в обеспечении морской безопасности, свободы судоходства и воздушной навигации, а также беспрепятственной торговли

Также были затронуты вопросы формирования более справедливой демократической системы международных отношений, основанной на верховенстве международного права и принципах Устава ООН, включая суверенное равенство государств, территориальную целостность, равноправие и самоопределение народов, невмешательство во внутренние дела государств, неприменение силы или угрозы силой, урегулирование споров мирными средствами.

По итогам переговоров президентов РФ и Вьетнама Владимира Путина и Нгуен Суан Фука было принято совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между странами до 2030 года.¹

Важным моментом в подписанных документах явился вопрос о безопасности по Южно-Китайскому морю - и Россия и Вьетнам высказались за полное выполнение Декларации по Южно-Китайскому морю. Лидеры выступили за наращивание усилий по созданию в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) прозрачной архитектуры безопасности на внеблоковых началах. Было обращено внимание, что стороны считают международную безопасность неделимой и всеобъемлющей, и безопасность одних государств недопустимо обеспечивать за счет безопасности других, в том числе путем

расширения действующих или создания новых закрытых военно-политических альянсов, рассматривают укрепление стратегического доверия в качестве важнейшего фактора обеспечения мира, стабильности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом. В контексте вопрос безопасности важное место было уделено развитию механизма консультаций представителей РФ и АСЕАН. Также были оговорены вопросы сотрудничества в гуманитарной области: медицине, гуманитарной области, в сфере образования.²

К сожалению, одним из серьезных препятствием для полноценного развития экономических отношений представляется географическая удаленность двух сторон, недостаточное развитое пока состояние транспортной инфраструктуры. В этом контексте задача совершенствования морских коммуникаций является одной из главных, которая может дать новый импульс развитию торгово-экономическим отношениям России и Вьетнаму. Вьетнам в Юго-Восточной Азии Вьетнам является одной из самых динамично развивающихся экономик со среднегодовым темпом роста более 6%, что свидетельствует о поступательном экономическом росте страны. Во многом это объясняется развивающимся энергетическим сектором, именно от его уровня развития зависят направление и темпы развития индустриализации страны.

В то же время, оценивая современный уровень развития торгово-экономического сотрудничества, можно отметить, что он не соответствует своим потенциальным возможностям. Для активизации сотрудничества представляется важным дальнейшее развитие прямых контактов между деловыми кругами наших стран, сотрудничество по «второму каналу», т.е. по линии неправительственных организаций и

¹ Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам на период до 2030 года // 30.11.2021.URL.:

<http://www.kremlin.ru/supplement/5742> (Дата обращения 23.10.2021)

² Президенты России и Вьетнама приняли заявление по итогам переговоров // РИА Новости. 30.11.2021 URL.: <https://ria.ru/20211130/zayavlenie-1761542964.html> (Дата обращения 25.11.2021)

научного сообщества.¹

Отношения России и Вьетнама всегда характеризовались высокой интенсивностью контактов, углубленным взаимодействием и прочными основами к взаимопониманию. Вьетнам по-прежнему остается важнейшим стратегическим партнером в АСЕАН для России и единственной ключевой страной для вовлечения России в региональные проекты ЮВА.

При этом надо отметить, что современная политика Вьетнама отличается многовекторностью, асеаноцентричностью и стремлением занять прочные позиции на многосторонних площадках с целью усилить свои позиции не только в регионе, но и в целом в международном сообществе.

Экономическое сотрудничество и перспективы ЗСТ Вьетнама и ЕАЭС

Как известно, идея создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) была заложена в принятой президентами России, Белоруссии и Казахстана 18 ноября 2011 г. Декларации о евразийской экономической интеграции, в которой были зафиксированы цели евразийской экономической интеграции, а также была провозглашена задача создания Евразийского экономического союза к 1 января 2015 г.

Образованный в 2014 г. Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) одним из основных форм своего сотрудничества с третьими странами определил такую форму как заключение региональных торговых соглашений, при которой каждое государство самостоятельно определяет свою торговую политику в отношении торговли услугами, осуществление инвестиций с другими странами и заключение международных соглашений об экономической интеграции в сфере торговли услугами и инвестиций. Политика в области внешней торговли является важным инструментом по дальнейшему продвижению ЕАЭС.

Новые задачи в политической и

экономической областях, а также необходимость консолидации перед внешними вызовами и угрозами, стоящие перед странами ЕАЭС поставили вопрос о необходимости продолжения процессов интеграции [Исаков 2014: 169]. Позиция России как одного из лидеров процесса евразийской интеграции была освещена в статье президента России В. В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в октябре 2011 г. В ней президент России подробно расписал планы и перспективы создания на постсоветском пространстве Евразийского союза. В ней он, в частности отметил, что «мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом».²

В этом контексте значимой идеей по развитию ЕАЭС стала концепция БЕП, выдвинутая президентом России В.В. Путиным на Петербургском экономическом форуме в июне 2016 г. Представив свой интеграционный проект, Россия заявила о готовности продвигать его, ориентируясь в первую очередь на взаимодействие со странами АСЕАН, в рамках которой Вьетнам выступает главным партнером как для России, так и для ее союзника Китая. Россия приступает к осуществлению в регионе Юго-Восточной Азии новых интеграционных инициатив, в реализации которых выводит Вьетнам в потенциальные лидеры региональных политических процессов.

Уже седьмой год существует Зона свободной торговли Вьетнама и ЕАЭС, и за это время мы можем отметить, что товарооборот увеличился. Период пандемии, связанной с COVID-19, явился большим вызов для сотрудничества стран ЕАЭС. В результате экономическое развитие затормозилось, снизилось ВВП всех государств, участвующих в этом

1 Локшин Г. Сотрудничество с Вьетнамом - часть российского «поворота на восток» // Независимая газета. 29.11.2021. URL.: [https://www.ng.ru/world/2021-11-](https://www.ng.ru/world/2021-11-29/100_vietnam.html?id_user=Y)

29/100_vietnam.html?id_user=Y (Дата обращения.18.11.2021)

2 Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3 ноября 2011.

интеграционном объединении. По официальной оценке, Евразийской экономической комиссии снижения совокупного ВВП ЕАЭС составляет 3,9%.¹

Для более эффективного взаимодействия Вьетнама с ЕАЭС, по мнению научного сотрудника Института европейских исследований при Вьетнамской академии общественных наук, профессор Нгуен Кань Тоан необходимо обратить на вопросы создания новых факторов роста конкурентоспособности на современном этапе интеграции ЕАЭС. Необходим единый подход к формированию общих рынков, использованию технических регламентов ЕАЭС, имеющих значительное воздействие на увеличение торговли по сравнению с дальнейшим снижением таможенных тарифов. Немаловажным моментом в успешном развитии торговли является то, что около 90% вьетнамских предприятий не используют русский язык для общения, что замедляет взаимодействие между партнерами. Отрицательно также сказываются на уровне торговли недопонимание по квотам на импорт из Вьетнама в ЕАЭС, что по мнению вьетнамской стороны требует согласования и, возможно, пересмотра.²

Также значительной проблемой явилось проблема долларизации вьетнамской экономики. Вьетнам принял решение по ограничению долларизации вьетнамской экономики - в связи с этим, по мнению вьетнамской стороны, в торговле между Вьетнамом и ЕАЭС необходимо иметь соглашение об оплате в валюте по обменному курсу, согласованному обеими сторонами. Развитие и углубление интеграции Вьетнама с ЕАЭС во многом зависит от развития торговых обменов.³

В декабре 2020 г. Главы государств Евразийского экономического союза на

заседании Высшего Евразийского экономического совета утвердили Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Обсуждение основных направлений дальнейшего сотрудничества касалось вопросов цено - и тарифообразования на услуги по транспортировке газа на общем рынке газа ЕАЭС в рамках Международного договора по формированию общего рынка газа Евразийского экономического союза. Принятие Стратегии представляется важным этапом в развитии ЕАЭС, на котором уже можно говорить о переходе от этапа становления к этапу проектной интеграции. В документе сформулированы контуры экономического взаимодействия в новых областях – в образовании, здравоохранении, туризме и спорте. Отдельное направление – формирование Союза как одного из наиболее значимых центров развития современного мира.⁴

Неудивительно, что такой крупный интеграционный проект, как ЕАЭС вызвал интерес у ряда стран АСЕАН. В свою очередь перспектива продвижения евразийской инициативы, поддерживаемой и важной для России на внешние и крайне привлекательные рынки ЮВА, также являлась приоритетной. Значительную роль в продвижении Евразийского проекта сыграло Соглашение о свободной торговле (подписано 29 мая 2015 года). Вьетнам стал первым государством, с которым Евразийский экономический союз, заключил подобное соглашение⁵. Действительно с введением соглашения о ЗСТ наблюдался рост объемов торговли в рамках двусторонних экономических отношений. Так в 2020 г. товарооборот России с Вьетнамом увеличился на 15,20% по сравнению с 2019 годом, а в 2021 г. на

1 Иноземцев В. ЕАЭС во время пандемии // РСМД. 19.02.2021. URL.: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/eaes-vo-vremya-pandemii/> (Дата обращения 19.10.2021)

2 Четыре года свободной торговли Вьетнама и ЕАЭС: взгляд из Ханоя // Фонд Диалог Цивилизаций. Таджикистан и мир. URL.: <https://www.dialog.tj/news/4-goda-svobodnoj-torgovli-vetnama-i-eaes-vzglyad-iz-khanoya> (Дата обращения 05.10.2021)

3 Там же

4 Мясникович М.: «Международная деятельность ЕАЭС должна способствовать повышению конкурентоспособности национальных экономик» // интернет-портал СНГ. URL. <https://e-cis.info/news/568/91867/> (Дата обращения 15.12.2021)

5 Подписан закон о ратификации соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/126/events/51852>

25,91%¹. Довольно значительный рост наблюдается в рамках показателей экспорта и импорта, однако в отношении имплементации подобного партнерства есть и несколько особых моментов, на которые стоит обратить внимание.

Заключение

Можно отметить ряд проблем при реализации договора о ЗСТ с Вьетнамом: некоторые направления «экономического сотрудничества осталось не охваченным либерализацией. В списки исключений попали довольно обширные группы товаров. Евразийский союз в рамках защиты своих товаров сохранил прежние значения пошлин для таких товаров как мясо, молоко, сахар, трубы, машины, а Вьетнам — отдельные

виды мяса, птицы, соль, изделия из драгоценных металлов».² Также можно отметить введение различных таможенных мер, триггерных значений по импорту ряда категорий товаров и т.д. Как можно наблюдать, соглашение выдержано в традициях уважения к суверенитету контрагентов, что для стран АСЕАН является важным фактором реализации каких-либо договоренностей.

В условиях роста глобальных вызовов и угроз и связанных с ними рисков, продвижение интеграционных инициатив ЕАЭС может способствовать повышению конкурентоспособности национальных экономик во всех сферах и областях, что даст возможность активизировать сотрудничество

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Casarini N.* Remaking Global Order: The Evolution of Europe-China Relations and its Implications for East Asia and the United States. Oxford. Oxford university press. 2009. P. 93.
- Nadkarni V.* Strategic Partnerships in Asia: Balancing without alliances. N.Y. Routledge. 2010. P. 81
- Андреев П.С.* Россия Вьетнам: текущее состояние двустороннего сотрудничества и перспективные направления развития экономических отношений // Общество: политика, экономика, право. 2013. №1.
- Ву Тхуи Чанг.* Некоторые итоги членства Вьетнама в АСЕАН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2011. №4. С. 115-123.
- Исаков И.Ж.* Политическая конкуренция и консолидация в процессе евразийской интеграции// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 12. С.169.
- Кобелев Е.В.* Российско-вьетнамские отношения: реальность и перспективы // Вьетнамские исследования. 2015. №5.
- Мосяков Д.В., Астафьева Е.М.* Научно-практический семинар «Перспективы развития российско-вьетнамских отношений на новом этапе» (краткий обзор) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. №25.
- Шпаковская М.А., Куклин Н.С., Нгуен Т.Н.З.* Всеобъемлющее стратегическое партнерство Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации: основа, содержание и принципы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития Том I, № 2 (43), 2019.
- Шпаковская М.А., Курьлев К.П., Куклин Н.С.* Россия, Вьетнам и контуры «Большого Евразийского партнерства» Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 2. № 4 (41). С. 112-128.
- Шпаковская М.А., Чанг Ву.Т., Курьлев К.П., Понька Т.И., Дубровский И.Р.* «Экономический пояс Шелкового пути»: перспективы и вызовы для Вьетнама // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 150-167.

REFERENCES

- Casarini N.* Remaking Global Order: The Evolution of Europe-China Relations and its Implications for East Asia and the United States. Oxford. Oxford university press. 2009. P. 93.

1 Внешняя торговля России. // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-vetnamom-v-2020-g/>; 25,91% (Дата обращения 10.11.2021)

2 РСМД. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС — Вьетнам. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shest-voprosov-o-zst-eaes-vetnam/?sphrase_id=69752 (Дата обращения 08.10.2021)

- Nadkarni V.* Strategic Partnerships in Asia: Balancing without alliances. N.Y. Routledge. 2010. P. 81
- Andreev P.S.* Rossiya V'etnam: tekushchee sostoyanie dvustoronnego sotrudnichestva i perspektivnye napravleniya razvitiya ekonomicheskikh otnoshenij // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo.* 2013. №1.
- Vu Thui CHang.* Nekotorye itogi chlenstva V'etnama v ASEAN // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya.* 2011. №4. С. 115-123.
- Isakov I.ZH.* Politicheskaya konkurenciya i konsolidaciya v processe evrazijskoj integracii// *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta.* 2014. Vyp. 12. S.169.
- Kobelev E.V.* Rossijsko-v'etnamskie otnosheniya: real'nost' i perspektivy // *V'etnamskie issledovaniya.* 2015. №5.
- Mosyakov D.V., Astafeva E.M.* Nauchno-prakticheskij seminar «Perspektivy razvitiya rossijsko-v'etnamskikh otnoshenij na novom etape» (kratkij obzor) // *YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2014. №25.
- SHpakovskaya M.A., Kuklin N.S., Nguen T.N.Z.* Vseob"emlyushchee strategicheskoe partnerstvo Socialisticheskoy Respubliki V'etnam i Rossijskoj Federacii: osnova, sodержanie i principy // *YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya Tom I, № 2 (43),* 2019.
- SHpakovskaya M.A., Kurylev K.P., Kuklin N.S.* Rossiya, V'etnam i kontury «Bol'shogo Evrazijskogo partnerstva» *YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2018. T. 2. № 4 (41). S. 112-128.
- SHpakovskaya M.A., CHang Vu.T., Kurylyov K.P., Pon'ka T.I., Dubrovskij I.R.* «Ekonomicheskij pojas SHelkovogo puti»: perspektivy i vyzovy dlya V'etnama // *Voprosy istorii.* 2020. № 9. S. 150-167.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шпаковская Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН). Москва, Россия. E-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

Marina A. Shpakovskaya, Doctor of History, Professor at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

Ву Тхуй Чанг ВАОН, Вьетнам, кандидат исторических наук, директор центра изучения России и СНГ при Институте европейских исследований ВАОН (Вьетнамская Академия Общественных наук). E-mail: vuthuytrang@yandex.ru.

Vu Thuy Trang, PhD in History, Director of the Center for Russian and CIS Studies, Institute of European Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. Email: vuthuytrang@yandex.ru.

Проблема участия и взаимодействия государств СНГ в рамках ШОС

Ву Чи-Ян (Китай)

Университет Китайской Культуры, Тайбей, Тайвань
e-mail: 1032205827@rudn.ru

Аннотация. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) развивалась более 20 лет с момента ее официального создания в 2001 г. Изначально организация создавалась для решения пограничных вопросов. Сегодня она сформировалась в международную организацию, охватывающую многие страны евразийского континента, ее сотрудничество ориентировано на политические, военные, экономические, научные, культурные и другие аспекты. Данная работа была написана в рамках теории неореализма с применением метода системного анализа, в ней были рассмотрены типологии и взаимодействия государств-участников стран СНГ внутри ШОС, дана характеристика механизма и особенностей сотрудничества в организации. Исследование делится на три основные части: в первой рассмотрены правовые документы ШОС в сфере безопасности, во второй - сотрудничество в сфере безопасности и виды сотрудничества с участниками СНГ в рамках организации, в третьей выявлены потенциальные аспекты дальнейшего сотрудничества в ШОС. Эти пункты демонстрируют приоритеты, потенциал и перспективу сотрудничества стран Центральной Азии в области безопасности в рамках ШОС.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, военное сотрудничество, безопасность.

Для цитирования: Ву Чи-Ян Проблема участия и взаимодействия государств СНГ в рамках ШОС // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):703-710.

The problem of participation and interaction of the CIS states within the SCO

Wu Chi -Yuan (China)

Chinese Culture University, Taipei, Taiwan
e-mail: 1032205827@rudn.ru

Abstract. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) has been developing for more than 20 years since its official establishment in 2001. Initially, the organization was created in the name of solving border issues. Today it has formed into an international organization covering many countries of the Eurasian continent, and its cooperation is focused on political, military, economic, scientific, cultural and other aspects. This work was written in the framework of the theory of neorealism using the method of system analysis; it examines the typologies and interactions of the member states of the CIS countries within the SCO. The mechanism and feature of cooperation in the organization are characterized. As part of the study, three main parts were considered: the first is the SCO legal documents in the field of security, the second is cooperation in the field of security and types of cooperation with CIS members within the organization, and the third is potential aspects for further cooperation in the SCO. These items will clearly demonstrate the priorities of cooperation between the countries of Central Asia in the field of security within the framework of the SCO and the potential for cooperation in the field of security of the organization in the future.

Key words: Shanghai Cooperation Organization, SCO, military cooperation, security

For citation: Wu Chi-Yuan. The problem of participation and interaction of the CIS states within the SCO // Postsovietkie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;7(5):703-710 (In Russ.).

ШОС, созданная в 2001 г., объединяла Кыргызстан, Туркменистан) в вопросах Китай, Россию и четыре страны Центральной безопасности и обороны. США не были Азии (Узбекистан, Таджикистан, довольны данным решением, поскольку всё

свидетельствовало о том, что в дальнейшем блок будет расширяться и, вероятно, превратится в крупную региональную организацию сотрудничества с центрами влияния в Китае и России, а Соединенные Штаты, которые использовали борьбу с терроризмом для создания военных баз в Центральной Азии, поддерживали цветные революции за счет экономической помощи, культивировали проамериканский режим и размещали свои силы между двумя крупными державами, Китаем и Россией, не будут иметь права голоса в этой организации.

Представления ШОС о безопасности отличались от представлений ОДКБ и СНГ. Еще в «Совместном заявлении участников Алма-Атинской встречи» (1997 г.) указывалась неприемлемость любых форм этнического сепаратизма, этнической нетерпимости и религиозного экстремизма, провозглашалось противостояние терроризму, экстремизму и сепаратизму как важный принцип антитеррористического сотрудничества ШОС в сфере безопасности. На Четвертой встрече «Шанхайской пятёрки» главы государств договорились предпринимать совместные усилия по борьбе с «терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом» и по поддержанию региональной стабильности. Эти принципиальные позиции представляли собой когнитивный консенсус стран Центральной Азии против этнического сепаратизма и религиозного экстремизма, а также это был «путь самосознания» [Baizakova 2013: 59-79], который стал идеологической основой сотрудничества в рамках организации.

После теракта 11 сентября 2001 г., страны Центральной Азии столкнулись с новыми угрозами со стороны «терроризма, экстремизма и сепаратизма», которые также создали проблемы для Пекина и Москвы, сохранение стабильности в регионе стало общей целью всех членов организации [Narajarvi 2012: 113-126]. По этой причине в Совместном заявлении министров иностранных дел государств, входящих в ШОС, прямо указано, что борьба с терроризмом является главным приоритетом организации, подчеркнута необходимость

борьбы с экстремизмом и сепаратизмом. Необходимо было срочно призвать все страны изменить свое мышление, достичь консенсуса и принимать решительные меры ввиду проникновения в Центральную Азию таких террористических организаций и банд, как «Восточный Туркестан», «Исламское движение Узбекистана» и «Партия исламского возрождения». Установление принципов антитеррористической безопасности свидетельствовало о переходе от пассивного реагирования к активному и всеобъемлющему противодействию терроризму, что стало основой для последовательного регионального консенсуса в отношении контртеррористической безопасности.

В 2001 г. в свете борьбы с региональным терроризмом в Центральной Азии ШОС приняла «Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», в которой были изложены соответствующие концепции [Лю Юшань 2004]. Конвенция приравнивала к террористическим актам любые организованные и преднамеренно незаконные действия физических лиц и организаций, которые угрожали невооруженному гражданскому населению и причиняли вред определенным объектам. ШОС также требовала от государств-членов должным образом сформулировать внутреннее антитеррористическое законодательство для защиты интересов безопасности в регионе, активизировать обмен информацией о терроризме и материалами о законах и постановлениях и их применении, проводить регулярное совместное обсуждение вопросов предотвращения терактов, выявления и наказания террористов для содействия упорядоченному региональному развитию. В целях повышения эффективности работы в 2004 году страны создали два постоянных органа в рамках организации: Секретариат с месторасположением в Пекине, и Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) в Ташкенте, совместно финансируемые КПК, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном [Feng Zheng , Xue Litai 2019: 142-148]. В 2009 г. ШОС вновь пересмотрела и обнародовала

Антитеррористическую конвенцию¹, в которой четко определила значение таких понятий, как терроризм и террористические организации, также установила четкие обязательства и ответственность в отношении террористических актов и наказания за них. Кроме того, ШОС обнародовала ряд соответствующих антитеррористических правовых документов, например, в 2008 г. были подписаны «Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом оружия боеприпасов и взрывчатых веществ» и «Соглашение о порядке организации и проведении совместных антитеррористических учений государствами-членами ШОС», «Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности», было уточнено «Положение ШОС о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования на ситуации, угрожающие миру, безопасности и стабильности в регионе», «Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов ШОС» в 2009 г., «Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств - членов ШОС в борьбе с преступностью» (2010), утверждены «Антинаркотические стратегии государств-членов ШОС» и «Программы действий по выполнению антинаркотических стратегий». Эти правовые документы охватывают многие аспекты по борьбе с террористическими преступлениями, укреплению правовой системы антитеррористического сотрудничества ШОС и безопасности.

Об эффективности реализации сотрудничества ШОС в сфере борьбы с терроризмом и безопасностью. Ориентируясь на меняющийся характер

терроризма, экстремизма и сепаратизма, организация проводит согласованную работу по противодействию этим противоправным явлениям, которая выражается в обучении, обмене информацией и социальной мобилизации. Например, в целях повышения эффективности национальной безопасности, специалистов из разных стран обучают использованию комбинации разведки и превенции, проводят оперативные антитеррористические расследования актов терроризма, совершенных в их собственной стране или в других странах². Для обмена информацией в области контртеррористической безопасности создана всеобъемлющая региональная информационная система обеспечения и обмена информации в области борьбы с терроризмом, построено безопасное, открытое и кооперативное киберпространство, а также укреплено сотрудничество в комплексных системах информационной безопасности между странами и т. д.³. Постепенно повышался уровень сотрудничества и согласованных действий в области контртеррористической безопасности в рамках организации.

Проведение многосторонних и двусторонних совместных антитеррористических военных учений ШОС является важной частью сотрудничества. С 2002 г. организация провела ряд совместных антитеррористических военных учений государств-членов, это укрепило взаимное доверие между странами в военной сфере и в сфере безопасности. В августе 2003 г. организация провела совместные антитеррористические военные учения под кодовым названием «Взаимодействие-2003» в районе китайско-казахстанской границы с участием России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Это показывает, что многостороннее совместное противодействие терроризму приобретает институционализированный характер. На

¹ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, Екатеринбург, 16 июня 2009 г., <https://docs.cntd.ru/document/902339374>

² Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре,

Санкт-Петербург, 6 июня 2002 г., <http://www.kremlin.ru/supplement/3864>

³ Уфимская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, Уфа, 9–10 июля 2015 г., <http://sco-russia.ru/load/1013640909>

этой основе организация осуществила серию проектов под названиями «Восток-антитеррор-2006», «Мирная миссия-2007», «Норак Антитеррор-2009», «Тяньшань-2(2011)», «Мирная миссия-2012», «Казыгурт-Антитеррор-2013», «Мирная миссия-2014», «Мирная миссия-2016», «Мирная миссия-2018», «Мирная миссия-2020» и другие многосторонние совместные военные учения. Возрастает роль Пекина в совместных антитеррористических военных учениях организации. Например, в октябре 2002 г. Пекин и Кыргызстан впервые провели двусторонние военные учения по борьбе с терроризмом, открыв новый путь для регионального сотрудничества в области безопасности и борьбы с терроризмом. В 2006 г. Пекин и Казахстан провели крупномасштабные антитеррористические военные учения. В сентябре 2006 г. китайское правительство предоставило технику и были проведены китайско-таджикские совместные антитеррористические военные учения под кодовым названием «Взаимодействие-2006».

Помимо учений, еще одним направлением сотрудничества в рамках ШОС являлось совместное правоприменение со стороны органов общественной безопасности, внутренних дел и пограничной охраны для пресечения трансграничных преступлений [Дусметова, Налипай 2020: 297-303], проведения совместных уголовных расследований, репатриации и задержания беглецов. С помощью обмена разведанными происходило взаимное обеспечение материалами и оборудованием, проводилось задержание и передача террористов и других трансграничных преступников. 23 января 2014 г. группа восточно-туркестанских боевиков пересекла китайско-киргизскую границу и вошла в Джети-Огузский район Иссык-Кульской области Кыргызстана, все нарушители были уничтожены киргизскими пограничными войсками.

В последние годы ШОС уделяла особое внимание проблеме террористов, отправляющихся на Ближний Восток воевать и возвращающихся по поддельным документам или изменив личность. Например, 30 августа 2016 г. в посольстве

Китая в Кыргызстане произошел теракт, который осуществил член движения «Восточный Туркестан», имевший кыргызский паспорт.

С ноября 2008 г. по август 2010 г. в рамках сотрудничества ШОС по борьбе с наркотиками, Министерство общественной безопасности Китая координировало антинаркотические управления в Гуандуне, Синьцзяне, Пекине и других местах в сотрудничестве с Комитетом национальной безопасности Казахстана для реализации четырех трансграничных акций «Контролируемая поставка» и добилось успеха. Также Россия, Кыргызстан, Таджикистан и другие страны неоднократно успешно реализовывали операцию «Контролируемая поставка».

В рамках ШОС с апреля по ноябрь 2014 г. китайско-российские пограничные ведомства провели полугодовую совместную операцию «Восток-2014» на восточной китайско-российской границе. В этот период пограничными ведомствами двух стран были приняты меры по одновременному укреплению границ Автономного района Внутренней Монголии, Китая, провинций Цилинь, Хэйлуцзян, Забайкальского, Приморского, Хабаровского краев, Еврейской автономной и Амурской областей, сочетая управление и контроль за портами с организацией и проведением совместных правоохранительных мероприятий по борьбе с контрабандой, трансграничной преступностью и терроризмом, пресекается незаконный трансграничный промысел.

15 июня 2015 г. Китай и Кыргызстан впервые начали совместную правоохранительную операцию «Восток-2015» в рамках ШОС, которая длилась 6 дней. Чтобы повысить результативность предотвращения и пресечения незаконной деятельности, препятствующей безопасности и стабильности границ, во время учений был выполнен ряд действий, таких как закрытие и контроль границы, горные инспекции, пограничные аресты, портовые инспекции по выявлению скрытых проблем и т.д. Такие учения повышают эффективность пограничных ведомств двух стран в деле предотвращения незаконной и

преступной деятельности в приграничных районах. С 2009 по 2013 год Китай и Казахстан неоднократно обращались друг к другу за помощью в расследовании и задержании подозреваемых в совершении преступлений, и в 2013 году они успешно осуществили процедуру обмена преступниками.

Обмен и использование разведывательной информации в рамках ШОС также стали предметом пристального внимания. Получение информации и разведанных имеет важное значение для контртеррористических операций, оно может обеспечить раннее предупреждение преступлений, помочь в их расследовании. В рамках ШОС существует четыре основных платформы для обмена контртеррористической разведывательной информацией: 1. Конференц-площадка, на которой происходит встреча глав государств, премьер-министров, руководителей различных ведомств, проведение академических семинаров и т. д., во время которых стороны обсуждают ситуацию с региональной безопасностью, обмениваются информацией и опытом работы в сфере безопасности. 2. Секретариат и Региональная антитеррористическая структура (РАТС), после сбора, систематизации и анализа антитеррористической разведывательной информации, секретариат РАТС регулярно информирует государства-члены о последних событиях в антитеррористической сфере. Кроме того, РАТС имеет базу разведанных, доступную для государств-членов. 3. Совместная площадка для военных учений. 4. Веб-сайт и обучающая платформа.

Учения по борьбе с кибертерроризмом направлены на укрепление сотрудничества правоохранительных органов в области кибербезопасности. Первые учения прошли в Сямэне, Китай, в октябре 2015 г. Эти учения показали, что ШОС создала совместный механизм для предотвращения угроз кибертерроризма, включая мониторинг фотографий, видео и аудио, загруженных экстремистскими группами и лицами,

завербованными террористическими организациями в Интернете. Директор исполкома РАТС Евгений Сысоев считает, что в плане борьбы с террористами, особенно с их кадровым костяком, в ШОС осуществляется очень эффективный информационно-разведывательный обмен, в этой сфере Китай и Россия имеют большой опыт [Барсегян А.А. Кернер 2020: 315-322]. Одним из важных направлений является взаимодействие с авторитетными ведомствами различных стран для координации и устранения угроз в информационном пространстве. Только в 2015 г. государства-члены заблокировали более 500 сайтов, распространяющих экстремистские идеи, и более 200 тысяч материалов насильственного и террористического характера.

В июне 2015 г. Китай и Таджикистан провели специальные полицейские антитеррористические учения. В октябре 2016 г. вооруженные силы Китая и Таджикистана провели антитеррористические военные учения [Майтдинова 2021: 255-264], также в 2019 г. Народная вооруженная полиция КНР и Росгвардия провели совместное учение «Сотрудничество-2019»¹ и др. Кроме того, Китай укрепил военное сотрудничество с Туркменистаном, продав Туркменистану ракетные системы для обеспечения безопасности границы с Афганистаном [Pantucci 2015: 272-277]. Эти мероприятия в значительной степени напугали террористов и в определенной степени обеспечили мир и стабильность в Центральной Азии.

Страны Центральной Азии имеют большие различия в целях регионального сотрудничества в области контртеррористической безопасности. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан проявляют большой интерес к процессу сотрудничества в сфере безопасности и борьбы с терроризмом. Они приняли соответствующие законы и положения по борьбе с терроризмом, присоединились к различным международным конвенциям и организациям, чтобы наладить механизм

¹ Росгвардия и Народная вооруженная полиция КНР проводят совместное учение, 11 октября 2019, <https://rosguard.gov.ru/ru/news/article/rosvardiya-i->

[narodnaya-vooruzhennaya-policiya-knr-provodyat-sovmestnoe-uchenie-sotrudnichestvo2019](https://rosguard.gov.ru/ru/news/article/rosvardiya-i-narodnaya-vooruzhennaya-policiya-knr-provodyat-sovmestnoe-uchenie-sotrudnichestvo2019)

взаимодействия сотрудничества в области контртеррористической безопасности в регионе. Узбекистан с большими оговорками развивает двусторонние отношения, а Туркменистан подчеркивает статус «нейтральной страны». Это заставляет их по-разному смотреть на ценностную ориентацию национальной стратегии, контроль над региональной безопасностью и распределение региональных экономических выгод. Между странами Центральной Азии отсутствует доверие, особенно в области совместных военных операций, дают о себе знать и пограничные трения между Таджикистаном и Узбекистаном.

Как две ведущие державы в ШОС, Китай и Россия не только играют значительную роль в регионе, но и оказывают влияние на глобальную ситуацию. И Китай, и Россия надеются на сохранение стабильности в Центральной Азии, для этого они проделали большую работу. Военное влияние России в Центральной Азии с ее военными базами и силами быстрого реагирования ОДКБ - очевидно. Пекин предоставляет существенную помощь в области безопасности странам Центральной Азии на двусторонней и многосторонней основе.

Благодаря сотрудничеству и твердым гарантиям Китая и России, ситуация с безопасностью в Центральной Азии в целом находится под контролем.

У ШОС есть некоторые недостатки в области безопасности: во-первых, недостаточен координационный потенциал. Между некоторыми государствами-членами существуют конфликты, которые влияют на единство и сплоченность внутри организации [Рахимов 2022: 267-285]. Во-вторых, отсутствуют возможности для

экстренного реагирования. При решении некоторых серьезных чрезвычайных ситуаций, связанных с безопасностью, возможности ШОС по реагированию на чрезвычайные ситуации все еще нуждаются в улучшении. В-третьих, отсутствие способности к действию. Все это требует от государств-членов ШОС объединения, сотрудничества и координации для улучшения дальнейшего содействия всестороннему развитию сотрудничества в области безопасности в рамках ШОС и увеличения вклада в региональную безопасность и стабильность.

В предстоящий период сотрудничество ШОС в области безопасности будет сосредоточено на следующих семи направлениях: 1) укрепление правовой базы, уточнение соглашений, формулировка мер по их реализации и т.д.; 2) улучшение внутренних организационных механизмов, чтобы сотрудничество стало более эффективным и продуктивным; 3) международное сотрудничество, особенно сотрудничество с государствами-наблюдателями и другими международными организациями, для совместного поддержания региональной безопасности и стабильности; 4) сетевая безопасность, пресечение распространения религиозных экстремистских идей в интернете; 5) обмен персоналом и обучение для повышения взаимопонимания; 6) укрепление правоохранительных органов для борьбы с терроризмом, распространением наркотиков и транснациональной организованной преступностью; 7) проведение консультаций по стратегии безопасности, согласование концепций безопасности и осуществление стратегического планирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Baizakova K.I.* The Shanghai Cooperation Organization's Role in Countering Threats and Challenges to Central Asian Regional Security, *Russian Politics and Law*, Vol.51, No.1, January- February 2013, pp. 59-79.
- Feng Zheng, Xue Litai.* Reversed “Spillover Effect”: the Shanghai Cooperation Organization’s Success from Security Cooperation to Other Areas, *Journal of Xi’an Jiaotong University (Social Sciences)*, Vol.39(Sum No.154), Mar.2019, pp. 142-148.
- Liu Yuanshan.* On the Domestic Implementation of Anti-Terrorism Multilateral Treaties // *Hebei Law*, No. 8, 2004.
- Narajarvi T.* China, Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Blessing or Curse for New Regionalism in Central Asia? *Asia Europe Journal*, Vol.10, No.2, 2012, pp.113-126.

- Pantucci R.* China and Russia's Soft Competition in Central Asias, *Current History*, October 2015, pp.272-277.
- Барсегян А.А., Кернер Е.А.* Проблема цифровизации терроризма на пространстве СНГ, *Постсоветские исследования*, т.3, №4, 2020, с. 315-322.
- Дусметова С.И., Налипай А.А.* Проблема терроризма в республике Казахстан, *Постсоветское исследование*, Т.3 №4, 2020, с. 297-303.
- Курылев К.П., Баранник М.А., Станис Д.В.* ШОС как несущий элемент конструкции большой евразии // *Постсоветские исследования*. 2020. Т. 3. № 8. С. 627-632.
- Курылев К.П., Малышев Д.В., Хотивришвили А.А., Шабловский В.С.* ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 2. С. 81-88.
- Курылев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «Один пояс, Один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Майтдинова Г.М.* Таджикиские китайские отношения в условиях формирования полицентричного мира, *Постсоветские исследования*, т.4, №4, 2021, с 255-264.
- Рахимов К.Х.* Вклад государств – членов ШОС по урегулированию А в каннского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО, *Постсоветское исследование* Т.5 №4, 2022, с. 367-385.
- Рахимов К.Х., Курылев К.П.* Роль Шанхайской Организации Сотрудничества в обеспечении безопасности в Центральной Азии. Москва, 2018.
- Рахимов К.Х., Курылев К.П., Химич Г.А.* Взаимодействие Шанхайской Организации Сотрудничества с международными и региональными организациями по поддержанию международного мира и коллективной безопасности // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2020. Т. 10. № 9 (66). С. 2322-2338.

REFERENCES

- Baizakova K.I.* The Shanghai Cooperation Organization's Role in Countering Threats and Challenges to Central Asian Regional Security, *Russian Politics and Law*, Vol.51, No.1, January- February 2013, pp. 59-79.
- Feng Zheng, Xue Litai.* Reversed “Spillover Effect”: the Shanghai Cooperation Organization’s Success from Security Cooperation to Other Areas, *Journal of Xi’an Jiaotong University (Social Sciences)*, Vol.39(Sum No.154), Mar.2019, pp. 142-148.
- Liu Yuanshan.* On the Domestic Implementation of Anti-Terrorism Multilateral Treaties // *Hebei Law*, No. 8, 2004.
- Naarajärvi T.* China, Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Blessing or Curse for New Regionalism in Central Asia? *Asia Europe Journal*, Vol.10, No.2, 2012, pp.113-126.
- Pantucci R.* China and Russia's Soft Competition in Central Asias, *Current History*, October 2015, pp.272-277.
- Barsegyan A.A., Kerner E.A.* Problema cifrovizacii terrorizma na prostranstve SNG, *Postsovetskie issledovaniya*, т.3, №4, 2020, с. 315-322.
- Dusmetova S.I., Nalipaj A.A.* Problema terrorizma v respublike Kazahstan, *Postsovetsкое issledovanie*, Т.3 №4, 2020, с. 297-303.
- Kurylev K.P., Barannik M.A., Stanis D.V.* SHOS kak nesushchij element konstrukcii bol'shoj evrazii // *Postsovetskie issledovaniya*. 2020. Т. 3. № 8. С. 627-632.
- Kurylev K.P., Malyshev D.V., Hotivrishvili A.A., SHablovskij V.S.* SHOS i EAES v kontekste evrazijskoj integracii // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. Т. 65. № 2. С. 81-88.
- Kurylev K.P., Martynenko E.V.* Rossijsko-kitajskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta «Oдин poyas, Oдин put'». Faktor EAES i SHOS // *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Majtdinova G.M.* Tadzhijskaya kitajskie otnosheniya v usloviyah formirovaniya policentrichnogo mira, *Postsovetskie issledovaniya*, т.4, №4, 2021, с 255-264.

Rahimov K.H. Vklad gosudarstv – chlenov SHOS po uregulirovaniyu A v kannskogo krizisa: do i posle vyvoda voennogo kontingenta NATO, Postsovetskoe issledovanie T.5 №4, 2022, s. 367-385.

Rahimov K.H., Kurylev K.P. Rol' SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva v obespechenii bezopasnosti v Central'noj Azii. Moskva, 2018.

Rahimov K.H., Kurylev K.P., Himich G.A. Vzaimodejstvie SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva s mezhdunarodnymi i regional'nymi organizaciyami po podderzhaniyu mezhdunarodnogo mira i kollektivnoj bezopasnosti // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2020. T. 10. № 9 (66). S. 2322-2338.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ву Чи-Ян, магистр в области **Wu Chi-Yuan**, Master of International
Международных отношений. Тайбей, Relations. Taipei, Taiwan. E-mail:
Тайвань. E-mail: 1032205827@rudn.ru 1032205827@rudn.ru

**КИТАЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ /
CHINA IN THE POST-SOVIET REGION**

Научная статья / Research article

Отношения Китая и России с точки зрения энергетической безопасности

Ли Сялань

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: 1032165734@rudn.ru

Аннотация. Энергетическое сотрудничество является одним из важнейших направлений китайско-российских взаимоотношений. Россия обладает богатыми запасами энергетических ресурсов и является крупным экспортером энергии в мире. В последние годы на фоне санкции со стороны Запада, Россия повернула лицом к Востоку и ускорила темпы сотрудничества с восточными странами, среди которых Китай оказался важнейшим для него партнером в Тихоокеанском регионе. Во-первых, Китай является самым масштабным потребителем на энергетическом рынке. Она сама сталкивается с проблемами разрыва между собственным производством и потреблением энергоресурсов. Во-вторых, энергетическое сотрудничество стран обеспечивает не только собственную энергетическую безопасность стран, но и безопасность в евразийском регионе. Поэтому в последние годы страны расширяют сферы энергетического сотрудничества и между ними уже были реализованы многие знаменитые проекты, такие как газопровод «Сила Сибири», нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), СПГ-проекты НОВАТЭКа Ямал СПГ и т.д. Таким образом, в условиях нестабильной международной обстановки и изменения структуры международного энергетического рынка, Китаю и России предстоят две главной задачи: укрепление нефтегазового сотрудничества и переход к «зеленой», низкоуглеродной экономике. Более того, статья также проанализировала перспективные решения для углубления и улучшения энергетических взаимодействий стран, такие как укрепление политический диалог, увеличивать капиталовложения в развитие энергетической инфраструктуры, создать надежный и прагматичный механизм ценообразования для торговли энергоресурсами, поощрять предприятия к прямым инвестициям и создавать выгодные условия для поощрения международных прямых инвестиций и т.п. В целях дальнейшего развития рационального сотрудничества между Китаем и Россией в данной сфере автор считает целесообразным повышать уровень сотрудничества в области возобновляемых источников энергии, таких как СПГ, водородная и атомная энергетика, которые служат перспективными направлениями энергетического развития на энергетическом рынке всего мира.

Ключевые слова: энергетическое взаимодействие, энергетическая безопасность, национальная стратегия, Китай, Россия, СПГ, атомная энергетика, возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

Для цитирования: Ли Сялань Отношения Китая и России с точки зрения энергетической безопасности // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):711-719.

China and Russia relations from the point of view of energy security

Li Xialan

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032165734@rudn.ru

Abstract: Energy cooperation is one of the most important areas of Chinese-Russian cooperation. Russia is rich in energy resources and is a major energy exporter in the world. In recent years, against the backdrop of sanctions from the West, Russia turned its face to the East and accelerated the pace of cooperation with eastern countries, among which China turned out to be its most important partner

in the Pacific region. First, China is the largest consumer in the energy market. She herself is faced with the problems of the gap between her own production and consumption of energy resources. Secondly, the countries' energy cooperation ensures not only the countries' own energy security, but also security in the Eurasian region. Therefore, in recent years, the countries have been expanding the spheres of energy cooperation and many famous projects have already been implemented between them, such as the Power of Siberia gas pipeline, the Eastern Siberia-Pacific Ocean (ESPO) oil pipeline, NOVATEK's Yamal LNG LNG projects, etc. In the context of an unstable international environment and a changing structure of the international energy market, China and Russia have two main tasks: to adhere to the principles of strengthening oil and gas cooperation and turn energy interaction into a green and low-carbon form. Moreover, the article also analyzed promising solutions for deepening and improving the energy interactions of countries, such as strengthening political dialogue, increasing investment in energy infrastructure development, establishing a reliable and pragmatic pricing mechanism for energy trade, encouraging enterprises to direct investment, and creating favorable conditions for encouraging international direct investment, etc. In order to deepen pragmatic cooperation between China and Russia in the field of energy, the author suggests that the countries make a joint effort to increase the level of cooperation in the field of renewable energy sources such as LNG, hydrogen energy, nuclear energy, which serve as promising areas of energy development in the energy market around the world.

Key words: energy interaction, energy security, national strategy, China, Russia, oil and gas, LNG, nuclear energy, renewable energy sources (RES).

For citation: Li Xialan. China and Russia relations from the point of view of energy security // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;7(5):711-719 (In Russ.).

Россия является одной из мощных мировых держав в сфере энергетики благодаря своим богатым природным ресурсам. В последние годы страна сталкивалась с вызовами, обусловленными сланцевой революцией в США и испытывала проблемы падения цен нефти и санкций со стороны Запада, в результате чего предпринимались попытки переориентации поставок энергоресурсов на восточное направление. По прогнозам в следующие десятилетия мировой спрос на нефть и газ продолжит расти, и до 2040 года Россия станет крупнейшим в мире экспортером нефти и газа¹. А для граничащего с Россией Китая в настоящее время дефицит чистой энергии и высокая зависимость от импорта энергоресурсов оказывают определенное влияние на долгосрочную «зеленую» экономику и экологическую безопасность страны. Таким образом, продвижение китайско-российского энергетического сотрудничества не только отвечает интересам китайской национальной стратегии, но и является актуальным вопросом повестки дня для России. В данной

статье автор дает характеристику продуктивному достижению энергетического взаимодействия двух стран; анализирует существующие вызовы и препятствия для двустороннего сотрудничества, делает прогноз перспективным направлениям в сфере энергетической безопасности.

В статье использованы методы анализа и систематизации данных, приведены статистические прогнозы ВР по мировому энергетическому рынку и данные об объеме китайско-российской торговли, путем сравнения национальных особенностей обеих стран даны перспективы развития будущей торговли энергоносителями между Китаем и Россией, перечислены крупные проекты по торговле нефтью и газом между Китаем и Россией, а также рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются Китай и Россия в процессе торговли энергоресурсами.

Продуктивное сотрудничество в сфере энергетической безопасности

В настоящий момент глобальный энергетический рынок претерпевает радикальные изменения, что приводит к

¹ ВР Energy Outlook 2020. Сравниваем с прошлогодними прогнозами. //Без рубрики, ТЭК. //

URL: <https://renen.ru/bp-energy-outlook-2020-sravnivaem-s-proshlogodnimi-prognozami/>

значительным колебаниям цен на энергоисточники. В 2017 г. новые факторы, такие как корректировка экономической и энергетической политики США, снижение мировых цен на углеводороды, а также поддержка развития возобновляемых источников энергии и повышения энергоэффективности со стороны различных стран, вновь оказывали влияние на стоимость энергоносителей на мировых рынках. Основываясь на этих изменениях, крупные агентства по энергетическому анализу, такие как Международное энергетическое агентство и Управление энергетической информации США, спрогнозировали долгосрочные тенденции на мировых энергетических рынках до 2040 года. По прогнозу Международного энергетического агентства, к 2040 г. мировое потребление первичной энергии вырастет почти на 30%, а азиатские страны будут потреблять две трети этого объема, среди них Китай станет крупнейшим в мире потребителем энергии¹. Таким образом, состояние и перспективы мирового энергетического рынка очень важны для страны с высокими энергетическими потребностями. Изменение на энергетическом рынке влияет на модель развития страны и ее взаимодействие со странами-поставщиками. На современном этапе Пекин выбрал дорожную карту, ориентированную на два направления обеспечения энергетической безопасности: с одной стороны, диверсифицировать источники импортируемой энергии, в первую очередь, укрепить энергетические связи с соседними странами; с другой - повысить процентность газификации в энергоструктуре, значительно увеличить инвестиции в импортоориентированную газотранспортную инфраструктуру и мощности по «регазификации».

Энергетическая сфера считается одной из важнейших в экономике России не только потому, что экспорт энергоносителей лежит в основе национальной стратегии, но и потому, что энергетика тесно связана с

внешней политикой России, иными словами, энергетические ресурсы России не только дополняют национальные доходы страны, но и выполняют функцию инструмента воздействия на другие страны. С началом украинского кризиса в 2014 г. внешняя политика России была переориентирована с Европы и США на Восток - Китай, Индию, Японию и страны АСЕАН, что стало основой «Большого евразийского партнерства» [Ершов 2019: 804-827].

С момента подписания межправительственного соглашения в 1996 г. о совместном развёртывании сотрудничества в энергетической сфере, которое положило начало китайско-российскому сотрудничеству в области энергетики, прошло более чем 20 лет, и при активном содействии двух правительств был достигнут положительный результат.

В 2009 г. компания «Роснефть» и CNPC подписали первый 20-летний контракт, предусматривающий поставку в Китай с 2011-2030 гг. 15 млн тонн нефти в год по нефтепроводу «Восточная Сибирь - Тихий океан». Данный контракт в 2013 г. дополнился двумя контрактами на поставку по тому же нефтепроводу в сумме на 360 млн тонн нефти в течение 25 лет и на поставку дополнительно 35 млн тонн нефти за пять лет. В январе 2017 г. соглашение было продлено до конца 2023 г., общий объем поставок увеличился до 91 млн тонн². По мере того, как транзит российского нефти в Китай проходил по северному маршруту, переговоры о трубопроводных поставках газа с месторождений Западной Сибири в Китай осуществлялись по разным направлениям. По словам Лю Гана, заместителя директора Центра изучения России и Центральной Азии Китайского университета нефти (Пекин), в настоящее время обсуждаются следующие китайско-российские проекты газопровода: первый трубопровод - Россия-Монголия-Китай - «Сила Сибири-2»; второй газопровод - Владивосток - север Китая, по которому транспортируется газ из Сахалина; третий

¹ Новые прогнозы мировой энергетики и место России в ней. // Энергетический бюллетень. №54. ноябрь 2017 г. АЦ при Правительстве РФ. <http://ac.gov.ru/files/pub-lication/a/15318.pdf>

² LENTA RU: "Роснефть" и CNPC подписали соглашение о поставках 100 млн тонн нефти в Китай. (04.02.2022) URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/04/cnpc/>

трубопровод тянется из Сибири в западную часть Китая, в Синьцзян. Переговоры о данном трубопроводе велись с 2006 г., но строительство не начиналось (позже Россия предложила трубопровод «Сила Сибири-2» как основу данного проекта); четвертый проект предполагал увеличение поставок по Восточному маршруту, позволяя повысить годовой объем транспортировки газа по газопроводу «Сила Сибири» с 38 млрд м³ до 44 млрд м³, для чего необходимо было построить компрессорные станции и вспомогательные объекты [Ван Чжэнь, Гу Ди 2022].

В дополнение к вышеперечисленным также следует отметить проект «Ямал СПГ», осуществляемый российской компанией «Новатэк» совместно с китайской CNPC, французской компанией «Total S.A.» и Китайским фондом Шелкового пути. Это первый крупный совместный энергетический проект в рамках «Ледяного Шелкового пути» для Пекина и России. Он включает в себя: добычу природного газа и конденсата, переработку природного газа, производство и продажу сжиженного природного газа (СПГ), а также его отгрузку. Проектный годовой объем производства составляет 27 млрд куб. При годовой производительности 1,2 млн тонн конденсата завершение этого проекта может обеспечить Китай 3 млн тонн сжиженного газа в год и стать основой для снабжения Китая экологически чистой энергией. Для России с вводом проекта в эксплуатацию ожидается увеличение национального производства СПГ в 2,5 раза [Попова, Сизова, Филатова 2020: 103-116]. Китай, которому необходимо импортировать ресурсы, и Россия, которой необходимо найти рынок сбыта, образуют естественную взаимодополняемость.

Сотрудничество в области нефти и газа и строительство трансграничных энергетических каналов являются основными направлениями китайско-российских отношений в области энергетики и торговых отношений. Следует отметить, что китайско-российский нефтепровод, введенный в эксплуатацию в 2011 г.,

переписал историю о том, что 80% импортируемой Китаем сырой нефти должно было транспортироваться по воде через Малаккский пролив, и стал знаковым шагом в многоканальном импорте сырой нефти и диверсификации методов транспортировки, что имеет большое значение для обеспечения национальной энергетической безопасности Китая. Учитывая давление западного нефтяного эмбарго, России необходимо ускорить освоение новых рынков, чтобы приспособиться с ускоренной корректировке мировой энергетической модели, одним из важных направлений которой является российско-китайское сотрудничество в сфере ядерной энергетики.

С тех пор как Китай и Россия подписали межправительственное соглашение о начале сотрудничества по Тяньваньской атомной электростанции в 1992 г., обе стороны сформулировали уникальный план совместного строительства атомной электростанции. На энергоблоках 1 и 2 первой очереди проекта используется российский усовершенствованный атомный энергоблок ВВЭР-1000 единичной мощностью 1,06 млн кВт четвертого поколения. С момента ввода блоков в промышленную эксплуатацию 17 мая 2007 г. и 16 августа 2007 г. совокупная безопасная выработка электроэнергии превысила 160 млрд кВтч, что является одним из самых крупных и продолжительных проектов китайско-российского экономического сотрудничества¹.

Кроме огромного количества проектов, Китай и Россия осуществляют энергетическое сотрудничество в области фундаментальных исследований, ключевых технологий и основного оборудования, особенно в области передовой ядерной энергетики, цифровых энергосистем, газовых турбин, возобновляемых источников энергии, водородной энергетики и хранения энергии. Таким образом, создан рабочий механизм сотрудничества в области энергетической стандартизации; в нефтегазовой сфере впервые реализовано взаимное признание стандартов в области

¹ 中俄能源合作. 一带一路能源合作网 [Китайско-российские Энергетические взаимодействия.

Официальный сайт Энергетическое сотрудничество инициативы Один пояс — один путь] URL: <https://obor.nea.gov.cn/detail/16562.html>

электроэнергетики и угля, приложены усилия для создания выгодных условий для постепенной реализации всесторонней интеграции и сотрудничества между двумя странами.

Новые вызовы для дальнейшего сотрудничества

Энергетические структуры у Китая и России взаимодополняемы, это является основой для долгосрочного и устойчивого энергетического сотрудничества между двумя странами. Тем не менее, из-за растущей неопределенности на мировом энергетическом рынке, глобальная структура предложения и спроса на энергию претерпела структурные изменения, энергетическая отрасль также столкнулась с двойными проблемами: экологически чистой и низкоуглеродной трансформацией и цифровой и интеллектуальной трансформацией. Кроме существовавших проблем с различиями в механизмах ценообразования на энергию и несовершенной инфраструктурой добычи полезных ископаемых, китайско-российское энергетическое сотрудничество также столкнулось с проблемами нестабильности производственной цепочки и трансформации энергетической структуры. Более того, западные санкции ограничили доступ России к передовым технологиям и оборудованию, используемым для добычи и обработки нефти, целью санкций было ограничение России на мировом энергетическом рынке. По российским данным, 80% оборудования для трудноизвлекаемых запасов и проектов по производству СПГ, а также 90% оборудования для проектов по освоению континентального шельфа до санкций импортировалось с Запада¹. Под давлением санкций Exxon Mobil полностью вышла из совместного с «Роснефтью» проекта освоения континентального шельфа.

В сотрудничестве в сфере торговли энергоносителями между Китаем и Россией различия в механизмах ценообразования всегда были серьезной проблемой [Ягья 2020: 39-40]. Цена закупки китайской стороной

обычно основывалась на международной цене на энергоносители, а российская сторона имела более высокие ожидания, основанные на собственных затратах на добычу и техническое обслуживание. Например, при транспортировке природного газа по трубопроводам российские компании обычно используют модель ценообразования на экспорт природного газа, связанную с международными ценами на нефть, или двустороннюю монополию (цена на энергию для потребителей, не входящих в ЕС, определяется путем межправительственных переговоров), в то время как Китай признает так называемую форму JCC (средневзвешенная цена импортируемой сырой нефти из Японии) [Чэнь Сяоцинъ 2021: 100-122]. При установлении цены обе стороны часто имеют разногласия из-за проблем с ценой. Многие китайско-российские проекты сотрудничества в области энергетики были отложены из-за данной проблемы, а некоторые даже сорвались. Хотя в большей части торговля энергоресурсами между Китаем и Россией проходит гладко, в будущем сотрудничество в области энергетики очевидно будет сталкиваться с проблемой различий в механизмах ценообразования, что сильно повлияет на прогресс китайско-российского энергетического сотрудничества.

В целом, нынешнее китайско-российское нефтегазовое сотрудничество все еще находится в зачаточном состоянии, а форма сотрудничества относительно проста, что связано с несовершенством строительной инфраструктуры и отсутствием долгосрочной стратегии. Транспортировка нефти из России в Китай осуществляется в основном посредством железной дороги, которая в большой степени отсутствует в Северо-Восточной Азии, что приводит к ограниченному масштабам транспортировки нефти. Кроме того, на российской границе по-прежнему существует проблема недостаточной грузооборотной мощности портов. В настоящее время маршрут транспортировки российской нефти в Китай пролегает через порты Наушки (Республика

¹ Оборудование для СПГ-проектов будет локализовано в России. Neftegaz.RU. URL: [https://neftgaz.ru/news/spg-szhizhenny-prirodnuy-](https://neftgaz.ru/news/spg-szhizhenny-prirodnuy-gaz/688084-smi-oborudovanie-dlya-spg-proektov-budet-lokalizovano-v-rossii/)

[gaz/688084-smi-oborudovanie-dlya-spg-proektov-budet-lokalizovano-v-rossii/](https://neftgaz.ru/news/spg-szhizhenny-prirodnuy-gaz/688084-smi-oborudovanie-dlya-spg-proektov-budet-lokalizovano-v-rossii/)

Бурятия) и Забайкальск (Чита), хотя грузооборот и пропускная способность этих двух портов далеки от удовлетворения потребностей Китая и России, нацеленных на рост масштабов торговли нефтью [Килани 2018: 525-535]. В то же время с 2015 г. контроль и управление иностранными инвестициями в нефтяную отрасль в России стали более жесткими, чем прежде, вследствие чего иностранные инвестиции в нефтяную отрасль в большой степени ограничены. Можно сказать, что иностранные инвесторы, которые намерены приобрести права на разработку месторождений нефти и газа или нефтяные шахты в России, должны получить разрешение правительства, но конкретные условия доступа в российском законодательстве отсутствуют и носят нерегулярный характер.

Кроме вышеперечисленного, необходимо учесть потенциальное влияние других стран, которые могли бы занять стратегическую позицию в энергетической структуре обеих стран. По сравнению с Китаем, который является развивающейся страной, раньше был опыт разработки энергетической дипломатии и энергетическая стратегия у Японии и Южной Кореи, конкурентоспособность которых высока на энергетическом рынке. Кроме того, учитывая то, что Япония занимает третье место по объему потребления и второе место по импорту нефти в мировой энергетической структуре, страны имеют схожие географические преимущества и торговую взаимодополняемость, в будущем российско-японская нефтяная торговля также будет развиваться и бросать вызов энергетическому сотрудничеству России и Китая.

Перспективы сотрудничества

Ввиду неуклонного расширения торговли энергией между Китаем и Россией, встал вопрос о необходимости дальнейшего углубления сотрудничества в области разведки и добычи, транспортировки и переработки, привлечения инвестиций в разработку ресурсов, инфраструктуру,

строительство, инженерно-технические услуги и т. д.

В первую очередь, обеим сторонам следует укрепить политический диалог и углубить стратегическое партнерство. С момента создания в 2008 г. механизма переговоров и сотрудничества в области энергетики на высоком уровне, Китай и Россия заключили ряд рамочных соглашений о развитии сотрудничества в области энергетики. Поскольку большинство этих рамочных соглашений основано на среднесрочном и долгосрочном планировании, все более важным становится планомерное выполнение и неуклонное продвижение различных задач по стабильному выполнению этих предварительных проектов, что также создает условия для дальнейшего сотрудничества. Выполнение рамочного соглашения о двустороннем энергетическом сотрудничестве должно сосредоточиться на долгосрочных целях двустороннего энергетического сотрудничества, динамичной корректировке и улучшении рамочного соглашения в виде дополнительных соглашений. Во время визита президента России Владимира Путина в Китай в 2018 году было подписано совместное заявление¹, в котором говорилось, что страны будут углублять сотрудничество в области возобновляемых источников энергии, энергетического оборудования и энергоэффективности. Можно сказать, что это еще больше расширит двустороннее энергетическое сотрудничество и, естественно, задаст направление для всеобъемлющего сотрудничества. В дополнение к установлению механизма регулярных встреч на национальном уровне необходимо также своевременно решать срочные вопросы, возникающие в области энергетики. Также необходимо постоянно совершенствовать механизм трансграничного инвестирования энергетических компаний, вести энергодиалоги. В 2015 г. было создано Энергетическое агентство БРИКС, деятельность которого направлена на

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и

стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>

стабилизацию энергетики стран-участниц и проведение исследований и оценок мировой нефтяной отрасли¹.

Во-вторых, сторонам следует постепенно увеличивать капиталовложения в развитие энергетической инфраструктуры, поощрять предприятия к прямым инвестициям и создавать выгодные условия для поощрения международных прямых инвестиций. Данной платформой служит инициатива «Один Пояс – один путь». Китай может увеличить свои инвестиции в строительство российской нефтяной инфраструктуры, способствовать развитию разведки, разработки и транспортировки нефтегазовых ресурсов в России, инвестировать в строительство и усовершенствование трубопроводных сооружений, а также улучшить транспортировку нефти и газа по морю и суше. Вопрос нехватки ресурсов в строительстве нефтяной инфраструктуры, особенно нехватки инвестиционных средств для строительства, можно решить за счет средств АБИИ, также привлекая к участию другие страны, можно задействовать сторонний капитал и технические ресурсы в разведке и разработке нефти вместе с разработчиками нефти в России.

России необходимо повысить независимую инновационную способность в будущем. Российский ученый Николай Васильев полагает, что главной угрозой для энергетического сектора России являются санкции США и их союзников, а также дискриминационная политика, ограничивающая доступ России к западным технологиям и оборудованию. Россией разрабатывается крупнейшее в мире Беляновское месторождение сланцевой нефти в Ханты-Мансийско-Югорском округе Западной Сибири. Разведанные запасы нефти этого месторождения

составляют 100 млрд тонн. Россия исследует это нефтяное месторождение более 50 лет и планирует достичь цели по добыче 10 миллионов тонн нефти в год, чтобы сохранить свое лидирующее положение в мире по разведке сланцевой нефти и газа. Уже через два года «Беляновское месторождение станет одним из крупнейших месторождений России благодаря отечественному оборудованию и технологии»².

В-третьих, создать надежный и прагматичный механизм ценообразования для торговли энергоресурсами. Ценовой фактор в процессе китайско-российского энергетического сотрудничества всегда был в центре внимания обеих сторон. Суть в том, что две страны имеют разные ожидания экономической выгоды, разные отношения к международному рынку и понимания ценовых механизмов, в результате чего Китаю и России крайне необходимо прояснить и обосновывать механизмы ценообразования. Российские нефть, природный газ и другие энергоносители также экспортируются в Южную Корею, Японию и страны Европы, которые фактически конкурируют с Китаем и стремятся к более тесному сотрудничеству с Россией, в результате стоимость импортируемой из России энергии для Китая, особенно природного газа, остается высокой. Поэтому Китай и Россия должны создать здоровую платформу рыночного ценообразования, чтобы облегчить переговоры о ценах на энергоносители в рамках данной платформы. Кроме того, с ускорением интернационализации юаня и рубля энергетическое сотрудничество между двумя странами может осуществляться в этой валюте, что удобно для транзакций и фондов торговли энергией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воркунова О.А., Курьлев К.П. Российско-китайские отношения - связующее звено трансформации Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 828-844.

¹ Орлов А., Калачихина Ю., Тодоров В., Романова Ю. Китай инвестирует в Россию, Газета.ru, <http://www.gazeta.ru/business/2015/05/07/6677105>

² Николай Васильев. Добыча пошла: началась разработка крупнейшего в мире месторождения сланцевой нефти Газпром нефть. Вести Ру Экономика. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/1427569>

- Ершов В.Ф. Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. №4. С. 804-827.
- Килани А. Глобальное завоевание нефти: исследование внешних прямых инвестиций Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. №4. С. 525–535.
- Курьлев К.П., Габриелян Г.Р., Фарактинова Е.Н. Роль и место Центральной Азии в реализации Китаем инициативы «Пояс и Путь» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 4 (73). С. 1219-1225.
- Курьлев К.П., Мартыненко Е.В. Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Попова Э.А., Сизова Ю.С., Филатова А.А. Проект «Ямал СПГ» в контексте развития северного морского пути // Международная торговля и торговая политика. 2020;(2):103-116.
- Ягья Т.С. Проблемы и перспективы энергетического сотрудничества России и Китая // Россия в глобальном мире. 2020. №16–17. С. 39–40.
- 王臻, 谷棣. «中俄油气管线 为何让西方“眼红”». 环球网 [Ван Чжэнь, Гу Ди. «Почему китайско-российский нефте- и газопровод вызывает у Запада «зависть»»] // Journal Global Times. 25.01.2022. Url: <https://world.huanqiu.com/article/46XQyJxJnho>
- 陈小沁. 俄罗斯亚太战略评析—基于远东油气管道项目视角 [J] . 东北亚论坛. [Чэнь Сяоцин. Анализ стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе — на основе перспектив Дальневосточного нефтегазопроводного проекта. Форума Восточно-северная Азия] 2021(3): 100–122+128 .

REFERENCES

- Vorkunova O.A., Kurylev K.P. Rossijsko-kitajskie otnosheniya - svyazuyushchee zveno transformacii Evrazii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2019. T. 18. № 4. S. 828-844.
- Ershov V.F. Rossiya i Kitaj v XXI veke: strategicheskoe partnerstvo v usloviyah civilizacionnoj globalizacii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2019. T. 18. №4. С. 804-827.
- Kilani A. Global'noe zavoevanie nefiti: issledovanie vneshnih pryamyh investicij Kitaya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2018. T. 20. №4. С. 525–535.
- Kurylev K.P., Gabrielyan G.R., Faraktinova E.N. Rol' i mesto Central'noj Azii v realizacii Kitaem iniciativy «Poyas i Put'» // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2021. T. 11. № 4 (73). S. 1219-1225.
- Kurylev K.P., Martynenko E.V. Rossijsko-kitajskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta Odin poyas, odin put'. Faktor EAES i SHOS // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2019. T. 9. № 11 (56). S. 1937-1948.
- Popova E.A., Sizova YU.S., Filatova A.A. Proekt «YAmal SPG» v kontekste razvitiya severnogo morskogo puti // Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika. 2020;(2):103-116.
- YAg'ya T.S. Problemy i perspektivy energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya // Rossiya v global'nom mire. 2020. №16–17. S. 39–40.
- 王臻, 谷棣. «中俄油气管线 为何让西方“眼红”». 环球网 [Ван Чжэнь, Гу Ди. «Почему китайско-российский нефте- и газопровод вызывает у Запада «зависть»»] // Journal Global Times. 25.01.2022. Url: <https://world.huanqiu.com/article/46XQyJxJnho>
- 陈小沁. 俄罗斯亚太战略评析—基于远东油气管道项目视角 [J] . 东北亚论坛. [Чэнь Сяоцин. Анализ стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе — на основе перспектив Дальневосточного нефтегазопроводного проекта. Форума Восточно-северная Азия] 2021(3): 100–122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ли Сялань – магистр кафедры теории и истории международных отношений, РУДН, Москва, Россия. E-mail: 103265734@rudn.ru

Li Xialan – master student of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: 103265734@rudn.ru

Внешиполитическая деятельность Исламской Республики Иран на Южном Кавказе (на примере Нагорно-Карабахского конфликта)

И. Н. Наимов

*Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3767-3538>, E-mail: naimov_ismoil@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется позиция и внешнеполитическая деятельность Исламской Республики Иран на Южном Кавказе на примере Нагорно-Карабахского конфликта. На данный момент регион Южный Кавказ находясь на перекрестке интересов ведущих акторов международных отношений, представляет из себя серьезный научный интерес. В связи с этим в статье рассматривается роль Исламской Республики Иран в регионе Южный Кавказ через призму соперничества с другими региональными игроками и посреднические попытки Ирана в деле урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. Отмечается, что Исламская Республика Иран, обладающая огромным политико-идеологическим и финансово-ресурсным потенциалом, ведет активную внешнюю политику и считается одной из реальных участников в деле создания региональной системы безопасности на Южном Кавказе. Также в статье затрагиваются вопросы милитаризации региона Южный Кавказ в контексте отношения Ирана к данному вопросу и отмечается, что Исламская Республика Иран всегда выступал против милитаризации в регионе и призывал конфликтующие стороны придерживаться политико-дипломатических путей решения конфликтов. Однако после поражения Азербайджана в 1994 году мы наблюдаем в регионе тенденцию, которая поспособствовала безжалостной гонке вооружений Азербайджанской стороны. Также в статье рассматриваются экономические отношения Ирана в регионе Южный Кавказ и подчеркивается, что развитие экономических отношений традиционно были одним из приоритетных направлений внешнеэкономической стратегии Ирана. Исламской Республикой последние годы были совершены попытки участвовать в интеграционных процессах, в частности Иран является наблюдателем в ЕАЭС, членом которой является Армения. В заключении статьи отмечается, что Иран, сделав вывод из первой компании армяно-азербайджанской войны 90-х годов, внес существенные коррективы в свою политику в южно-кавказском направлении, прежде всего придав ей сбалансированный характер, подразумевающий поддержание высокого уровня взаимоотношений с Арменией и Азербайджаном. Именно это и стало детерминантом стабильности на северных рубежах Ирана до сегодняшнего момента.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Азербайджан, Армения, Нагорно-Карабахский конфликт, Турция, Российская Федерация, региональные акторы, региональные отношения, экономика, геополитика.

Для цитирования: Наимов И. Н. Внешнеполитическая деятельность Исламской Республики Иран на Южном Кавказе (на примере Нагорно-Карабахского конфликта) // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):720-731.

Foreign Policy Activities of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus (Case Study of the Nagorno-Karabakh Conflict)

Ismoil N. Naimov

*Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3767-3538>, E-mail: naimov_ismoil@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the position and foreign policy activities of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus on the example of the Nagorno-Karabakh conflict. At the moment the

South Caucasus region, being at the crossroads of interests of the leading actors of international relations, is of serious scientific interest. In this connection the article deals with the role of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus region through the prism of competition with other regional players and Iran's mediatory efforts in the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict. It is noted that the Islamic Republic of Iran, which has huge political, ideological and financial resources, has an active foreign policy and is considered one of the real actors in the creation of a regional security system in the South Caucasus. The article also touches upon the militarization of the South Caucasus region in the context of Iran's attitude towards this issue and notes that the Islamic Republic of Iran has always been against militarization in the region and has called on the conflicting parties to stick to political and diplomatic ways of resolving conflicts. However, after Azerbaijan's defeat in the South Caucasus, the article examines Iran's economic relations in the South Caucasus region and emphasizes that the development of economic relations has traditionally been one of the priorities of Iran's foreign economic strategy. The Islamic Republic of Iran has made attempts to participate in integration processes in recent years, in particular, Iran is an observer in the EAEU, of which Armenia is a member. At the end of the article, it is noted that Iran, having drawn a conclusion from the first Armenian-Azerbaijani war of the 90s, made significant adjustments in its policy in the direction of the South Caucasus, first of all giving it a balanced character, implying maintenance of the high level of relations with Armenia and Azerbaijan. This has been a determinant of stability on Iran's northern borders to this day.

Keywords: Islamic Republic of Iran, Azerbaijan, Armenia, Nagorno-Karabakh conflict, Turkey, Russian Federation, regional actors, regional relations, economy, geopolitics.

For citation: Ismoil N. Naimov. Foreign Policy Activities of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus (Case Study of the Nagorno-Karabakh Conflict) // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022; 7(5):720-731. (In Russ.).

Современные международные отношения отличаются особой сложностью трансформационных международно-политических процессов в контексте беспрецедентных глобальных изменений, высоким динамизмом происходящих событий, которые трудно даются анализу и прогнозу, кризисом модели современного миропорядка, которая в свою очередь вернул международные отношения в свою первозданную стезю, то есть «анархичность» и так далее. Однако нужно все-таки отметить, что, находясь в переходном периоде, где происходит процесс отказа от старых мирополитических установок и правил и перехода к новым и совершенно неопределенным рамкам и принципам международного строя и порядка, государства мирового сообщества пытаются найти свое место, используя свой потенциал возможностей. В частности, Исламская Республика Иран, обладающая огромным политико-идеологическим и финансово-ресурсным потенциалом, ведет активную внешнюю политику и считается

одной из реальных участников в деле создания региональной системы безопасности на Южном Кавказе.

Основы иранской политики в регионе после 1991 г.

После краха биполярной системы безопасности Исламская Республика Иран превратилась в уникальный центр идейного притяжения и политической активности, что вполне закономерно привлекает внимание исследователей и специалистов в области международных отношений, исходя из следующих обстоятельств:

Во – первых, на сегодняшний день одним из главных отталкивающих элементов является идеологизированная политика Ирана, направленная на завоевание и упрочение лидерства на региональном уровне, что не может не тревожить соседние с Ираном страны. Необходимо отметить, что как показывает анализ в шкале внешнеполитических приоритетов внешней политики Ирана, кавказское направление идет следом за ближневосточным направлением ее политики [Сулаберидзе 2020: 141].

Во – вторых, актуальность исследования внешней политики Ирана на Южном Кавказе позволяет определить место и роль этой страны в системе региональных отношений, изучить иранскую модель решения территориальных проблем и обозначить проблемы и противоречия иранской южнокавказской политики Ирана. Как известно, Иран одним из первых в мире официально признал независимость Армении, Азербайджана и Грузии и открыл в Ереване, Баку и Тбилиси свои дипломатические представительства. По словам экспертов «в периоды конфликтов и войн в Закавказье Иран всегда рассматривал в качестве главного приоритета оказание гуманитарной помощи населению всех трех республик - поставив этот аспект выше политических и геополитических соображений. В ходе войны в Карабахе он, с одной стороны, открыл свои границы для азербайджанских беженцев, с другой же стороны, в условиях, когда территория Армении находилась под блокадой со стороны Азербайджана и Турции, благодаря поддержке Ирана в районе Нурдуза в 1992 г. был установлен понтонный мост через реку Аракс, который сыграл ключевую роль для выведения Армении из экономической блокады. Подобные примеры в отношениях Ирана с республиками Закавказья свидетельствуют об определенном отношении к данному региону» [Атрисангари Фатемех 2020: 34]. Сократил.

В – третьих, официальные заявления иранских властей относительно нагорно-карабахского конфликта заключается в том, что «любое изменение геополитического статуса и границ стран в регионе недопустимы»¹. Важно отметить, что подобное сугубо дипломатико-рамочные высказывание Ирана относительно армяно-азербайджанского кризиса говорит о том, что Иран находится в состоянии сложного диссонансного состояния, когда

необходимо выбирать между двумя сторонами.

Также нужно отметить и дихотомию между иранской (национальной) и исламской (шиитской) природой идентичности Ирана. Например, во внешней политике Ирана «шиитскому фактору» выделяется огромное значение. В системе внешнеполитических координат Исламской Республики Иран взаимоотношения с «шиитским миром» остается на первом месте. Однако данное утверждение в отношении с Азербайджаном не работает, так как она несет угрозу «иранской (национальной)» идентичности Ирана. Этим и объясняется то, что в нагорно-карабахском конфликте Иран не отдает предпочтений, казалось бы «шиитскому» Азербайджану.

Важно также подчеркнуть, что проблема сепаратизма входит в категорию основных угроз политической и экономической стабильности современных государств и для Исламской Республики Иран она сверхактуальна. Важно отметить, что в настоящее время ведется активная разработка проектов расчленения Ирана со стороны внешних акторов [См. подробно: Хотамов, Наимов 2019; Наимов 2018; Наимов 2021]. Внешние игроки разрабатывают различные сценарии вмешательства во внутренние дела Ирана, вплоть до осуществления проектов сепаратизации, таких как «Независимый Курдистан», «Объединённый Азербайджан», «Государство Белуджистан» и «Арабистан». Одним из заинтересованных и активных игроков в этом деле считаются США. Вашингтон, используя этнополитический фактор в Иране, старается всяческим путем дестабилизировать ситуацию в стране и заполучить доступ к основным торговым путям региона и богатым месторождениям энергетических ресурсов в этой стране. Таким образом, этим и объясняются опасения Исламской Республики Иран по поводу географических изменений границ в регионе. Иран всегда признавал Карабахский регион и районы вокруг него частью территории Азербайджана, также помимо этого Иран не признавал

¹ Цитата Президента Ирана Ибрагима Раиси. Источник: Иран накануне геополитического передела Закавказья // URL: <https://regnum.ru/news/polit/3427651.html> (дата обращения: 28.11.2021)

независимость Карабаха, Абхазии и Южной Осетии.

Таким образом, Иран отрицательно относится к любой политике, ставящей под угрозу территориальную целостность Ирана, которая является одним из основных элементов государственной идентичности этой страны.

В – четвертых, нет сомнений, что этноконфессиональный фактор может существенно повлиять на разработку и реализацию внешнеполитической стратегии Ирана в кавказском регионе в зависимости от внутривнутриполитического курса страны (прежде всего это наглядно отражается в действиях правых ультраконсерваторов). Однако, как показывает опыт, Иран имеет хорошие отношения также и с не «мусульманскими» странами. Пример Армении очень показателен, поскольку, казалось бы, Иран непоследователен в своей поддержке другим мусульманским странам. На наш взгляд тесные отношения Ирана с Арменией обусловлены двумя причинами: необходимостью установления хороших стратегических связей с Россией и действиями азербайджанских сепаратистов бросившие вызов территориальной целостности Ирана. Также Иран сильно обеспокоен распространением азербайджанского национализма среди иранских азербайджанцев, и хотя Верховный лидер публично поддерживал последовательность в осуждении действий Армении в карабахском конфликте с Азербайджаном в 90-е годы, он был столь же категоричен с шиитским духовенством в азербайджано-язычных районах, предостерегая от подстрекательства их объединения [Санасарян 2000: 45].

В – пятых, возникшую сегодня относительную неопределенность во взаимоотношениях Ирана со странами Южного Кавказа и, особенно в нагорно-карабахском конфликте можно охарактеризовать тем, что Иран ведет сбалансированную внешнюю политику, пытаясь не портить отношения ни с Россией и ни с Турцией, с которой ведет борьбу с переменным успехом за лидерство

в «исламском мире» [См. подробно: Свистунова 2019].

Заявления о приверженности Ирана к принципу территориальной целостности воспринимается как в Армении, так и в Азербайджане как поддержка их точки зрения. «В соответствии с этой логикой, делался вывод о том, что, признавая территориальную целостность Азербайджана, Иран как бы фактически признавал Азербайджан без Нагорного Карабаха. В армянских СМИ появлялись и прочие аргументы в пользу признания Арцаха Ираном. Тот факт, что ряд иранских СМИ иногда публиковал материалы интервью с должностными лицами непризнанной республики, некоторые комментаторы в Армении интерпретировали как признак того, что под территориальной целостностью Азербайджана Иран не подразумевал азербайджанский контроль над Нагорным Карабахом» [Аветикян 2020].

Таким образом, внешняя политика Исламской Республики Иран на Южном Кавказе не декларирована ни в одном из официальных документов, однако стоит отметить, что принятый внешнеполитический документ «Двадцатилетняя перспектива Исламской Республики Иран», который был принят Ассамблей по определению государственной целесообразности. От 04.11.2003 года, напоминающий «Доктрину внешней политики» и рассчитанный до 2025 года, закавказский регион рассматривается в рамках региона «Юго-Западной Азии» и ничего сверхважного в нем не декларировано². По своему содержанию и сути внешняя политика Ирана в Закавказье, как уже было отмечено, выстраивается по принципу «баланса интересов». Хотя отношения Ирана со странами Закавказья остаются до сих пор неопределенными, в частности а) тесные контакты Азербайджана с Турцией и Израилем раздражают Иран; б) Иран

² General approvals/policies. The vision of the Islamic Republic of Iran. // URL: <http://www.maslahat.ir/index.jsp?siteid=3&fkeyid=&siteid=3&pageid=530> (дата обращения: 30.11.2021)

опасается роста сепаратистских настроений на северо-западе страны, где преобладает тюркоязычное население (геоконцепция «Большой Азербайджан»); в) в Азербайджане очень скептически относятся к сближению с Ираном, опасаясь роста религиозного фанатизма в стране (не забывается так называемый «троцкистский подход» Хомейни к исламской революции, принцип «экспорта исламской революции»).

Милитаризация в Закавказье и отношение Ирана к этому

Иран всегда выступал против милитаризации в регионе и призывал конфликтующие стороны придерживаться политико-дипломатических путей решения конфликтов. Однако после поражения Азербайджана в 1994 г. мы наблюдаем в регионе тенденцию, которая поспособствовала безжалостной гонке вооружений Азербайджанской стороны.

Важно отметить, что на наш взгляд, одним из важных факторов начала гонки вооружений Азербайджана можно считать реализацию ряда крупных экономических проектов, таких как строительство трубопроводов Баку-Супса в 1999 г. и Тбилиси-Джейхан в 2006 году, а также ввод в эксплуатацию строительства газопровода Баку-Тбилиси-Эрзурум в том же году позволило Азербайджану экспортировать свои природные ресурсы за пределы России. Все это привело к расширению экономических возможностей Азербайджана. Благодаря обильным запасам нефти военные расходы Азербайджана выросли со 175 млн долларов в 2004 г. до 3,1 млрд долларов в 2011 г.³

Важно отметить, что, если Азербайджан развивал свой военный потенциал практически самостоятельно, не надеясь на чужую помощь, то в этом отношении армянская сторона воспользовалась преимуществами своего военного сотрудничества с Россией,

благодаря чему она получила более совершенные системы в определенных сегментах от своего конкурента. В то же время, Армения обеспечила присутствие около 3000 российских военнослужащих на военной базе в городе Гюмри, где она располагается недалеко от границы с Турцией.

В то же время следует отметить, что Россия все эти годы пыталась сохранить конфликт в замороженном состоянии без вмешательства Запада, в первую очередь Соединенных Штатов Америки⁴. Россия даже активно пыталась успокоить Азербайджан, настаивая на посреднических переговорах, которые позволили бы урегулировать статус спорного Нагорно-Карабахского региона и не воздерживался от продажи военного оружия и военной техники Азербайджану, несмотря на хорошие отношения с Арменией.

Бархатная революция, охватившая Армению в 2018 г., привела к постепенному сближению Армении с Западом, и такое развитие ситуации в России было воспринято неоднозначно. Новый Премьер-министр Армении Н. Пашинян попытался применить сбалансированный подход к ЕС и России. К сожалению, такие события, как арест Генерального секретаря ОДКБ Ю. Хачатурова 26 июля 2018 г. за попытку свержения конституционного строя неоднозначно были расценены в Москве. Это привело к серьезным проблемам в области военного сотрудничества между Арменией и Россией.

В это время, в течение 2010 г. Азербайджан и Турция подписали два важных соглашения – «Стратегическое партнерство» и Соглашения о взаимной помощи, как своего рода ответ на соглашение, допускающее присутствие российских войск на территории Армении, а также соглашение об учреждении турецко-азербайджанского Совета по стратегическому сотрудничеству. Эти

³ Основные тенденции милитаризации Азербайджана. Военно-техническое исследование // URL: <https://topwar.ru/10974-osnovnye-tendencii-militarizacii-azerbaydzhana-voenno-tehnicheskoe-issledovanie.html> (дата обращения: 26.11.2021).

⁴ Замороженные конфликты: Россия спасает свою сферу влияния на постсоветском пространстве // URL: <https://inosmi.ru/politic/20190320/244782684.html> (дата обращения: 26.11.2021).

соглашения позволили укрепить военно-техническое сотрудничество между двумя странами, а также возможность оказания военной помощи, если один из подписавших государств подвергнется нападению третьей стороны.

Нужно также отметить, что Азербайджан закупал большие партии оружия не только у России, но и у других стран, особенно у Израиля и Турции. В период с 2006 по 2019 год Азербайджан закупил оружие на 825 млн евро у Израиля⁵.

Азербайджан закупил себе такие сложные военные системы, как ракетный комплекс класса «Земля-Воздух», противотанковые ракеты, бездельничающие боеприпасы (также известный как беспилотник-самоубийца или дрон-камикадзе) и другие виды беспилотных летательных аппаратов. Турецкий экспорт оружия в Азербайджан составил около 123 млн долларов США в первые девять месяцев 2020 г. Большая часть закупок была произведена боевыми беспилотниками, ракетными установками и различными типами боеприпасами.

Военные расходы Армении и Азербайджана за последние годы наталкивают на мысль о том, что азербайджанская сторона долго готовилась к развитию ситуации в регионе, опираясь, прежде всего на себя. Армянская сторона, прежде всего, опиралась на соседние страны и организации. Азербайджано-армянская война 2020 г. была еще одна война противников с принципиально иным уровнем технического развития. По словам экспертов, «армяне, технически и тактически, остались в 70-80-е гг. XX в. с танками без реактивной брони и без беспилотных летательных аппаратов. Азербайджанцы превзошли их на одно-два поколения, они четверть века готовились к реваншу. Короткая пограничная война 2016 г. не стала (но должна была стать) первым тревожным звоночком для армян: они

сделали только частные, ограниченные выводы, которые не соответствовали ситуации и степени опасности»⁶.

Таблица 1. Военные расходы Азербайджана и Армении в миллионах долларов США (2000-2016 г.)

Страна	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Азербайджан	25	31	47	1.1	1.6	1.3	2.7	2.7	1.9	5	1	0	30	53	82	28	70	32
Армения	14	14	18	26	35	38	36	41	42	7	2	0	0	4	5	2	3	3

(Источник: [Бабаев 2019])

Таблица 2. Военные расходы Азербайджана и Армении в миллионах долларов США до 2020 года. [Саруханян 2020]

Страна	2017	2018	2019	2020
Азербайджан	1.530	1.710	1.790	2.270
Армения	430	500	640	640

Вернемся к ситуации в Нагорно-Карабахском регионе, важно отметить, что после заключения мирного соглашения от 10 ноября 2020 г. между Арменией и Азербайджаном, армянская сторона вернула Азербайджану ряд территорий. По итогам карабахской войны 1992-1994 гг. армянская сторона установила контроль не только над территорией Нагорно-Карабахской автономной области, входившей в состав Азербайджана, но и еще над семью районами, входившими в Азербайджанскую ССР. В предыдущие годы, когда обсуждалась передача семи районов, говорилось о Джебраильском, Физулинском, Лачинском, Зангеланском, Кельбаджарском, Агдамском и Кубатлинском районах. Согласно подписанному соглашению все вышеуказанные территории перешли под контроль Азербайджана. К тому же, под контроль Баку перейдет город Шуши (Шуша) и часть территорий, которые также были захвачены с 27 сентября, в числе которых части Гадрутского и Мартунинского районов⁷. Армянская

⁵ Прямое попадание. Израиль вооружил Азербайджан аналогами российских комплексов "Искандер" // URL: <https://life.ru/p/1348451> (дата обращения: 26.11.2021).

⁶ Карабахская война 2020 года. Итоговый обзор // URL: <https://schneiderkrieg.livejournal.com/44627.html> (дата обращения: 04.12.2021)

⁷ Соглашение по Карабаху. Что получают и теряют стороны // URL:

сторона оставила себе Лачинский коридор шириной 5 км, который будет обеспечивать связь Нагорного Карабаха с Арменией, но не будет затрагивать город Шуши.

По внешнему периметру пояса проходит линия непосредственного соприкосновения вооружённых сил НКР и Азербайджана.

Республика Азербайджан не только добилась возвращения значительной территории, но также сумела восстановить наземное сообщение с Нахичеванью. «Соглашение предусматривает разблокировку всех экономических и транспортных связей в регионе. Армения должна обеспечить транспортное сообщение между западными районами Азербайджана и Нахичеванской автономной республикой, контроль за транспортным сообщением будет осуществлять пограничная служба ФСБ России»⁸.

Однако нужно отметить, что подписание вышеуказанного соглашения не означает полного разрешения конфликта. С момента подписания соглашения до сих пор на границе между Арменией и Азербайджаном наблюдаются стычки с использованием вооружённых сил обеих республик. Например, одним из последних ожесточённых противостояний можно считать конфликт, вспыхнувший вдоль всей границы между двумя странами 16 ноября 2021 г.

Конфликт также осложняется и тем, что в нем втянуты и третьи страны. Одной из активных сторон конфликта считается Турция. По мнению экспертов, главная задача Азербайджана и Турции это занятие Сюникского коридора, который отделяет Азербайджан и Турцию⁹. Для

<https://www.rbc.ru/politics/10/11/2020/5faa0bfb9a79472d1159c5e8> (дата обращения: 04.12.2021)

⁸ Соглашение по Карабаху. Что получают и теряют стороны // URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2020/5faa0bfb9a79472d1159c5e8> (дата обращения: 06.12.2021)

⁹ Названа главная причина боев между Азербайджаном и Арменией: коридор раздора // URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/11/17/nazvana-glavnaya-prichina-boev-mezhdu-azerbaydzhanom-i-armeniy-koridor-razdora.html?fromtg=1> (дата обращения: 06.12.2021)

Азербайджана это цель номер один, а именно добиться появления сухопутного коридора с Турцией. Поэтому говорить о полном разрешении конфликта очень сложно. Между тем на все это Иран смотрит с большой тревогой.

Торговые отношения Ирана с Азербайджаном и Арменией

Экономические отношения Ирана в регионе Южного Кавказа традиционно были одним из приоритетных направлений внешнеэкономической стратегии Ирана. Исламской Республикой последние годы были совершены попытки участвовать в интеграционных процессах, в частности Иран является наблюдателем в ЕАЭС, членом которой является Армения. Например, между ЕАЭС и Ираном 17 мая 2018 г. было подписано временное соглашение сроком на три года о зоне свободной торговли (ЗСТ), которое вступило в силу 27 октября 2019 г. Сейчас идут переговоры о том, чтобы сделать ее постоянной, что будет полезной для всех стран-членов ЕАЭС¹⁰.

На сегодняшний день Иран играет заметную роль в экономике Армении, являясь её четвертым по значимости торговым партнером после России, Китая и ЕС. Общий объем ежегодного товарооборота между Ираном и Арменией находится в районе 300 млн. долл. При этом, учитывая размеры Ирана и наличие общей сухопутной границы, уровень экономических связей между странами далек от максимума. Ранее стороны заявляли о перспективах роста товарооборота до 1 млрд. долл.

Экономические отношения Ирана и Армении имеют большой нереализованный потенциал. В области энергетики Иран и Армения имеют достаточно позитивный опыт сотрудничества. По словам экспертов, пожалуй, «главным на сегодняшний день результатом армяно-иранского энергетического сотрудничества является запущенный в 2007 г. газопровод Иран-

¹⁰ Торговля Ирана с ЕАЭС и перспективы ее развития // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-irana-s-aeas-i-perspektivy-ee-razvitiya/> (дата обращения: 06.12.2021)

Армения (протяженность – 140 км, стоимость – \$220 млн.), изначально призванный диверсифицировать поставки в Армению, однако в дальнейшем ставший важным объектом критики армяно-российских отношений. Сегодня газопровод функционирует на бартерной основе «газ в обмен на электроэнергию» (за каждый импортированный кубометр газа Армения поставляет Ирану 3,2 кВт.ч электроэнергии). Важно, однако, подчеркнуть, что трубопровод никогда не использовался на полную мощность: поставки по нему в лучшем случае доходят до 450-500 млн куб.м.». ¹¹

В армяно-иранской энергетической повестке имеются также ряд проектов (НПЗ, нефтепродуктопровод и прочие) замороженного характера, что в основном обусловлено геополитическими реалиями – международными санкциями и, как следствие, ограничением финансовых возможностей Ирана, равно, как и антиармянским лобби, реализуемом Азербайджаном и пр. Среди этих проектов следует особо подчеркнуть пограничную Мегринскую ГЭС, по сути, вытесненную в последние годы с армяно-иранской экономической повестки. Однако она располагает большим геоэкономическим потенциалом. Таким образом, важно отметить, что армяно-иранское энергетическое сотрудничество сталкивается с различными препятствиями, которые не дают реализовать весь потенциал этих отношений.

Товарооборот Ирана и Армении как уже было отмечено в последнее время составлял около 300 млн долл. в год, а торговля с Азербайджаном приблизилась к 500 млн долл. В Тегеране уже нацеливаются на послевоенную кооперацию с Баку, главным направлением которой должен стать транспортный

коридор «Север – Юг» от Индийского океана через Иран, Азербайджан, Россию вплоть до Балтики и Северного морского пути. ¹²

Одним из важных геоэкономических проектов в регионе считается подписанное соглашение между Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном 28 ноября 2021 г. о своповых поставках газа. Согласно договоренности ежегодно из Туркменистана в Азербайджан через Иран будет поставляться от 1,5 до 2 млрд кубометров газа.

Следует также отметить и проблемы, существующие между странами в торгово-экономических отношениях. 2020 г. Азербайджанская сторона была сильно возмущена появлением бензовозов и грузовиков с иранскими номерами в оккупированные армянской стороной территории. Посольство Ирана в Баку пыталось опровергнуть неоспоримое свидетельство снабжения иранцами захваченного армянами региона стратегически важной продукцией, назвав видеокadres постановочными. В дипмиссии заявили, что за их распространением стоят «силы, не желающие развития отношений между Тегераном и Баку» и этот фейк преследует цель нанести вред добрососедским отношениям между двумя странами ¹³.

Однако после этих событий произошли еще несколько подобного рода инцидентов. Несмотря на ноту, которую азербайджанская сторона вручила послу Исламской Республики Иран в Баку в связи с незаконным въездом в Карабах иранских фур в период с 11 июля по 8 августа, провокации не прекратились. С 11 августа по 10 сентября в Ханкенди въехали 58 иранских фур с различными грузами, в частности, с горюче-смазочными

¹¹ «Кризис геополитики»: что мешает углублению энергетических связей Армении и Ирана // URL: <https://eurasia.expert/cto-meshaet-uglubleniyu-energeticheskikh-svyazey-armenii-i-irana/?fbclid=IwAR2Ot6upCSnNWmoRjSsMHx1LaHESNAGI17SuadtIogDd6vAqDYcug3ePJdA> (дата обращения: 08.12.2021)

¹² Почему Иран отвернулся от Армении в её противостоянии с Азербайджаном // URL: https://ruskline.ru/opp/2020/10/22/pochemu_iran_otver_nulsya_ot_armenii_v_ee_protivostoyanii_s_azerbaiddzhanom (дата обращения: 08.12.2021)

¹³ Иранские грузовики в Карабахе... Азербайджану стоит призвать к ответу посла Ирана! // URL: <https://haqqin.az/news/175399> (дата обращения: 08.12.2021)

материалами. 55 из них позже выехали обратно. Чтобы скрыть эти передвижения, иранцы и армяне прибегают к различным уловкам. Так, например, на подъезде к зоне временной ответственности российских миротворцев на иранские фуры, направляющиеся в Ханкенди, ставят армянские номерные знаки, чтобы скрыть их точное количество. При этом данные номера повторяются, так как их переставляют с фуры на фуру¹⁴. К сожалению, подобные факты подрывают доверия между двумя странами и усугубляют ситуацию в регионе.

Таким образом, следует подчеркнуть, что Иран сильно заинтересован в мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта, так как она следует свои экономические цели. В первую очередь Иран заинтересован и проявлял готовность к поддержке развития инфраструктуры Нагорного Карабаха в рамках реализации проекта «Север-Юг». В этих условиях Иран проявляет двусторонний подход, исключая вмешательство внерегиональных акторов (кроме России и Турции), но в то же время четко очерчивает границы «дозволенного».¹⁵

Нужно отметить, что в регионе Иран по уровню влияния сильно уступает Турции и России. Эти страны никак не впустят Иран в решение нагорно-карабахского кризиса, опасаясь упрочения влияния в регионе. Отсюда и неудача в формуле урегулирования «3+3», которую, по словам экспертов, некоторые уже начали называть «противоборствующими сторонами»¹⁶. Нужно отметить, что для Еревана формат «3+3» не может представлять большой

интерес, так как инициаторами формата являются Турция и Азербайджан. В этом плане также хочется задаться вопросом, а что делать с Минской группой ОБСЕ, которая выступала в качестве дипломатического регулятора в ходе нагорно-карабахского конфликта. Нужно добавить, что деятельность Минской группы всегда вызывала большие вопросы, как в Армении, так и в Азербайджане. «Минскую группу ОБСЕ нам навязали. Она сегодня ничего не делает для урегулирования конфликта. Сопредседатели лишь посещают Азербайджан и Армению, однако безрезультатно», - говорил вице-спикер Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджана Зияфет Аскеров в рамках второй сессии XV заседания Комитета парламентского сотрудничества Европейский союз – Азербайджан.¹⁷ Однако надо отметить, что Иран не раз заявлял о готовности помочь Минской группе в рамках ее компетенции для урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Но нужно отметить, что, как справедливо отмечают эксперты, Иран не хочет быть «посредником», он желает полноправно участвовать в ходе урегулировании конфликта и настаивает на изменении формата группы¹⁸.

Что касается других региональных акторов, то нужно отметить, что помимо Ирана Турция является одним из важнейших игроков. Турцию и Азербайджан связывает очень многое, и предложенная турецкими политиками формулировка «одна нация – два государства» служит тому подтверждением. Турция традиционно оказывает дипломатическую, а с недавних времен и даже военную поддержку своему собрату - тюркскому народу и ключевому геостратегическому партнеру в регионе,

¹⁴ Поставка грузов из Ирана в Карабах в интересах Армении - азербайджанский политолог // URL: <https://news.day.az/politics/1378933.html> (дата обращения: 08.12.2021)

¹⁵ «США ставят на Турцию»: что означают новые геополитические расклады в Закавказье для Армении. // URL: <https://eurasia.expert/chno-oznachayut-novye-geopoliticheskie-rasklady-v-zakavkaze-dlya-armenii/> (дата обращения: 08.12.2021)

¹⁶ Интервью с кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником российского Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН Ланой Раванди-Фадаи от 27.11.2021

¹⁷ Вице-спикер: МГ ОБСЕ ничего не делает для урегулирования карабахского конфликта // URL: <https://news.day.az/politics/1003040.html> (дата обращения: 08.12.2021)

¹⁸ Карабекян: Иран не намерен играть роль посредника в карабахском конфликте. // URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/185500/> (дата обращения: 08.12.2021)

Азербайджану. Контакты между представителями министерства обороны обоих государств активизировались после июльских столкновений, за которыми последовали совместные военные учения. С тех пор как начались боевые действия, Турция заявила о своей безоговорочной поддержке Азербайджану и предоставляет ему различные виды военной помощи. Нет никаких сомнений в том, что в настоящее время внедряется высоко ценяемая технология турецких военных беспилотных летательных аппаратов в азербайджанскую армию. Существуют также неподтвержденные, но растущие утверждения о том, что Турция мобилизовала наемников из Сирии для борьбы за Азербайджан.

Что касается России, то она играет в этом конфликте разнообразную роль. Благодаря двусторонним связям и Организации Договора о коллективной безопасности Москва предоставляет Армении гарантии безопасности, но они не распространяются на зону боевых действий в Нагорном Карабахе, который с международной точки зрения признан частью Азербайджана. Москва также поставляет оружие обеим сторонам и является одной из сопредседателей Минской группы, выступающей посредником в конфликте.

У Москвы непростые отношения с новым лидером Армении Н. Пашиняном после 2018 г., и Ереван, несомненно, предпочел бы справиться с эскалацией, насколько это возможно, самостоятельно. Россия не смогла в 1990-е гг. развернуть миротворческие силы на местах в Нагорном Карабахе. Опасения Армении по поводу того, что помощь Москвы будет сопровождаться определенными условиями, побуждают проявлять осторожность при обращении за поддержкой к России.

До тех пор, пока боевые действия ограничиваются спорной территорией в Нагорном Карабахе и вокруг него, сохранение нейтралитета России делает маловероятным военное участие Москвы в нем. Однако более длительный конфликт с

растущим участием Турции будет угрожать доминированию России в области, которую она считает частью своей сферы привилегированных интересов и вызовет ответные меры.

За исключением Турции, другие региональные и глобальные державы призвали к сдержанности. Иран, Грузия и Катар предложили выступить посредниками. На заседании Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 29 сентября была подтверждена главная роль Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе под председательством Франции, России и Соединенных Штатов в посредничестве между Арменией и Азербайджаном.

Таким образом, нужно отметить, что Иран, сделав вывод из первой компании армяно-азербайджанской войны 90-х годов, внес существенные коррективы с вою политику в южно-кавказском направлении, прежде всего придав ей сбалансированный характер, подразумевающий поддержание высокого уровня взаимоотношений с Арменией и Азербайджаном. Именно это и стало детерминантом стабильности на северных рубежах Ирана до сегодняшнего момента.

Какой бы ни была политика Ирана, она будет зависеть от сложных действий двух стран по вступлению в конфликт или поддержке одной стороны. И Армения, и Азербайджан должны поставить Иран в положение выбора, оставаясь только на одной стороне. Это трудно, даже в мыслях. Иран должен избегать этого.

Турция и Азербайджан всегда будут с неуверенностью смотреть на Иран, но с точки зрения действий в настоящее время они не в состоянии что-либо предпринимать, кроме как в случае серьезной политической слабости и вакуума власти в Иране. По этой причине Иран должен действовать быстро, чтобы предотвратить формирование антииранского альянса, который, в случае успеха Азербайджана, станет доминирующей военно-политической идеологией в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аветикян, Г.* Война 2020 года в Нагорном Карабахе: региональное измерение // Научный журнал ИМЭМО РАН «Пути к миру и безопасности», 2020. №2 (59). – С.181-191
- Арешев, А.* Экономические отношения Ирана с государствами Южного Кавказа в условиях частичного ослабления санкций // Российско-иранские отношения: проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. - С.104-109.
- Атрисангари Фатемех.* Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2020. №1. – С.32-48
- Бабаев, А.* Нагорный Карабах: генезис и динамика конфликта // Бабаев А., Шох Б., Х.Ё. Спангер. Нагорно-Карабахский тупик: опыт успешного урегулирования конфликта. – Спрингер, 2019. - С.27.
- Маркедонов, С.М.* Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., – 2020. – 35 с.
- Маркедонов, С.М.* Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. №2. - С.132-141.
- Наимов, И.Н.* Геоконцепция «Независимый Курдистан: возможные проекции его влияния в регионе. [Текст] / Н.Б. Хотамов, И.Н. Наимов // Вестник Таджикского национального университета. Серия истории и археологии, философии и педагогики. – 2019. – №8. – С.40-45.
- Наимов, И.Н.* К вопросу о разработке проектов сепаратизации современного Ирана. [Текст] / И.Н. Наимов // Вестник Педагогического университета. – 2018. – №5-2 (77). – С.260-264.
- Наимов, И.Н.* Этнополитический фактор в современных международных отношениях Исламской Республики Иран: внутренний и внешний аспекты [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04: И.Н. Наимов; Тадж. нац. ун-т. – Душанбе, 2021. – 183 с.
- Санасарян, Э.* Религиозные меньшинства в Иране. - Нью-Йорк: Издательство: Cambridge University Press, 2000. – 202 с.
- Свистунова, И.А.* Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО Университета, №4(67). - 2019. – С.130-144.
- Сулаберидзе, Ю.С.* Кавказский вектор политики Ирана: вчера, сегодня, завтра // Russian Colonial Studies. 2020. №1(5). – С.143-163

REFERENCES

- Avetikyan, G.* War 2020 in Nagorno-Karabakh: Regional Dimension // Scientific Journal of IMEMO RAS "Paths to Peace and Security", 2020. №2 (59). - PP.181-191
- Areshv, A.* Iran's Economic Relations with the South Caucasus States under Partial Sanctions Relief // Russian-Iranian Relations: Problems and Prospects / Ed. by E.V. Dunayeva, V.I. Sazhin. M.: IW RAN, 2015. - PP.104-109.
- Atrisangari Fatemeh.* Iran's Foreign Policy in the South Caucasus: Identity and National Interests // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. - 2020. №1. - PP.32-48
- Babayev, A.* Nagorno Karabakh: The Genesis and Dynamics of the Conflict. Ed. Azer Babayev, Bruno Schoch, Hans-Joachim Spanger. The Nagorno-Karabakh deadlock: Insights from successful conflict settlements. Springer. 2019. - p.27.
- Markedonov, S.M.* Breaking the Status Quo and the International Dimension of the Crisis in Nagorno-Karabakh // Report of the Valdai Discussion Club. M., - 2020. - 35 p.
- Markedonov, S.M.* Thirty Years of the Nagorno-Karabakh Conflict: Key Stages and Prospects for Resolution // Post-Soviet Studies. 2018. Vol.1. №2. – PP.132-141.
- Naimov, I.N.* The geoconcept of "Independent Kurdistan: possible projections of its influence in the region / N.B. Hotamov, I.N. Naimov // Bulletin of the Tajik National University. Series of History and Archaeology, Philosophy and Pedagogy. - 2019. - №8. - PP.40-45.
- Naimov, I.N.* On the development of projects of separation of modern Iran / I.N. Naimov // Bulletin of Pedagogical University. - 2018. - №5-2 (77). - PP.260-264.

Naimov, I.N. Ethno-political factor in modern international relations of the Islamic Republic of Iran: internal and external aspects: Ph. Candidate of Political Sciences: 23.00.04: I.N. Naimov; Tajik National University. - Dushanbe, 2021. - 183 p.

Sanasarian, E., *Religious Minorities in Iran.* - New York: Cambridge University Press, 2000. - p. 202.

Sulaberidze, Y.S. The Caucasian vector of Iran's policy: yesterday, today, tomorrow // *Russian Colonial Studies.* 2020. №1(5). - PP.143-163

Svistunova, I.A. Turkish-Iranian relations in the Middle East: in search of regional balance // *Bulletin of MGIMO University,* No. 4(67). - 2019. - PP.130-144.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наимов Исмоил Нуруллоевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений и дипломатии Российско-Таджикского (Славянского) университета. Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: naimov_ismoil@mail.ru	Ismoil N. Naimov - Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Department of International Relations and Diplomacy of Russian-Tajik (Slavonic) University. Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: naimov_ismoil@mail.ru
---	--

Новейшая история Кавказа на страницах современных учебников истории России

С. Б. Манышев

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>, e-mail: msergey1990@gmail.com

Аннотация. Вопросы преподавания истории являются важной частью формирования идентичности человека. Целью статьи является рассмотрение отражения истории Кавказа и его народов на страницах современных российских школьных учебников в постсоветский период. В работе дан краткий обзор состояния школьного исторического образования в современный период. Отмечается, что в результате распада Советского Союза произошла переоценка целого ряда исторических деятелей и событий, что привело, с одной стороны, к деидеологизированности школьного исторического образования, а с другой, к трудностям в оценке фактов и событий учителями, что негативно сказывалось на учебном процессе. Результатом этого длительного процесса и общественной дискуссии стало создание Историко-культурного стандарта, в соответствии с которым сегодня созданы несколько линеек школьных учебников истории России. Автором проанализированы пять линеек учебников, используемых сегодня в школах России и написанных в соответствии с Историко-культурным стандартом. Выделен ряд сюжетов позднесоветского периода, которые стали основой межнациональных и политических конфликтов в регионе в последующем. Прежде всего, рассмотрены события на Южном Кавказе в период распада Советского Союза, которые привели к подъему национальных движений в союзных республиках. Отдельное внимание уделено истории российского Северного Кавказа и особенностям ее описания на страницах школьных учебников. Автор касается интерпретации событий в Северной Осетии, Чечне и Дагестане. Здесь также рассмотрены сюжеты, связанные с обострением межнациональных отношений в начале 1990-х гг. Большое внимание уделено «чеченскому кризису» от распада Советского Союза до окончания контртеррористической операции в 2020 г. Кроме того, автор обращается к внешней политике постсоветской России и ее «кавказскому» вектору, направленному на Южный Кавказ и образовавшиеся там независимые государства. Подчеркивается роль России в создании СНГ, взаимоотношений между отдельными странами Южного Кавказа и Россией. Не обойдены вниманием конфликты в Абхазии и Южной Осетии, и освещение на страницах современных школьных учебников «Пятидневной войны».

Ключевые слова: Кавказ, преподавание истории, этнические конфликты, постсоветская история.

Для цитирования: Манышев С. Б. Новейшая история Кавказа на страницах современных учебников истории России. // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):732-740.

The latest history of the Caucasus on the pages of modern Russian history textbooks

Sergey B. Manyshev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5276-7743>, e-mail: msergey1990@gmail.com

Abstract. Questions of teaching history are an important part of the formation of human identity. The purpose of the article is to consider the reflection of the history of the Caucasus and its peoples on the pages of modern Russian school textbooks in the post-Soviet period. The paper provides a brief overview of the state of school history education in the modern period. It is noted that because

of the collapse of the Soviet Union, a few historical figures and events were reassessed, which led, on the one hand, to the de-ideologization of school history education, and on the other hand, to difficulties in assessing facts and events by teachers, which negatively affected the educational process. The result of this long process and public discussion was the creation of the Historical and Cultural Standard, in accordance with which several lines of school textbooks on the history of Russia have been created today. The author analyzed five lines of textbooks used today in Russian schools and written in accordance with the Historical and Cultural Standard. Several plots of the late Soviet period are singled out, which became the basis of interethnic and political conflicts in the region in the future. First, the events in the South Caucasus during the collapse of the Soviet Union, which led to the rise of national movements in the union republics, are considered. Special attention is paid to the history of the Russian North Caucasus and the peculiarities of its description on the pages of school textbooks. The author deals with the interpretation of events in North Ossetia, Chechnya and Dagestan. It also considers plots related to the aggravation of interethnic relations in the early 1990s. Much attention is paid to the "Chechen crisis" from the collapse of the Soviet Union to the end of the counter-terrorist operation in 2020. In addition, the author refers to the foreign policy of post-Soviet Russia and its "Caucasian" vector aimed at the South Caucasus and the independent states formed there. The role of Russia in the creation of the CIS, relations between individual countries of the South Caucasus and Russia is emphasized. Not ignored are the conflicts in Abkhazia and South Ossetia, and the coverage on the pages of modern school textbooks of the "Five-Day War".

Keywords: Caucasus, history teaching, ethnic conflicts, post-Soviet history

For citation: Sergey B. Manyshev. The latest history of the Caucasus on the pages of modern Russian history textbooks. // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022; 7(5):732-740. (In Russ.)

Вопрос о содержании школьного исторического образования в нашей стране в постсоветский период ставился неоднократно: распад Советского Союза, приведший к переоценке целого ряда событий и ролей персонажей из отечественной и зарубежной истории, продемонстрировал фрагментарность исторического знания, которое формировалось в советской школе. Период 1990-х гг. – время появления большого числа разных по продуманности и качеству изложения материала учебников и учебных пособий, авторы которых пытались деидеологизировать историю, обратить внимание на ранее не освещавшиеся в школьному курсу сюжеты [Гузь 2019: 112–114]. Это, в свою очередь, при всех плюсах, породило и ряд существенных недостатков: учителям приходилось сталкиваться с противоречивыми, порой, взаимоисключающими друг друга мнениями по тем или иным событиям и периодам истории страны. Историки признавали, что несмотря на большое число учебников, «из них буквально выпирают методологическая несостоятельность, идеологическая предвзятость, несбалансированность

различных тем и сюжетов, отсутствие связи между ними, постоянная путаница, фактические ошибки и искажения» [Каким быть... 2002: 7].

Все обозначенные выше противоречия вылились в общественную дискуссию, связанную с необходимостью введения единого учебника истории, в котором должна была быть представлена некая стройная и логическая линия развития отечественной истории для школьников. Но ей на смену пришла новая концепция, связанная не с единым учебником, а с созданием Историко-культурного стандарта, в соответствии с которым будут подготовлены новые учебники [Вяземский 2014: 10–11].

Разработанный Историко-культурный стандарт декларирует задачу формирования у школьников основных представлений о развитии российского многонационального государства. И, действительно, большое внимание в нем уделено отдельным народам России, их истории, а также территориям, которые в те или иные периоды входили в

состав Российской империи и СССР¹. Такой подход можно считать новаторским, так как в 1990-е – начале 2000-х гг. истории народов и регионов России на страницах школьных учебников уделялось существенно меньше внимания [Shnirelman 2009].

Сегодня преподавание истории в России ведется по 5 линейкам учебников, созданных известными в стране учеными и методистами: учащиеся знакомятся с историей России с VI по XI класс. Существующие учебники подготовлены в соответствии с Историко-культурным стандартом. Однако далеко не все важные события даже на территории Российской Федерации нашли отражение на страницах школьных учебников: стандарт по сути своей, является документом, включающим в себя набор фактов и имен, которые обязательно должны быть отражены в учебной литературе. Все же остальные события включаются в учебники по усмотрению авторов.

Определенное внимание авторы уделяют истории народов Кавказа: уже в VI классе школьники узнают об истории города Дербента, Кавказской Албании, затем – о Персидском походе императора Петра Великого, и, конечно, о Кавказской войне [Манышев 2018; Трепавлов 2021]. Значительно меньше внимания уделено истории Кавказа постсоветского периода, которая изучается в XI классе.

Марк Ферро в предисловии к своей классической работе «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» писал: «Не приходится сомневаться: образ других народов, так же, как и живущий в нашей душе образ самих себя, зависит от того, как в детстве нас учили истории... Именно на эти представления впоследствии накладываются все наши мимолетные размышления и устойчивые понятия. То, что удовлетворяло нашу первую любознательность, пробуждало наши первые эмоции, остается неизгладимым» [Ферро 2010: 7].

С этим трудно поспорить. Именно поэтому заложенные в детстве и юношестве представления о тех или иных событиях или личностях сопровождают человека на протяжении всей его жизни, в очень мало степени изменяясь или корректируясь. И именно поэтому не только научный, но и практический интерес представляет то, как отражена истории народов и регионов на страницах школьных учебников.

Кризис межнациональных отношений и распад Советского Союза

Вопросы национальной политики в Советском Союзе с первых лет его существования занимали руководство страны, декреты которого провозгласили равенство всех народов государства. Однако излишняя централизация власти вместе с экономическим кризисом и социальными изменениями в обществе продемонстрировали во второй половине 1980-х гг., что попытка создать наднациональную общность под названием «советский человек», оказалась фикцией [Козьменко 2012: 123].

Говоря об отражении тех или иных постсоветских «кавказских» сюжетов на страницах современных школьных учебников, нельзя не коснуться самого распада СССР, так как большинство межнациональных проблем в регионе обусловлены именно этим событием.

Наращение социального недовольства и националистических настроений, которые были характерны для периода Перестройки, стали определенным сигналом для руководства страны, которое предлагало лишь «обновить социализм». Радикальные перемены, вызванные Перестройкой, обнажили национальные противоречия, в том числе, вскрыли «незажившие раны» обиды депортированных в годы Великой Отечественной войны народов Кавказа. А также они всколыхнули «застарелые исторические конфликты», в частности, в Нагорном Карабахе и в Абхазии [Волобуев 2016: 291].

¹ Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы // Российское историческое общество. URL:

<https://historyrussia.org/sobytiya/podgotovlen-proekt-usovershenstvovannoj-kontseptsii-prepodavaniya-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii.html> (дата обращения 29.08.2022)

Подъем националистических движений в союзных республиках авторы учебников связывают с общим разрастанием оппозиционности в стране: политические элиты союзных республик, в том числе и кавказских, считали необходимым расширение своих полномочий. Они видели в реформах, проводимых М.С. Горбачевым, реальную угрозу для своей власти, поэтому и поддерживали в большинстве своем националистические выступления [Шубин 2021: 337].

Обострились не только взаимоотношения между центром и союзными республиками, но и между отдельными республиками. В современных учебниках истории уделяется внимание нескольким событиям, которые ярко демонстрируют как общие кризисные явления в стране, так и кризис межнациональных отношений. В первую очередь речь идет о событиях вокруг Нагорного Карабаха. В 1988 г. Совет народных депутатов этой автономной области обратился к Верховному Совету Азербайджанской ССР с просьбой передать эту территорию в состав Армянской ССР [Ваал де 2005: 29]. Это было вызвано нарастанием противоречий в регионе между армянским большинством и азербайджанским меньшинством.

Школьникам не приводится никаких причин конфликта в Нагорном Карабахе. Авторы пишут лишь о том, что его территория была населена армянами, но входила в состав Азербайджана на правах автономии [Измозик 2021: 123]. Требование населения о воссоединении с Арменией переросло в обоюдные армяно-азербайджанские погромы, результатом которых стали многочисленные жертвы и около 300 тысяч беженцев [Никонов 2019: 106; Шубин 2021: 337]. В качестве яркого примера национального противостояния рассказывается о событиях февраля 1988 г. в Сумгаите. Согласно официальной советской версии, «группой хулиганствующих элементов были спровоцированы беспорядки. В противоправные действия оказались вовлечены неустойчивые, незрелые люди, попавшие под влияние лживых слухов вокруг событий в Нагорном

Карабахе и Армении» [Распад СССР... 2006: 49]. О.В. Волобуев пишет, что впервые со времен Гражданской войны в стране прошли митинги под националистическими лозунгами, сопровождавшиеся погромами и вооруженными столкновениями [Волобуев 2016: 294; Горинов 2016: 37].

Еще одной точкой напряженных межнациональных отношений стала Грузия. Здесь весной 1989 г. в Абхазской Автономной Республике прозвучали лозунги, призывающие к самостоятельности последней. В 1990 г. начался конфликт в Южной Осетии. Как отмечают авторы учебников, рост националистических настроений в Грузии подтолкнул к сепаратизму в этих автономиях [Никонов 2019: 106; Шубин 2021: 343]. В свою очередь, в Тбилиси начались митинги, на которых призывали к выходу из состава СССР, а также расправе над представителями власти [Распад СССР... 2006: 87]. Это привело к трагическим событиям 9 апреля 1989 г., когда, по согласованию с Москвой местное партийное руководство приняло решение о разгоне демонстрации. В результате этого погибли 19 человек, а сотни были ранены [Измозик 2021: 123]. Но ни подавление армией демонстраций в Тбилиси, ни разгон манифестантов в Баку в 1990 г. не дали ожидаемого результата. Применение силы для решения подобных вопросов влекло за собой еще больший накал межнациональных отношений и демонстрировало потерю центром контроля над ситуацией [Никонов 2019: 107; Измозик 2021: 124].

Августовский путч поставил точку в распаде СССР и окончательно подорвал доверие союзных республик к центру, в результате чего к 1 сентября 1991 г. провозгласили свою независимость Украина, Молдавия, Азербайджан, Узбекистан и Киргизия [Волобуев 2016: 294; Никонов 2019: 110]. Таким образом, «парад суверенитетов» и распад Советского Союза тесно связан с событиями 1988–1989 гг. в Нагорном Карабахе, Баку, Душанбе, Сухуми и Тбилиси и последовавшим за этим принятием деклараций о государственном суверенитете в этих странах [Горинов 2016: 38].

Российский Северный Кавказ: постсоветские проблемы

Первым сюжетом из постсоветской истории, который связан с Кавказом и отражен на страницах учебников, являются события 1992 г. в Пригородном районе. Генезис этого конфликта обусловлен нерешенными национальными проблемами, которые достались новой России от Советского Союза, а также с созданием новой административно-территориальной единицы на карте страны – Республики Ингушетия. Дело в том, что в законе, согласно которому была образована новая республика, ее территориальные границы не были прописаны: для решения всех вопросов создавалась особая государственная комиссия, в компетенцию которой входило и государственно-территориальное разграничение¹. Трагические события конца октября – начала ноября 1992 г. принесли огромные жертвы для двух небольших республик: погибли 407 ингушей и 105 осетин [Цуциев 1998: 5].

К сожалению, большинство современных учебников обходит стороной эти события: не нашлось им места ни в рассказе о внутренней политике, ни в темах, посвященных межнациональным отношениям. Лишь в учебнике О.В. Волобуева несколько строк посвящено этим трагическим событиям. Авторы отмечают, что на территории РФ после подписания Федеративного договора в марте 1992 г. в целом в стране снизилась этническая напряженность, за исключением Северного Кавказа. Они указывают, что в Северной Осетии и Ингушетии началось создание отрядов самообороны, что в конечном итоге привело в «этнической войне», вытеснению ингушского населения из Пригородного района. Не касаясь предпосылок этих событий, авторы заключают, что таким образом в постсоветской России появились первые беженцы [Волобуев 2016: 311–312]. Такая «корректировка» исторического

сознания с одной стороны, вполне объяснима, а с другой – несет в себе основу для будущих конфликтов. Попытка же обойти такой важный и сложный сюжет, не вписав его в общую канву событий в постсоветской России, приводит ко всевозможным спекуляциям, которые впоследствии преподаются школьниками в курсах региональной истории. Наглядным примером этому служит скандал с учебником истории Северной Осетии, разгоревшийся несколько лет назад, когда член Общественной палаты России Ф. Албакова обратилась в Генеральную прокуратуру для организации проверки учебного пособия на экстремизм².

Следующий сюжет так или иначе связан с событиями, происходившими на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР в условиях кризиса государственной власти в центре. Провозгласив свою независимость и не имея какого бы то ни было международно-правового признания, Чеченская Республика Ичкерия попыталась выстроить свою национальную государственность. У чеченского кризиса был целый ряд предпосылок, уходящих корнями в советское прошлое. Большой террор и последовавшая за ним депортация не позволили сформировать в Чечено-Ингушетии свою национальную интеллигенцию, а фактическая сегрегация привела к отставанию чеченцев в социальном развитии от других народов России, к более низкому уровню жизни среди республик СССР, более низкому уровню образования, высокой детской смертности [Гакаев 1997: 173].

Важной задачей для нового Российского государства было не допустить распада страны. Но не все территории бывшего РСФСР были готовы оставаться в ее составе. Наиболее остро встал вопрос о статусе Чечни после прихода к власти в ней генерала Д. Дудаева. Однако политическая борьба различных группировок в стране привлекала

¹ Закон РФ от 04.06.1992 № 2927–1 «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-04061992-n-2927-1-ob/> (дата обращения 29.08.2022)

² Учебник по истории Северной Осетии нельзя использовать в школе // РИА Новости. 26.11.2013. URL: <https://ria.ru/20131126/979914156.html> (дата обращения 29.08.2022)

к себе больше внимания, чем события здесь, где было захвачено имущество советской армии, участились случаи насилия над русским населением [Измозик 2021: 154].

Среди причин, которые привели к развитию чеченского кризиса, авторы школьных учебников отмечают общий экономический кризис, который стал катализатором роста сепаратистских настроений, подпитываемых памятью о репрессиях на национальной почве [Измозик 2021: 122]. Помимо этого, по их мнению, свою роль сыграли неразрешенные этнополитические конфликты, а также к этому добавилась деятельность представителей зарубежных исламистских центров, связанных с международным терроризмом [Никонов 2019: 137]. «По сути, – пишут авторы одного из учебников о приходе к власти Д. Дудаева в сентябре 1991 г., – произошел государственный переворот в масштабах автономной республики и сепаратистское восстание в масштабах СССР» [Волобуев 2016: 313].

Авторы учебников почти полностью игнорируют фактическую сторону происшедших событий, описывая их общими фразами. И лишь в линейке под редакцией В.Р. Мединского говорится о том, что в августе 1991 г. власть в Чечне была захвачена Объединенным конгрессом чеченского народа, который возглавлял Д. Дудаев. А уже весной 1992 г. была провозглашена независимость Ичкерии, полностью подавлена оппозиция, разогнан парламент, и республика оказалась выведенной из правового поля России. В таких условиях российские власти поддержали чеченскую оппозицию. К лету 1994 г. «в республике развернулась гражданская война», которая, по мнению авторов учебника, стала катализатором ввода российских войск на территорию Чечни [Шубин 2021: 375].

События декабря 1994 г. в Чеченской Республике трактуются как «восстановление конституционного порядка», но они в итоге привели к обострению конфликта, которое повлекло за собой многочисленные жертвы [Горинов 2016: 58; Никонов 2019: 138; Измозик 2021: 154]. Своеобразным ответом на действия федеральных властей стал захват

Ш. Басаевым больницы в Буденновске, повлекший за собой человеческие жертвы. А переговоры с террористами продемонстрировали лишь то, что они нужны были для перегруппировки сил, а не для достижения мира [Горинов 2016: 58]. Несмотря на то, что к весне 1995 г. федеральные силы взяли контроль над большей частью Чечни, «дудаевцы перешли к партизанской борьбе» [Шубин 2021: 376].

Президентская кампания 1996 г. в стране повлекла за собой замораживание конфликта, и у власти в Чечне оказались антироссийски настроенные полевые командиры [Никонов 2019: 138]. Но именно с одним из них, «начальником штаба чеченских незаконных формирований» А. Масхадовым, в итоге были подписаны хасавюртовские соглашения, которые фактически завершили войну в Чечне. Россия попыталась вновь, хотя бы частично, интегрировать территорию республики в свой состав, взяв на себя обязательства по выплате пенсий и пособий, а также подтвердив свою готовность выделить средства на ее восстановление. В свою очередь, представители Чечни гарантировали проведение демократических выборов [Горинов 2016: 58; Никонов 2019: 139; Измозик 2021: 155].

Однако избранный президентом А. Масхадов не смог наладить эффективную работу органов государственной власти и фактически не контролировал ситуацию в республике. И здесь необходимо выделить еще один небольшой сюжет, который связан не только с событиями в Чечне, но и с Дагестаном. В августе 1999 г. международные террористы под командованием Ш. Басаева и полевого командира Хаттаба вторглись на его территорию. И тогда жители Дагестана решительно выступили против бандформирований [Роцин 2003]. Этим событиям также уделено небольшое внимание в учебниках. Авторы отмечают, что этот рейд сепаратистов стал вызовом территориальной целостности страны [Измозик 2021: 159; Шубин 2021: 376]. Именно тогда российским войскам и дагестанским ополченцам удалось разбить отряды террористов. И именно с этого

момента, как следует из текстов учебников, началась контртеррористическая операция на территории Чечни [Измозик 2021: 160; Шубин 2021: 377].

Логическим завершением описания событий в Чеченской Республике является вписывание их в общий контекст борьбы с терроризмом, из которого школьники узнают и о теракте в Беслане [Шубин 2021: 388]. Но также им предложен один из немногочисленных «мирных» сюжетов, связанных с попытками центральных властей наладить в республике в начале 2000-х гг. работу государственных органов и проведение выборов главы региона, на которых победу одержал А.-Х. Кадыров [Измозик 2021: 180].

Южный Кавказ в орбите внешней политики России

Распад Советского Союза привел к тому, что на Южном Кавказе были созданы самостоятельные государства: Армения, Азербайджан, Грузия, а впоследствии Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Нагорно-Карабахская Республика на протяжении более четверти века имеет статус непризнанного государства. Последние 30 лет Россия в этом регионе вынуждена соперничать с другими политическими игроками, такими как США, Турция, Иран. Но при этом большинство отраслей экономики независимых государств Южного Кавказа ориентированы именно на Россию [Гаджиев 2010: 296–300].

Относительно немного информации можно найти на страницах учебников о постсоветской истории государств Южного Кавказа. В первую очередь, школьники узнают о Содружестве независимых государств, в создании которого, помимо Российской Федерации, принимали участие Азербайджан, Армения и Грузия [Волобуев 2016: 335; Никонов 2019: 112].

В рамках внешней политики России рассматриваются события августа 2008 г. В целом взаимоотношения со странами бывшего СССР выстраивались бесконфликтно, однако, неопределенный статус Абхазии и Южной Осетии приводил к напряжению во взаимоотношениях с Грузией. Связано это было в том числе и с

ориентацией политики нового президента М. Саакашвили на США и Евросоюз [Волобуев 2016: 338]. В результате произошел открытый конфликт. После того, как грузинская армия вторглась на территорию Южной Осетии, а под обстрел попали российские миротворцы, была проведена «операция по принуждению Грузии к миру» [Горинов 2016: 97; Никонов 2019: 192; Шубин 2021: 404]. Российская Федерация в результате этого краткосрочного конфликта, длившегося всего 5 дней, признала независимость Южной Осетии и Абхазии, что авторы учебников объясняют непродуманными действиями президента Грузии М. Саакашвили [Никонов 2019: 192; Измозик 2021: 187].

Заключение

В постсоветский период Кавказ для России стал как объектом внутренней, так и внешней политики: регионы Северного Кавказа, входящие в состав Российской Федерации, испытывают на себе те же социально-экономические и политические проблемы, что и другие субъекты федерации. Ставшие независимыми страны Южного Кавказа теперь для нашей страны объекты внешней политики и соперничества за влияние на них с другими крупными политическими игроками в регионе. Именно поэтому такую важную роль играет отражение тех или иных событий на страницах школьных учебников, так как именно благодаря им у школьников формируется глубокое понимание обусловленности причин и последствий. К сожалению, на страницах современных учебников истории России история постсоветского Кавказа в большинстве своем предстает сквозь призму национальных, политических и военных конфликтов. Поэтому у школьников может сложиться крайне негативное отношение к региону и его народам. Понятно, что невозможно в ограниченном по объему материале представить историю всех регионов страны, но подобный дисбаланс является основой для будущих конфликтов и социальной стигматизации выходцев из кавказских регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вал де Т.* Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / Перевод с англ. О. Алякринского. М.: Текст, 2005. 413 с.
- Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н.* История России: начало XX – начало XXI в. 10 класс: учебник. М.: Дрофа, 2016. 367 с.
- Вяземский Е.Е.* Проблемы и тенденции развития исторического образования в современной России в мировом контексте // Школьные технологии. 2014. № 6. С. 10–22.
- Гаджиев К.С.* Кавказский узел в политических приоритетах России. М.: Логос, 2010. 532 с.
- Гакаев Д.Д.* Очерки политической истории Чечни (XX век). М.: Изд-во ЧКЦ, 1997. 473 с.
- Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю. и др.* История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 3-х ч. Ч. 3 / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 160 с.
- Гузь Е.* Школьный учебник по истории в условиях трансформации государственной образовательной политики рубежа XX–XXI вв. // Постсоветский материк. 2019. № 1 (21). С. 111–121.
- Измозик В.С., Журавлева О.Н., Рудник С.Н.* История России: 10 класс. Базовый и углубленный уровни. В 2-х ч. Ч. 2: учебник / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Вентана-Граф, 2021. 222 с.
- Каким быть современному школьному учебнику по отечественной истории XX века? // Отечественная история. 2002. № 3. С. 3–56.
- Козьменко В.М., Цай В.И.* Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х – 1991 г. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2012. № 2. С. 120–131.
- Манышев С.Б.* Кавказская война: взгляд федеральных учебников // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сборник статей / Под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 165–174.
- Никонов В.А., Девятков С.В.* История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни. В 2-х ч. Ч. 2. 1945–2016 / Под науч. ред. С.П. Карпова. М.: Русское слово – учебник, 2019. 240 с.
- Распад СССР. Документы / Сост. А.В. Шубин. М.: ИВИ РАН, 2006. 286 с.
- Роцин М.* Фундаментализм в Дагестане и Чечне // Отечественные записки. 2003. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/5/fundamentalizm-v-dagestane-i-chechne.html#t21> (дата обращения 29.08.2022)
- Трепавлов В.В.* Вопросы истории и культуры России и ее народов в школьных учебниках и пособиях СКФО и ЮФО // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 110–116.
- Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Перевод с фр. Е.И. Лебедевой. М.: Книжный Клуб 36,6, 2010. 461 с.
- Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: РОССПЭН, 1998. 200 с.
- Шубин А.В., Мязков М.Ю., Никифоров Ю.А.* История России. Начало XX – начало XXI в. 10 класс: базовый уровень: учебник / Под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 431 с.
- Shnirelman V.* Stigmatized by history of Historians? The Peoples of Russia in School History Textbooks // History and Memory. 2009. Vol. 21. № 2. P. 110–149.

REFERENCES

- Cuciev A.A.* Osetino-ingushskij konflikt (1992–...): ego predystorija i faktory razvitija. Istoriko-sociologičeskij očerok. M.: ROSSPJeN, 1998. 200 s.
- Ferro M.* Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira / Perevod s fr. E.I. Lebedevoy. M.: Knizhnyy Klub 36,6, 2010. 461 s.
- Gadzhiyev K.S.* Kavkazskiy uzul v politicheskikh prioritetakh Rossii. M.: Logos, 2010. 532 s.
- Gakaev D.D.* Ocherki politicheskoy istorii Chechni (XX vek). M.: Izd-vo ChKC, 1997. 473 s.

- Gorinov M.M., Danilov A.A., Morukov M.Ju. i dr.* Istorija Rossii. 10 klass. Uchebnik dlja obshheobrazovatel'nyh organizacij. V 3-h ch. Ch. 3 / Pod red. A.V. Torkunova. M.: Prosveshhenie, 2016. 160 s.
- Guz' E.* Shkol'nyy uchebnik po istorii v usloviyakh transformatsii gosudarstvennoy obrazovatel'noy politiki rubezha XX–XXI vv. // Postsovetskiy materik. 2019. № 1 (21). S. 111–121.
- Izmozik V.S., Zhuravleva O.N., Rudnik S.N.* Istorija Rossii: 10 klass. Bazovyy i uglublennyj urovni. V 2-h ch. Ch. 2: uchebnik / Pod red. V.A. Tishkova. M.: Ventana-Graf, 2021. 222 s.
- Kakim byt' sovremennomu shkol'nomu uchebniku po otechestvennoy istorii XX veka? // Otechestvennaya istoriya. 2002. № 3. S. 3–56.
- Koz'menko V.M., Caj V.I.* Jevoljucija mezhnacional'nyh otnoshenij i nacional'noj politiki v SSSR v 1920-h – 1991 g. // Vestnik RUDN. Serija: Istorija Rossii. 2012. № 2. S. 120–131.
- Manyshev S.B.* Kavkazskaya voyna: vzglyad federal'nykh uchebnikov // Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom: Sbornik statey / Pod red. K.A. Pakhalyuka. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. S. 165–174.
- Nikonov V.A., Devjatov S.V.* Istorija. Istorija Rossii. 1914 g. – nachalo XXI v.: uchebnik dlja 10 klassa obshheobrazovatel'nyh organizacij. Bazovyy i uglublennyj urovni. V 2-h ch. Ch. 2. 1945–2016 / Pod nauch. red. S.P. Karpova. M.: Russkoe slovo – uchebnik, 2019. 240 s.
- Raspad SSSR. Dokumenty / Sost. A.V. Shubin. M.: IVI RAN, 2006. 286 s.
- Roshhin M.* Fundamentalizm v Dagestane i Chechne // Otechestvennye zapiski. 2003. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/5/fundamentalizm-v-dagestane-i-chechne.html#t21> (data obrashhenija 29.08.2022)
- Shnirelman V.* Stigmatized by history of Historians? The Peoples of Russia in School History Textbooks // History and Memory. 2009. Vol. 21. № 2. P. 110–149.
- Shubin A.V., Mjagkov M.Ju., Nikiforov Ju.A.* Istorija Rossii. Nachalo XX – nachalo XXI v. 10 klass: bazovyy uroven': uchebnik / Pod obshh. red. V.R. Medinskogo. M.: Prosveshhenie, 2021. 431 s.
- Trepavlov V.V.* Voprosy istorii i kul'tury Rossii i ee narodov v shkol'nykh uchebnikakh i posobiyakh SKFO i YuFO // Istoricheskaya i etnokul'turnaya tematika v uchebnom, nauchnom i obshchestvenno-politicheskom diskurse Severnogo Kavkaza / Pod red. V.A. Tishkova. M.: IEA RAN, 2021. S. 110–116.
- Vaal de T.* Chernyj sad. Armenija i Azerbajdzhan mezhdum mirom i vojnoj / Perevod s angl. O. Aljakrinskogo. M.: Tekst, 2005. 413 s.
- Volobuev O.V., Karpachev S.P., Romanov P.N.* Istorija Rossii: nachalo XX – nachalo XXI v. 10 klass: uchebnik. M.: Drofa, 2016. 367 s.
- Vyazemskiy E.E.* Problemy i tendentsii razvitiya istoricheskogo obrazovaniya v sovremennoy Rossii v mirovom kontekste // Shkol'nye tekhnologii. 2014. № 6. S. 10–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манышев Сергей Борисович, к.и.н.,
старший научный сотрудник Национального
исследовательского института мировой
экономики и международных отношений им.
Е. М. Примакова Российской академии наук,
Москва, Россия.
msergey1990@gmail.com

Sergey B. Manyshev, Candidate of
Historical Sciences, Senior Researcher,
Primakov National Research Institute of World
Economy and International Relations of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: msergey1990@gmail.com.

Инвестиционная политика Казахстана: основные направления и перспективы роста

А. М. Есдаулетова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан
E-mail: yesdauletova_am@enu.kz

Н. Б. Демеуов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан
E-mail: demeuov_nb_1@enu.kz

Аннотация. В статье представлена попытка анализа инвестиционной политики Республики Казахстан. Иностранные инвестиции служат важным инструментом для развития экономики государств, сохранения стабильности, улучшения международных стандартов. Особенно важны притоки инвестиций в начальный период становления вновь образованного государства и периоды экономических кризисов. В статье определены приоритетные направления экономики для их вложения, основные этапы формирования инвестиционной политики на протяжении 30 лет и их особенности. Правительство Казахстана оказывает всемерную поддержку по привлечению иностранного капитала и созданию благоприятных условий деятельности зарубежных компаний. Во-первых, начали работу вновь созданные государственные органы – Комитет по инвестициям при Министерстве иностранных дел РК, Национальная компания «KAZAKH INVEST», Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), который играет ключевую роль в качестве регионального центра бизнеса и финансов, Совет иностранных инвесторов при Президенте. Во-вторых, была создана и реформирована законодательная и договорная база взаимодействия иностранных инвесторов и государства. Был принят ряд стратегических документов в области различного рода преференций и льгот, учтены ошибки прошлых лет. Благодаря дипломатическим усилиям МИД РК подписаны соглашения и контракты на крупные международные проекты и модернизацию производства. В качестве третьего пункта, отметим вхождение в международные организации, такие как Организация экономического сотрудничества и развития, Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Всемирный банк, Международный валютный фонд и другие. Опираясь на доклады и рекомендации международных институтов, Казахстан стремится улучшить инвестиционную политику и следовать современным требованиям в этой сфере.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, экономическая политика, стабильность, преференции, Казахстан.

Для цитирования: Есдаулетова А.М., Демеуов Н.Б. Инвестиционная политика Казахстана: основные направления и перспективы роста // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):741-753.

Investment policy of Kazakhstan: main directions and prospects of growth

Ardak M. Yesdauletova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
E-mail: yesdauletova_am@enu.kz

Nurzhan B. Demeuov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
E-mail: demeuov_nb_1@enu.kz

Annotation. The article presents an attempt to analyze the investment policy of the Republic of Kazakhstan. Foreign investments serve as an important tool for developing the economies of states, maintaining stability, and improving international standards. The inflows of investments in the initial period of the formation of a newly formed state and periods of economic crises are especially important. The article identifies the priority areas of the economy for their investment, the main stages of the formation of investment policy for 30 years and their features. The Government of Kazakhstan provides all possible support to attract foreign capital and create favorable conditions for the activities of foreign companies. First, the newly created state bodies – the Investment Committee under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, the KAZAKH INVEST National Company, the Astana International Financial Center (AIFC), which plays a key role as a regional center for business and finance, the Foreign Investors Council under the President, have started working. Secondly, the legislative and contractual framework for interaction between foreign investors and the state was created and reformed. A number of strategic documents were adopted in the field of various preferences and benefits, and the mistakes of previous years were taken into account. Thanks to the diplomatic efforts of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, agreements and contracts for major international projects and modernization of production have been signed. As a third point, we note joining international organizations such as the Organization for Economic Cooperation and Development, the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), the Eurasian Economic Union (EAEU), the World Bank, the International Monetary Fund and others. Based on the reports and recommendations of international institutions, Kazakhstan strives to improve its investment policy and follow modern requirements in this area.

Keywords: foreign investments, economic policy, stability, preferences, Kazakhstan.

For citation: Ardak M. Yesdauletova, Nurzhan B. Demeuov. Investment policy of Kazakhstan: main directions and prospects of growth. // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022; 7(5):741-753. (In Russ.)

Историческая канва государственной политики по привлечению иностранных инвестиций.

Развитие экономики государства во многом зависит от стратегически продуманной инвестиционной политики, основанной на тенденциях развития мировой экономики, региональной и ресурсной специфике страны, видении будущего страны. Понятие «инвестиционная политика» означает «составную часть экономической политики, проводимой государством и предприятиями в виде установления структуры и масштабов инвестиций, направлений их использования, источников получения с учетом необходимости обновления основных средств и повышения их технического уровня» [Райзберг 1999: 25]. Это «система мер, определяющая – в рамках общей экономической политики – объем, структуру и направления капитальных вложений, рост основных фондов и их обновление» [Экономико-математический словарь

2003:11]. Под инвестиционной политикой государства понимается комплекс мероприятий, направленных на обеспечение потребности экономики в капиталовложениях и повышение инвестиционной активности всех субъектов производственной деятельности. Государственная инвестиционная политика «представляет собой совокупность производственных отношений между государством и хозяйствующими субъектами, основанных на обмене, распределении и потреблении ограниченных инвестиционных ресурсов. Она подразделяется на внешнюю и внутреннюю. Внешняя инвестиционная политика является частью общей внешнеэкономической политики государства и устанавливает структуру и масштабы как прямых иностранных инвестиций в отечественную экономику, так и вложений национальных инвесторов за рубежом» [Аминов 2017: 291].

В условиях глобализации странам с переходной и развивающейся экономикой

необходимо сохранить стабильность и самодостаточность экономики. Как показывает международный опыт, одним из факторов, влияющих на экономический рост и постоянство, служит сфера инвестиций. Довольно сложным вопросом является сохранение экономического роста. Из всех экономических критериев наиболее ярко указывает на динамику развития именно показатель инвестиционной активности. Сфера инвестиций была и остается объектом общих интересов как государства, так и бизнеса. Это выражается в поиске источников и путей повышения эффективности инвестиций, оптимизации инвестиционной деятельности, анализа инвестиционной успешности в различных отраслях и в экономике, в целом. При этом ключевое значение в развитии инвестиционного процесса принадлежит государству. За годы становления Казахстана как независимого государства ключевым элементом и одним из основополагающих приоритетов внешнеэкономической политики страны было и остается содействие привлечению прямых иностранных инвестиций. В целях обеспечения эффективности иностранных инвестиций государство заботится о благоприятной социально-политической обстановке и функционировании институтов управления инвестициями. В стране созданы благоприятные условия для ведения бизнеса; инвестиционный климат первый среди стран СНГ получил рейтинги инвестиционного класса от международных рейтинговых агентств Moody's (в 2002 г.), Standard&Poor's и Fitch (в 2004 г.). Согласно рейтингу fDi Intelligence (аффилированного аналитического центра Financial Times), республика находится на первом месте в мире по эффективности затрат для развития экспортоориентированного производства. МВФ включил республику в список 20-ти наиболее инвестиционно привлекательных стран по результатам рейтингов по привлечению инвестиций и созданию благоприятных условий¹. Процесс привлечения иностранных инвестиций в экономику республики берет свое начало с

1992 г. и продолжается по сегодняшний день. На начальном этапе инвестиции активно поддерживались международными финансовыми организациями, такими как МВФ, МБРР, АБР, Эксимбанк и др. Согласно анализу, проведенному отечественными исследователями, в развитии инвестиционной деятельности страны и привлечении ПИИ можно выделить несколько этапов [Аминов 2017: 292]. Первый этап (1992–1993 гг.) характеризуется созданием совместных предприятий (СП) в сфере торгово-посреднической деятельности, притоком ПИИ в нефтегазовый сектор. Как отмечают исследователи, 87% всего объема прямых иностранных инвестиций приходился на нефтегазовый комплекс с вложениями в 982 млн долларов [Оспанов 1997: 24].

Второй этап (1994–1997 гг.) примечателен существенным объемом привлеченных прямых иностранных инвестиций. Благодаря либерализации экономики иностранные инвесторы получили возможность активного вложения инвестиций в сырьевой сектор. В отраслевом разрезе 40% ПИИ было вложено в черную металлургию, 21,6% - в нефтегазовый сектор, 9,4% - в энергетику. В тройку лидеров по объемам ПИИ входили: Япония – более 381 млн долларов США, или 25,4%; США – 322,4 млн долларов США, или 21,5%; Великобритания – 255 млн долларов, или 17%» [Дюсегалиева 2014: 32].

Третий этап (1998–2009 гг.) связан с реализацией инвестиционных проектов по приватизации ряда крупных предприятий Казахстана. Было реализовано 208 проектов по углеводородному сырью. В структуре вложенных инвестиций на долю минерально-сырьевого комплекса приходилось 65%. Иностранные инвестиции были вложены в приобретение нефтегазового оборудования, в осуществление геолого-поисковых и разведочных работ. Интерес к нефтегазовой отрасли объяснялся данными о разведенных запасах нефти (30 млрд баррелей, или 4 млрд тонн) и газа (3 трлн м³). Среди компаний, ведущих разведку и добычу углеводородов в

¹ АО «НК «Kazakh Invest». - <https://invest.gov.kz/ru/about-us/kazakh-invest>

Карачаганак и на Каспии, огромные инвестиции вложили американские корпорации Chevron (имеет 50% акций Тенгизшевройла и 18% Karachaganak Petroleum Operating B.V.) и ExxonMobil (имеет 25% акций Тенгизшевройла и 16,8% North Caspian Operating Company) [Темиргали 2019]. В рамках развития международного экономического сотрудничества было подписано и ратифицировано более 30 межправительственных соглашений (МС) о взаимной поддержке и защите инвестиций. Казахстан присоединился к Энергетической хартии и стал членом Конвенции 1965 г. по проблемам урегулирования инвестиционных споров между государством и иностранным лицом¹. Третий этап инвестиционной деятельности Казахстана примечателен также и тем, что республика сама становится активным инвестором и выходит на внешние рынки. Инвестиции в страны СНГ в этот период в совокупности составили 25 млрд долларов США. Национальные инвесторы стали активнее конкурировать на рынках России, Кыргызстана, Таджикистана, Грузии, Украины. Так, например, с участием казахстанского капитала в этот период в Кыргызстане были созданы более 400 предприятий в энергетической и газовой отраслях, в банковском секторе, по производству стройматериалов. Более 60 договоров и соглашений было подписано с Грузией, в том числе по строительству зернового терминала в Поты, модернизации газораспределительных сетей в Тбилиси и др. [Аяган 2010: 224.] Развитие экономики независимого государства требовало диверсификации национальной экономики. Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. скорректировал соотношение иностранных и отечественных инвестиций в экономике страны. В этой связи в реализации государственной инвестиционной политики акцент стал смещаться на повышение казахстанского содержания и увеличение числа трудовых ресурсов страны в инвестиционных проектах.

В первые годы становления государства инвестиционная политика была нацелена на максимальное привлечение зарубежных инвесторов с учетом их интересов и поощрение вложений в сырьевые сектора страны. Для молодого государства было важно привлечь как можно больше зарубежных инвестиций для восстановления минерально-сырьевой базы, ставшей на долгие годы источником обеспечения реформ социально-экономической сфере. Благодаря привлечению иностранных инвестиций Казахстан получил возможность повышения индустриального потенциала, развития финансовой и банковской систем, укрепления национальной валюты.

Приоритетные направления инвестиционной политики на современном этапе

Продолжая рассмотрение данного направления государственной политики через призму хронологической периодизации, выделяют четвертый этап, который охватывает 2010–2017 гг. Он характерен неравномерным ростом притока ПИИ. Согласно имеющимся данным, после спада притока инвестиций в 2013–2015 гг. с 28,9 млрд долларов до 14,8 млрд. долларов под влиянием внутренних и внешних факторов, в 2016 г. вновь возобновился рост инвестиций – на 40%, или до 20,6 млрд долларов².

На этом этапе была принята Государственная программа индустриально-инновационного развития РК на 2015–2019 гг. Основным приоритетом ГПИИР было определено стимулирование конкурентоспособности обрабатывающей промышленности, направленное на повышение производительности труда и увеличение объемов экспорта обработанных товаров. В качестве объектов стимулирования были выбраны 8 экспортоориентированных секторов (черная металлургия, цветная металлургия, агрохимия, нефтепереработка, нефтегазохимия, производство автомобилей, производство продуктов питания, производство электрического оборудования)

¹ Официальный сайт Правительства РК. - <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/activities/7788?lang=ru>.

² Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. Национальный банк РК, 2016. – www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian.

из 5 приоритетных отраслей обрабатывающей промышленности. Соответственно, приоритет во внутренней и внешней инвестиционной поддержке отдавался этим секторам. Планировалось довести объем инвестиций в основной капитал обрабатывающей промышленности до 4,5 трлн. тенге. Благодаря развитию экономической дипломатии, в 2016 г. были подписаны 48 соглашений с Ираном, с Турцией - 20 соглашений, с Саудовской Аравией - 10 соглашений, с Японией - 13 соглашений, с Южной Кореей - 24 контракта. В 2017 г. были заключены инвестиционные и торговые соглашения более чем на 1 млрд долларов с Республикой Беларусь, Азербайджаном, Узбекистаном и другими странами. Коммерческие соглашения были подписаны с компаниями из ФРГ – 21 соглашение на общую сумму 1 млрд. долл. США, из Турции – 9 соглашений на сумму 590 млн долларов»¹. В 2016 г. в Казахстане был запущен механизм «одного окна» в целях совершенствования взаимодействия зарубежных инвесторов с государственными органами. Для увеличения притока иностранных инвестиций в страну Правительством РК был принят ряд серьезных решений: - Казахстан присоединился к Декларации ОЭСР по международным инвестициям и многонациональным предприятиям, а также получил статус ассоциированного члена инвестиционного комитета ОЭСР (2017 г.); - принята Национальная инвестиционная стратегия на 2018-2022 гг., разработанная в сотрудничестве со Всемирным банком; - создан ряд новых органов для развития инвестиционной сферы и защиты прав инвесторов, включая Координационный совет по вопросам привлечения инвестиций, инвестиционного омбудсмена, фронт-офисов по привлечению инвесторов в ряде посольств Казахстана и др.; - продолжена работа по снижению административных барьеров, улучшению правовой защиты инвесторов, внедрению системы «одного

окна» для иностранных инвесторов»². Главной задачей инвестиционной политики страны, согласно ст. 281 Предпринимательского кодекса РК, принятого в 2015 г. и дополненного в 2020 г., является «создание благоприятного инвестиционного климата для развития экономики и стимулирование инвестиций в создание новых, расширение и обновление действующих производств с применением современных технологий, повышение квалификации казахстанских кадров, а также охрана окружающей среды»³.

На сегодняшний день Казахстан остается инвестиционно привлекательной страной для зарубежного капитала. Так, по наличию запасов природных ресурсов республика входит в десятку стран по запасам угля, железа, золота. По запасам меди занимает 5 место в мире, по запасам марганца – 3 место, по запасам хрома, свинца, цинка – 2 место. Республика является ведущим производителем урана в мире. Республика имеет хорошо развитую транспортную инфраструктуру. 70% всех транзитных сухопутных перевозок между Китаем и Европой проходит через территорию Казахстана. По официальным данным, в республике сформирована лучшая среди стран Центральной Азии инфраструктура телекоммуникаций с обширной сетью 4G, доступность интернета составляет 77%. Казахстан предоставляет безвизовый режим для граждан более 55 стран мира. В рейтинге стран с высоким уровнем развития человеческого капитала страна находится на 31 месте⁴. Согласно результатам ежегодных исследований Всемирного банка по ведению бизнеса (Doing Business), республика находится в числе стран с благоприятным инвестиционным климатом. Данный анализ проводится среди 190 стран мира по 10 индикаторам, которые в совокупности определяют место страны в общем рейтинге. Проводимый анализ позволяет определить степень конкурентных преимуществ и инвестиционной привлекательности

¹Официальный сайт Правительства РК. - <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/587?directionId=94&lang=ru>

² Официальный сайт Правительства РК. - <https://primeminister.kz/ru>.

³ Предпринимательский кодекс Республики Казахстан. 29 октября 2015 г. № 375- V ЗРК. - <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375#z290>.

⁴ Официальный сайт АО «НК «Kazakh Invest». - <https://invest.gov.kz/ru/about-us/kazakh-invest/>.

экономики той или иной страны. Так, по данным Doing Business 2020, Казахстан занимает 25 место, улучшив свою позицию с 28-го места в 2019 г. и демонстрируя хорошие показатели по отдельным индикаторам¹.

Казахстан по индексу Doing Business опережает страны ЕАЭС: Россия – 28 место, Армения – 47, Беларусь – 49, Кыргызстан – 80. Задачи нового этапа инвестиционной политики страны должны быть направлены на сохранение стабильного устойчивого развития, укрепления доверия инвесторов и более взвешенного подхода к иностранным инвестициям в целях развития экономики и обеспечения национальной безопасности. Как показывают исследования, введение локдаунов и карантинных ограничений, связанных с пандемией COVID-19, спровоцировало падение деловой активности во всех крупнейших экономиках мира. Так, по оценкам Всемирной торговой организации, по итогам 2020 г. мировая торговля снизилась на 9,2% к 2019 г., тогда как в 2018 г. на фоне торговой войны между США и Китаем падение составляло только 3,0%. В свою очередь, по оценкам Международной ассоциации воздушного транспорта, снижение объема международного пассажиропотока в сравнении с 2019 г. составило 60%². Экономика Казахстана также испытала шок из-за резкого снижения цен на нефть и сокращения добычи нефти, а также введения локдауна. Несмотря на интегрированность Казахстана в глобальную экономику, по сведениям Национального банка РК, глубина экономического спада по сравнению с ведущими странами оказалась значительно меньше³.

Пандемия COVID-19 и ее последствия стали главными причинами важных изменений в сферу инвестиций.

Значительная их доля в основной капитал в 2021 г. пришлась на горнодобывающую промышленность и разработку карьеров – 28,3%, обрабатывающую промышленность – 11,7%, операции с недвижимым имуществом – 19,8%⁴. За последнее десятилетие, согласно анализу Всемирного Банка, структура потоков ПИИ в стране не претерпела существенных изменений: - от 55 % до 78 % ПИИ ориентируются в добывающие отрасли, включая сопутствующие услуги, такие как геологоразведка; - от 19 % до 36% ПИИ приходится на отрасли, ориентированные на рынок, такие как финансовый, страховой или розничный секторы; - лишь от 2 % до 17% ПИИ ориентируются в отрасли, генерирующие высокую добавленную стоимость, в частности, в отрасль металлообработки⁵. Об этом свидетельствуют данные Национальной Компании «Kazakh Invest», согласно которым в 2019 г. в горнодобывающую промышленность были вложены 56,3% прямых иностранных инвестиций. Ключевым элементом и одним из основополагающих приоритетов внешнеэкономической политики РК является привлечение иностранных инвестиций и инноваций в приоритетные отрасли казахстанской экономики. В этой связи в рамках внешнеэкономической деятельности Министерством по инвестициям и развитию РК ведется работа по назначению инвестиционных советников в 10 приоритетных странах (Германии, Франции, КНР, Великобритании, Южной Кореи, Японии, США, Италии, Иране, Индии), АО «НК «Kazakh Invest» реализует открытие в ряде стран фронт-офисов в целях привлечения новых инвесторов и продвижения продукции отечественных предприятий. По данным Комитета по инвестициям Министерства иностранных

¹ Doing Business 2020. -

<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf>.

² WORLD INVESTMENT REPORT 2020 – International Production beyond the Pandemic - UNCTAD/WIR/2020 -

https://unctad.org/system/files/officialdocument/wir2020_en.pdf.

³ Годовой отчет Национального банка Республики Казахстан за 2020 год. -

<https://www.nationalbank.kz/ru/news/godovoy-otchet>.

⁴ Данные Бюро по национальной статистике Агентства по стратегическому планированию и реформам РК. - <https://stat.gov.kz/edition/publication/month>.

⁵ Программа по привлечению инвестиций «Национальная инвестиционная стратегия» / Постановление Правительства Республики Казахстан от 22 августа 2017 года № 498. - <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000498>.

дел РК, в настоящее время Казахстан является участником 120 двусторонних межправительственных комиссий (МПК) и 24 деловых советов с зарубежными государствами. МПК созданы для решения инвестиционно-экспортных задач. Республика в лице Министерства индустрии и инфраструктурного развития РК является членом Комитета по инвестициям ОЭСР с 2017 г.¹ Казахстан также является членом ВТО, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), общий рынок которого включает более чем 180 млн потребителей. Потенциал рынка потребителей продукции казахстанского производства достаточно перспективный благодаря соседству с Китаем, со странами Центральной Азии и Каспийского моря.

ЕАЭС, в состав которого помимо Казахстана входят Россия, Беларусь, Армения и Кыргызстан, является международной организацией региональной экономической интеграции, как и Европейский Союз. В качестве основных целей ЕАЭС провозглашено «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня населения, стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, а также всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики»².

Инвестиционный климат Казахстана отличается своими комфортными условиями среди стран ЕАЭС. Так, например, к числу таких условий относятся упрощенные процедуры открытия бизнеса. Также в республике созданы хорошие налоговые условия. Так, общая ставка по налогам и социальным сборам, по данным Doing Business 2019 в категории Paying Taxes, значительно ниже, чем в соседних странах и составляет 29,4%. Для сравнения: в России -

46,3%, в Китае - 64,9%, в Узбекистане - 48,17%. По благоприятным условиям налогообложения Казахстан занимает 56 место в мире, опережая такие страны, как Турция (80), Израиль (90), Япония (97), Италия (118). В соответствии с Кодексом Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) государство оказывает поддержку инвесторам в виде предоставления инвестиционных преференций и предоставления гарантии стабильности при изменении налогового законодательства страны³

Различают следующие виды проектов: инвестиционные приоритетные проекты, инвестиционные проекты (за исключением приоритетных) и специальные инвестиционные проекты. Для них предусмотрены следующие виды инвестиционных преференций:

- 1) освобождение от обложения таможенными пошлинами и налогом на добавленную стоимость на импорт;
- 2) государственные натурные гранты;
- 3) освобождение от обложения ввозными таможенными пошлинами;
- 4) освобождение от обложения налогами в соответствии с налоговым законодательством Республики Казахстан⁴.

Срок действия каждого вида преференций по налогам устанавливается инвестиционным контрактом. Еще одним инструментом для государственной поддержки являются созданные специальные экономические и индустриальные зоны. Согласно данным АО «НК «Kazakh Invest», в республике действует 13 специальных экономических зон (СЭЗ) и 31 индустриальная зона (ИЗ). Национальное законодательство республики освобождает их от множества имеющихся налогов. Начиная с 2016 г. в Казахстане действует механизм взаимодействия инвесторов с

¹ Официальный сайт Правительства РК. - <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/584?directionId=94&lang=ru>.

² Официальный сайт Правительства РК. - <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/activities/7788?lang=ru>.

³ Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» от 25 декабря 2017 г. № 120-VI ЗРК. - <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120#z302>.

⁴ Doing Business in Kazakhstan <https://doingbusiness.kz/file/pdf/2021/04/30/094722126900.pdf>, С.33- 34.

государственными органами по принципу «одного окна». По информации сайта Kazakh Invest, Правительство республики планирует провести ребрендинг социально-предпринимательских корпораций (СПК) в региональные компании по привлечению инвестиций. В функции компаний будут входить обязанности по привлечению инвестиций в регионы, управление индустриально-инновационной инфраструктурой (СЭЗ, ИЗ), реализация инвестиционных проектов с применением механизмов ГЧП по международным стандартам¹. Миссия данной национальной компании заключается в привлечении иностранных инвестиций в приоритетные сектора экономики и сопровождение инвестиционных проектов. Она намерена стать ведущим агентством по привлечению иностранных инвестиций в регионе Центральной Азии, а также среди СНГ и стран с переходной экономикой. Kazakh Invest наделен правом выступать единым переговорщиком от имени Правительства страны при обсуждении с зарубежными партнерами перспектив и условий реализации инвестиционных проектов.

Ключевую роль в качестве регионального центра бизнеса и финансов играет Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), открывшийся 5 июля 2018 г. В рамках МФЦА действуют специальный налоговый, миграционный и трудовой режимы, отдельное и независимое судопроизводство, основанное на нормах английского общего права (Международный суд МФЦА и Международный арбитражный суд), что дает огромные возможности для инвестиционной деятельности иностранными инвесторами. В республике создан уполномоченный орган по инвестициям, согласно п. 3 ст. 22 Предпринимательского кодекса РК, - Комитет по инвестициям, который является ведомством Министерства Иностранных Дел РК. Комитет в пределах своей компетенции

консультирует, оказывает помощь и взаимодействует с инвесторами, обеспечивает деятельность инвестиционного омбудсмена, принимает решения о досрочном прекращении инвестиционных контрактов, контролирует соблюдение инвестиционных условий и т.д.

Согласно данным за 2020 г. введены в эксплуатацию 39 инвестиционных проектов с участием иностранных инвесторов на общую сумму порядка 1,6 млрд долларов с созданием более 7 тысяч рабочих мест; - подготовлено 169 инвестиционных предложений на сумму 22,8 млрд долларов в соответствии с международными стандартами; - привлечены новые инвесторы по 62 проектам на сумму около 4 млрд долларов². С участием НК «Kazakh Invest» в 2020 г. в республике реализованы следующие инвестиционные проекты: - производство технических газов в Карагандинской области с участием немецкой ТНК Linde Group (83 млн долларов); - производство легковых автомобилей в г. Алматы с участием корейской ТНК Hyundai (60 млн долларов); - производство комбикормов в Алматинской области с участием швейцарской компании Inoks Capital (18 млн долларов); - создан тепличный комплекс на площади 21 га в Туркестанской области с участием польской компании Polcotton (26 млн долларов)³.

По итогам 2021 г., согласно отчету Министерства национальной экономики РК, общий объем инвестиций в основной капитал составил 13,2 трлн тенге, что на 7,3% больше объемов 2020 г. Уровень инвестиций в основной капитал составил 16,5 % к ВВП. В 2022 году всего планируется привлечь 19,5 трлн тенге инвестиций в основной капитал, что позволит достичь уровня 18,5% к ВВП⁴.

Перспективы развития инвестиционной политики государства.

Национальная инвестиционная стратегия поставила цель по достижению к 2022 году следующих индикаторов: 1. Валовый приток

¹ Официальный сайт Правительства РК. - <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/587?directionId=94&lang=ru>

² Официальный сайт АО «НК «Kazakh Invest». - <https://invest.gov.kz/ru/about-us/kazakh-invest>.

³ Официальный сайт Правительства РК. -

<https://www.gov.kz/memleket/entities/invest/press/article/details/51406?lang=ru>.

⁴ Официальный сайт Правительства РК. - <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/v-minnacekonomiki-podveli-itogi-za-2021-god-ipodelilis-planami-raboty-na-predstoyashchiy-period-42556>.

прямых иностранных инвестиций увеличится в 1,26 раза (к уровню 2016 г.). 2. Увеличится соотношение объема валового ПИИ к валовому внутреннему продукту. 3. Возрастет приток ПИИ в обрабатывающую промышленность в 1,5 раза (к уровню 2016 г.). 4. Объем инвестиций в основной капитал несырьевого сектора экономики (за исключением государственного бюджета) увеличится в 1,46 раза (к уровню 2016 г.). 5. Объем внешних инвестиций в основной капитал несырьевого сектора экономики увеличится в 1,5 раза (к уровню 2016 г.)¹. В целом, инвестиционный климат оставался стабильным, что поддерживало доверие инвесторов. В дальнейшем процесс привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Казахстана претерпел ряд внешних воздействий и сопровождался принятием соответствующих мер государственного регулирования. В этой связи предлагается также выделить пятый и шестой этапы.

Пятый этап (2018–2021 гг.) охватывает период незначительного роста и спада притока ПИИ в связи с пандемией COVID-19. В 2018–2019 гг. динамика притока инвестиций показывала стабильный рост - 24,3 и 24,1 млрд долларов соответственно. Пандемия внесла свои коррективы в динамику прямых иностранных инвестиций. Тем не менее, благодаря автоматизации государственной услуги по заключению инвестиционных контрактов, переходу на онлайн режим, во время пандемии удалось не только сохранить, но и увеличить количество и сумму контрактов. Принятый в 2019 г. Закон РК «О специальных экономических и промышленных зонах» ввел нормы, упрощающие процедуры получения государственных услуг в сфере инвестиционной деятельности, а также по продвижению экспорта казахстанских товаров. Благодаря принятым шагам, в 2020

г. было заключено 56 инвестиционных контрактов (из них 46 заключено онлайн через портал e-лайсенс) на общую сумму 635 млрд тенге, что является самым высоким показателем за последние 10 лет. Из них 6 контрактов было заключено в сфере обрабатывающей промышленности на сумму 51,2 млрд тенге. Для сравнения: в 2018 г. было заключено 33 контракта на сумму 501 млрд тенге, в 2019 г. - 54 контракта на сумму 365 млрд тенге².

Согласно данным Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020 – 2025 гг. (ГПИИР), всего на территориях специальных экономических зон с 2002 по 2019 годы было запущено 183 проекта (46 – с иностранным участием), на индустриальных зонах - 168 производств. Объем привлеченных инвестиций в СЭЗ составил порядка 975 млрд тенге, в ИЗ - около 183 млрд тенге. Благодаря реализации инвестиционных проектов всего было создано 24,0 тыс. рабочих мест, в бюджет поступили 150 млрд тенге в виде налогов. По расчетам специалистов, отдача вложенных средств в развитие инфраструктуры СЭЗ составила 2,8 тенге частных инвестиций (доля иностранного участия составила 27 %) на 1 бюджетный тенге, в инфраструктуру ИЗ - 2,1 тенге инвестиций³.

По данным Бюро по национальной статистике АСПИР РК, объем инвестиций в основной капитал в январе-декабре 2021 г. составил 13221,4 млрд тенге, что на 3,5% больше, чем в 2020 г. Было реализовано и введено в эксплуатацию 44 крупных инвестиционных проекта с иностранным участием, обеспечившие более 7,5 тысяч рабочих мест. При этом, наибольшее количество проектов пришлось на машиностроение – 8 проектов, возобновляемую энергетику – 8, ГМК и металлургию – 6, агропромышленный

¹ Программа по привлечению инвестиций «Национальная инвестиционная стратегия» / Постановление Правительства Республики Казахстан от 22 августа 2017 года № 498. - <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000498>.

² Официальный сайт Правительства РК. - <https://www.gov.kz/memleket/entities/invest/press/article/details/51406?lang=ru>

года № 1050. - https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs.

³ Государственная программа индустриально-инновационного развития РК на 2020-2025 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1050. - https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs

комплекс – 5. Объем прямых иностранных инвестиций составил 349,7 млрд тенге, что составляет 103,5% по сравнению с 2020 г.¹ На этом этапе были приняты Дорожная карта бизнеса-2025, ГПИИР РК на 2020-2025 годы. ГПИИР направлена на создание экспорт-ориентированной экономики с целью расширения рынков сбыта отечественных товаров и услуг и встраивания в глобальные цепочки создания стоимости. Одним из целевых индикаторов программы определено увеличение объема инвестиций в обрабатывающую промышленность в 1,6 раза от уровня 2018 г. для обеспечения конкурентоспособности на внутреннем и внешних рынках. Наконец, шестой этап связан с началом восстановления мировой, в том числе и казахстанской, экономики после пандемии. Правительство Казахстана, учитывая прогнозы по стабилизации эпидемиологической ситуации с COVID-19, планирует восстановление притока иностранных инвестиций в период с 2022 по 2023 гг. В соответствии с Национальным планом развития до 2025 года планируется поэтапно увеличить объем прямых иностранных инвестиций. Так, в 2022 г. ожидается привлечение объема ПИИ в 23,8 млрд. долларов, в 2023 г. - 25,0 млрд. долларов, в 2024 г. - 27,5 млрд. долларов, в 2025 г. - 30 млрд. долларов. Возможность роста инвестиций с 2022 года прогнозирует ЮНКТАД в своем Докладе по инвестициям за 2020 год. Деятельность Казахстана в привлечении иностранных инвестиций получила высокую оценку международных организаций. Так, ОЭСР отмечает хорошие показатели Казахстана в привлечении ПИИ в регионе, с более высоким уровнем накопленных инвестиций относительно ВВП, чем в большинстве соседних стран»².

Государственный департамент США считает, что «Казахстан достиг

значительного прогресса в построении рыночной экономики и получил существенные результаты от своих усилий по привлечению иностранных инвестиций»³.

Оценки деятельности Правительства страны по привлечению иностранных инвестиций свидетельствуют об успешности выбранной инвестиционной стратегии. Правительство страны планирует достичь цели Национального плана развития путем реализации пула инвестиционных проектов, которые позволят привлечь в экономику страны 41 трлн тенге, что является базовым условием обеспечения 5% роста национальной экономики к 2024 г.⁴

В рамках новых тенденций развития мировой экономики с учетом принципов ESG, необходимости скорейшего энергетического перехода, технологической модернизации Главой государства на заседании Мажилиса Парламента РК 11 января 2022 г. было дано поручение Правительству по разработке новой концепции национальной инвестиционной стратегии. Согласно, отчету Министерства национальной экономики РК, в настоящее время разработаны Концепция инвестиционной политики Республики Казахстан и Методика оценки инвестиционной привлекательности регионов и унифицированного инвестиционного стандарта, в том числе внесены изменения по сокращению сроков экономической экспертизы государственных инвестиционных проектов, совершенствованию оценки реализации бюджетных инвестиций⁵.

В целом, на сегодняшний день Казахстаном подписаны 47 двусторонних и 1 многостороннее (ЕАЭС) межправительственные соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций. Данные соглашения способствуют созданию

¹ Социально-экономическое развитие Республики Казахстан, январь-декабрь 2021 г. // Информационно-аналитический журнал. – 73 с. - <https://stat.gov.kz/edition/publication/month>.

² Официальный сайт ОЭСР. - <https://www.oecdilibrary.org/sites/9789264269606-6-en/index.html?itemId=/content/component/9789264269606-6-en>.

³ 2020 Investment Climate Statements: Kazakhstan - <https://www.state.gov/reports/2020-investment-climate-statements/>.

⁴ Официальный сайт zakon.kz - <https://www.zakon.kz/4991155-41-trln-tengeinvestitsiy-privlekut-v.html>.

⁵ Официальный сайт Правительства РК. - <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/v-minnacekonomiki-podveli-itogi-za-2021-god-ipodelilis-planami-raboty-na-predstoyashchiy-period-42556>.

благоприятных условий и правовых рамок для ведения инвестиционной деятельности на территории соответствующих государств. Во главе стран, вложивших инвестиции в экономику Казахстана в указанный период, стоят Нидерланды. Страна всего вложила 96,9 млрд долларов. В первую десятку также входят: США – 53,2 млрд долларов, Швейцария – 27,6, Китай – 20,2, Великобритания – 18,6, Франция – 17,1, Россия – 16,1, Италия – 8,9, Бельгия – 8,5, Южная Корея – 7,6. Согласно отчету UNCTAD 2020 о мировых инвестициях¹, Казахстан является региональным лидером по росту притока чистых прямых иностранных инвестиций. Так, в 2020 г. приток чистых ПИИ в Казахстан вырос на 35%, что является наилучшим показателем среди 17 стран с переходной экономикой, среди 34 стран, не имеющих выхода к морю, а также стран-участниц СНГ. Стабильный рост объема инвестиций в основной капитал является показателем реальной картины постоянного улучшения инвестиционного климата.

К факторам, сдерживающим инвестиционную активность, помимо протекционистских мер, относятся геополитическая компонента, неразвитость инфраструктуры, высокий уровень коррупции в стране, непрозрачность национального законодательства, зависимость отраслей от конъюнктуры на мировых рынках, нестабильная политическая ситуация. Все эти факторы оказывают негативное влияние на реализацию инвестиционной политики государства. Анализ тенденций в сфере иностранных инвестиций за последнее десятилетие показывает стремление к либерализации национальных законодательств. Также наблюдается возрастание роли государства в регулировании экономических процессов, в том числе инвестиционных.

Приоритетные задачи инвестиционной политики страны охватывает такие

направления как развитие сферы разработки природных ресурсов, инфраструктуры, коммуникаций. Развитие данных отраслей окажет воздействие не только на экономический рост, но и на социальную сферу, а также на скорейшую интеграцию Казахстана в международное сообщество. Инвестиционная политика Казахстана на современном этапе нацелена на привлечение так называемых «умных инвестиций». Суть их заключается «во вложении не финансовых средств, а в передаче непосредственно технологий, создании новых высокотехнологичных рабочих мест» [Демьянченко, Шевченко 2015:157-159].

Согласно Концепции инвестиционной политики РК до 2026 года, принятой 15 июля 2022 г. (пункт 4. Видение инвестиционного развития) «В секторе услуг Казахстан сосредоточит внимание на привлечении инвестиций в торговлю, транспорт и логистику, здравоохранение, образование, туристскую отрасль, информационно-коммуникационные технологии, космическую отрасль. Акцент в сфере услуг будет сделан на развитие необходимой инфраструктуры, совершенствование инвестиционного климата, поиск и реализацию новых инвестиционных проектов. Продолжится работа по реализации проектов, направленных на внедрение наилучших доступных технологий по стандартам ОЭСР на действующих производствах, и развитию «зеленых» технологий, развитию альтернативных источников энергии, в том числе «зеленого» водорода»².

Опыт развития мировой экономики свидетельствует о значимости технологий в экономическом росте стран, вкладывавших огромные средства в технологичное развитие. Так, благодаря привлечению иностранного капитала в технологическое развитие экономика США выросла в разы и сейчас занимает ведущее место в мире. Иностранные инвестиции содействовали ускорению процесса индустриализации в

¹ WORLD INVESTMENT REPORT 2020 – International Production beyond the Pandemic - UNCTAD/WIR/2020 – https://unctad.org/system/files/officialdocument/wir2020_en.pdf.

² Концепция инвестиционной политики Республики Казахстан до 2026 года, п.4. <http://zan.gov.kz/client/#!/index/169885/rus>, с.15.

индустриально развитых странах Юго-Восточной Азии. Благодаря огромным вложениям, в этих странах развиты импортозамещающие и наукоемкие отрасли, высокий экспортный потенциал стран. По производству наукоемкой продукции эти страны стали лидерами в мировой экономике. Бразилия благодаря привлечению иностранных инвестиций смогла модернизировать свои производства и создать новые современные отрасли - электроника, биотехнология, аэрокосмическая промышленность.

Заключение

Для иностранных инвесторов привлекательными являются те сектора, которые могут привлечь своими максимально комфортными условиями для вложений. Сегодня, когда инвестиционные потоки не имеют прежней интенсивности, государство нацелено на создание стабильности и восстановления рынка инвестиций. Правительство, помимо этого, должно обеспечить экономическую и политическую устойчивую платформу в стране, улучшить законодательство, предусмотреть преференции для иностранного капитала, укрепить позиции национальной валюты, создать четкую

налоговую базу, усилить борьбу с коррупцией и бюрократией. Влияние иностранных инвестиций на экономику принимающей страны не ограничивается созданием какого-то нового производства. Более значима их роль как фактора активизации, более эффективного включения природного, производственного, трудового потенциала в социально-экономическое развитие страны. Благодаря инвестициям страна получает новые знания, технологии, опыт управления, мобильность факторов производства, стимулирующим дальнейший рост.

В целом, можно констатировать, в Казахстане утвердилась своя модель инвестиционной политики, сложившаяся в течение 30 лет, были учтены многие рекомендации и прогнозы международных организаций, сформирована институциональная база, нормативно – правовой фундамент деятельности иностранных инвесторов. Государство приложило большие усилия для улучшения инвестиционного климата, сохранения привлекательности для нового притока и увеличения эффективности иностранных капиталовложений в развитие экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аминов Т.М.* Инвестиционная политика Казахстана. - <https://ehistory.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/32557/>
- Аяган Б.Г., Абжанов Х.М., Селиверстов С.В., Бекенова М.С.* Современная история Казахстана. Учебник. – Алматы, 2010. - С.224.
- Демьянченко Н.В., Шевченко О.П.* Инвестиционная стратегия государства в условиях экономических ограничений России //Теория и практика общественного развития. – 2015. - № 24. – С. 157–159.
- Дюсегалиева С.Б.* Инвестиционная деятельность в Республике Казахстан: этапы и пути становления. – Астана, 2014.
- Оспанов М.Т., Мухамбетов Г.И.* Иностранный капитал и инвестиции: вопросы теории, практики привлечения и использования. – Алматы, 1997.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. - 2-е изд., испр. - М.: ИНФРА-М, 1999.
- Темиргали Ж.* Что значат США для Казахстана? Цифры и факты. - [https://forbes.kz// life/opinion/chto_znachit_ssha_dlya_kazahstana_tsifry_i_faktyi/](https://forbes.kz//life/opinion/chto_znachit_ssha_dlya_kazahstana_tsifry_i_faktyi/).
- Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. - М.: Дело. Л.И. Лопатников, 2003.

REFERENCES

- Aminov T.M.* Investicionnaya politika Kazaxstana. - <https://ehistory.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/32557/>

- Ayagan B.G., Abzhanov X.M., Seliverstov S.V., Bekenova M.S.* Sovremennaya istoriya Kazaxstana. Uchebник. – Almaty, 2010.- S.224.
- Dem`yanchenko N.V., Shevchenko O.P.* Investicionnaya strategiya gosudarstva v usloviyax e`konomicheskix ogranichenij Rossii //Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. – 2015. - № 24. – S. 157-159.
- Dyusegalieva S.B.* Investicionnaya deyatel`nost` v Respublike Kazaxstan: e`tapy` i puti stanovleniya. – Astana, 2014.
- Ospanov M.T., Muxambetov G.I.* Inostranny`j kapital i investicii: voprosy` teorii, praktiki privlecheniya i ispol`zovaniya. – Almaty, 1997.
- Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B.* Sovremenny`j e`konomicheskij slovar`. - 2-e izd., ispr. - M.: INFRA-M, 1999.
- Temirgaly Zh.* Chto znachat SShA dlya Kazaxstana? Cifry` i fakty`. - [https://forbes.kz// life/opinion/chto_znachit_ssha_dlya_kazahstana_tsifry_i_fakty/](https://forbes.kz//life/opinion/chto_znachit_ssha_dlya_kazahstana_tsifry_i_fakty/).
- Е`konomiko-matematicheskij slovar`: Slovar` sovremennoj e`konomicheskoy nauki. - M.: Delo. L.I. - Lopatnikov, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: yesdauletova_am@enu.kz

Демеуов Нуржан Болатулы, докторант кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан. E-mail: demeuov_nb_1@enu.kz

Ardak M. Yesdauletova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.

E-mail: yesdauletova_am@enu.kz

Nurzhan B. Demeuov – PhD student of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. E-mail: demeuov_nb_1@enu.kz

Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0

*К. П. Курылев**, *Д. А. Дегтерев***, *Е. Н. Грачиков****, *М. А. Шпаковская*****

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

* ORCID: 0000-0003-2771-1817, E-mail: kurylev-kp@rudn.ru,

** ORCID: 0000-0001-7426-1383, E-mail: degterevev-da@rudn.ru,

*** ORCID: 0000-0003-3153-9650, E-mail: grachikov-en@rudn.ru,

**** ORCID: 0000-0003-4463-880X, E-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

Аннотация. Данная статья построена на основе осмысления результатов одноименного методического семинара, организованного и проведенного кафедрой теории и истории международных отношений РУДН 8 сентября 2022 г., на котором были рассмотрены вопросы характера и особенностей внешней политики СССР за период с 1971 по 1991 гг. Нижняя хронологическая рамка определялась началом процесса разрядки международной напряженности, верхняя – распадом СССР. В ходе семинара его участниками был рассмотрен целый ряд исторических источников, позволяющих ретроспективно понять суть разрядки и концепции нового политического мышления, их роли в судьбе страны и мира. Были представлены отчетные доклады Л.И. Брежнева на XXIV¹, XXV², XXVI³ съездах КПСС, речи, выступления, интервью и статьи Л.И. Брежнева⁴, Ю.В. Андропова⁵, К.У. Черненко⁶, М.С. Горбачева⁷, А.А. Громыко⁸, Э.А. Шеварднадзе⁹, А.П. Кириленко¹⁰, А.Н. Косыгин¹¹, Б.Н. Пономарева¹². Кроме того, отдельно были рассмотрены источники личного происхождения, в частности воспоминания, дневники помощников и советников первых лиц Советского государства, по сути «сформировавших смыслы», находившие впоследствии отражения в словах и делах руководителей СССР. Среди них А.М. Александров-Агентов [Александров-Агентов 1994], Г.А. Арбатов [Арбатов 1991], А.Е. Бовин [Бовин а, 1985; Бовин б, 2017], К.В. Брутенц [Брутенц 1998], Ф.М. Бурлацкий [Бурлацкий 1990], А.С. Черняев [Черняев а, 1993; Черняев б, 1997]¹³, Г.Х. Шахназаров [Шахназаров 1993], А.Н. Яковлев [Яковлев а, 1991; Яковлев б, 2000]¹⁴. В ходе научной

¹ Брежнев Л.И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV Съезду КПСС. М.: Политиздат, 1971. - 135 с.

² Брежнев Л.И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXV съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М: Политиздат, 1976. - 112 с.

³ Брежнев Л.И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М: Политиздат, 1981. - 112 с.

⁴ Брежнев Л.И. О внешней политике КПСС и Советского государства. М.: Политиздат, 1976. - 600 с.

⁵ Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М.: Издательство политической литературы, 1983. - 320 с.

⁶ Черненко К.У. Народ и партия едины. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1984. - 496 с.

⁷ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. - 271 с.; Горбачев М.С. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь Мир, 2010. - 944 с.; Горбачев М.С. Выступление в ООН, 7 декабря 1988 г. // Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1990. - 624 с.

⁸ Громыко А.А. Во имя торжества ленинской внешней политики. М.: Политиздат, 1978. 602 с.; Громыко А.А. Памятное. М.: Политиздат, 1990. - 1192 с.

⁹ Шеварднадзе Э.А. Мой выбор в защиту демократии и свободы. М.: Новости, 1991. 368 с.; Шеварднадзе Э.А. Когда рухнул железный занавес. М.: Европа, 2009. - 428 с.

¹⁰ Кириленко А.П. Политика созидания и мира. М.: Политиздат, 1980. - 762 с.

¹¹ Косыгин А.Н. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1974. - 786 с.

¹² Пономарев Б.Н. Избранное. Речи и статьи. М.: Политиздат, 1977. - 624 с.

¹³ Черняев А.С. Дневники. Советская политика 1972-1991 гг. - взгляд изнутри // <https://nsarchive.gwu.edu/rus/Chernyaev.html>

¹⁴ Яковлев А.Н. Запись беседы с директором Института международных изменений Колумбийского университета (США) С. Биалером 20.05.1986 г. // <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023349>; Яковлев А.Н. Запись беседы с директором Института международных изменений Колумбийского университета (США) С. Биалером 28.11.1987 г. // <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1023618>; Яковлев А.Н. Запись беседы с

дискуссии, которая сопровождала выступления участников методического семинара – представителей разных поколений, старшее поколение делилось своими воспоминаниями и ощущениями о том времени, людях и событиях его представлявших, гармонично дополняя фактическую информацию докладчиков своим анализом.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, СССР, разрядка международной напряженности, новое политическое мышление.

Для цитирования: Курылев К. П., Дегтерев Д. А., Грачиков Е. Н., Шпаковская М. Н. Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0 // Постсоветские исследования. 2022; 7(5):754-763.

Back to the Future: Soviet Foreign Policy 2.0

*Konstantin P. Kurylev**, *Denis A. Degterev***, *Evgeny N. Grachikov****,
*Marina A. Shpakovskaya*****

RUDN University, Moscow, Russia

* ORCID: 0000-0003-2771-1817, E-mail: kurylev-kp@rudn.ru,

** ORCID: 0000-0001-7426-1383, E-mail: degterev-da@rudn.ru,

*** ORCID: 0000-0003-3153-9650, E-mail: grachikov-en@rudn.ru,

**** ORCID: 0000-0003-4463-880X, E-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

Abstract. This article is based on the understanding of the results of a one-name methodological seminar organized and conducted by the Department of Theory and History of International Relations of the Russian Academy of Sciences on September 8, 2022, in which the issues of the nature and features of the USSR foreign policy for the period from 1971 to 1991 were considered. The lower chronological frame was determined by the beginning of the process of defusing international tension, the upper one by the collapse of the USSR. During the seminar, its participants reviewed a number of historical sources that allow them to retrospectively understand the essence of detente and the concept of new political thinking, their role in the fate of the country and the world. The reports of L.I. Brezhnev at the XXIV, XXV, XXVI congresses of the CPSU were presented, speeches, speeches, interviews and articles by L.I. Brezhnev, Yu.V. Andropov, K.U. Chernenko, M.S. Gorbachev, A.A. Gromyko, E.A. Shevardnadze, A.P. Kirilenko, A.N. Kosygin, B.N. Ponomarev. In addition, sources of personal experience were separately considered memoirs, diaries of assistants and advisers of the first persons of the Soviet state, who in fact "formed meanings", which were subsequently reflected in the words and deeds of the leaders of the USSR. Among them are A.M. Aleksandrov-Agentov, G.A. Arbatov, A.E. Bovin, K.V. Brutents, F.M. Burlatsky, A.S. Chernyaev, G.H. Shakhnazarov, A.N. Yakovlev. During the scientific discussion that accompanied the presentations of the participants of the methodological seminar – representatives of different generations, the older generation shared their memories and feelings about that time, people and events who represented it, harmoniously complementing the information of the speakers with their analysis.

Keywords: foreign policy, international relations, the USSR, the development of international tension, new political thinking.

For citation: Konstantin P. Kurylev, Denis A. Degterev, Evgeny N. Grachikov, Marina A. Shpakovskaya. Investment policy of Kazakhstan: main directions and prospects of growth. // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022; 7(5):754-763. (In Russ.)

директором Института международных изменений Колумбийского университета (США) С. Биалером 20.02.1988 г. // <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1023630>; Яковлев А.Н. Запись беседы с директором Института международных изменений Колумбийского университета (США) С. Биалером 25.01.1989 г. // <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1023790>

Основные выводы, к которым в ходе своей работы пришли участники методического семинара, следующие.

Для более четкого понимания сегодняшних реалий и возможной корректировки внешнеполитического курса России в условиях нарастающей глобальной турбулентности и попыток Коллективного Запада «отменить» Россию требуется критическое переосмысление событий прошлого. В силу того, что продолжает сохраняться определённая зависимость от тех решений, которые приняты в прошлом (т.н. *path dependence*), часть из которых могла оказаться ошибочной.

В этом контексте примечательно, что Коммунистическая партия Китая внимательно изучила опыт СССР, выделила ошибочные (по ее мнению) решения, которые привели к распаду страны, и даже отразила это в соответствующей монографии [Над этим размышляет История 2012]. Стоит отметить, что китайские коммунисты уже с середины 1960-х гг. исследовали проблему разногласий, возникших между коммунистическими партиями СССР и КНР, в т.ч. по международной повестке [Полемика о генеральной линии 1965].

Внешнеполитические традиции и установки СССР во многом были заложены И.В. Сталиным. Осознание сложности международной ситуации проявилось в его Отчетном докладе в 1939 г. на XVIII съезде ВКП (б), первый раздел которого был посвящен именно международному положению, лишь после этого речь шла об экономическом положении. Данная структура докладов была сохранена и в более позднее советское время. Основные идеологические (положения) конструкции внешней политики СССР были заложены именно в сталинский период, хотя внешнеполитические подходы СССР корректировались в течение 30 лет пребывания И.В. Сталина во главе партии и государства. После его ухода из жизни, и в результате разоблачения Н.С. Хрущевым культа личности «вождя народов», которое сопровождалось не только его персональной критикой, но и

начал происходить постепенный отход, пересмотр определенных идеологических установок, прежде всего, в отношениях с Западом. После чего идеологические концепты в сфере внешней политики стали носить скорее демагогический, нежели сущностный характер и были в значительной степени удалены. Перестала вестись системная идеологическая работа, а сама идеология приняла догматический характер и перестала поступательно развиваться.

Очевидно, что требуют нового прочтения с учетом сегодняшних реалий сталинские подходы и внешнеполитические идеологические концепты, в период Н.С. Хрущева старательно вычищенные из общественного сознания и академического дискурса. Также представляет интерес исследование деятельности ряда институтов в контексте т.н. «структурной силы»¹⁵ СССР, в частности Организации Варшавского договора (ОВД), в т.ч. Политического консультативного комитета, Военной Организации высоко оценивавшихся современниками, но в 1990-е гг. вытравленные из нашего сознания.

В начале 1970-х гг. СССР взял курс на постепенную нормализацию отношений с Коллективным Западом, аргументируя это достижением паритета по ядерным вооружениям с Западом и возвращением от агрессивной сталинской политики к ленинским принципам мирного сосуществования. Первые осторожные шаги были сделаны при Л.И. Брежневем, «Программа мира» которого объявлялась и легитимизировалась исподволь, шаг за шагом. Первые достаточно разрозненные ее элементы, упомянутые на XXIV съезде КПСС в 1971 г. на следующем XXV съезде уже представлялись как сформированная и утвержденная Программа.

Через 20 лет после запуска «Программы мира» все это закончилось во многом односторонними уступками М.С. Горбачева в рамках политики разрядки и развалом СССР. Более того, все элементы системы стратегической стабильности были последовательно демонтированы США в 2000-2010-е гг.

¹⁵ Как указывала еще в 1988 г. британская исследовательница международных отношений С. Стрэндж, есть набор преимуществ, которыми, например, пользуются США для обеспечения своего влияния. Это –

доллар как мировая резервная валюта; роль ведущего финансового центра; лидерство в области информационных технологий и безопасности. И объединяется это все термином «структурная сила» [Strange 1988].

Стоит вопрос, на каком этапе были допущены ошибки? Примечательно, что с похожими дилеммами (необходимостью разрядки по мере достижения паритета по вооружениям) в перспективе предстоит столкнуться и КНР в контексте «новой биполярности».

«Программа мира» была лишь одним из элементов советского внешнеполитического курса (отношения с капиталистическими

странами), при том что другие элементы (сотрудничество с социалистическими странами (Второй мир) и с освободившимися странами (Третий мир) не претерпели таких существенных изменений. В результате внешнеполитические установки СССР носили достаточно эклектичный и противоречивый характер (см. схему).

24 съезд_1971	25 съезд_1976	26 съезд_1981
1. За дальнейшее развитие дружбы и сотрудничества социалистических стран	1. Дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества с социалистическими странами. Исторические успехи мира социализма, рост его могущества и влияния	1. Развитие мировой социалистической системы, сотрудничество стран социализма
2. Империализм – враг народов, общественного прогресса. Народы против империализма	2. Укрепление сотрудничества с освободившимися странами, повышение их роли в мировом развитии	2. Развитие отношений с освободившимися странами
3. Борьба Советского Союза за мир и безопасность народов. Отпор империалистической политике агрессии	3. Развитие отношений с капиталистическими государствами	3. КПСС и мировое коммунистическое движение
	4. Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество. За свободу и независимость народов	4. Отношения с капиталистическими странами. Противодействие силам агрессии. Политика мира и сотрудничества
	5. КПСС и мировой революционный процесс	5. Укрепить мир, углубить разрядку, обуздать гонку вооружений

Антиимпериализм ←————→ «Интеграция в Коллективный Запад»

На данной схеме представлены названия основных разделов Отчетных докладов Л.И. Брежнева на XXIV-XXVI съездах КПСС, посвященных международному положению СССР. Цветовая индикация показывает идеологические установки – от борьбы с империалистами (преимущественно, во вновь освободившихся странах) до сотрудничества с ними и взаимовыгодной торговли (в рамках развития отношений с капиталистическими государствами). Как видно, в одном докладе могли соседствовать идеологически практически противоположные установки.

В докладе на XXV съезде КПСС, освободившиеся от колониальной зависимости, стали называть более нейтральным термином развивающиеся страны. Однако последовательный курс на нормализацию отношений с Западом в странах Третьего мира и отказа от борьбы с ним произошел лишь спустя несколько лет после провозглашения Нового политического мышления (к концу 1980-х гг.). На момент крупнейшей битвы Квито-Кванавале (Ангола, 1987-1988 гг.) [Campbell 2020], в которой погибли и советские советники, шла уже активная интеграция в «Коллективный Запад». Все это свидетельства

крайне непоследовательной позднесоветской внешней политики.

Любопытной в данном контексте является позиция Ю.В. Андропова и как непродолжительное время главы Советского государства, и как в прошлом многолетнего Председателя КГБ СССР, и как «покровителя» М.С. Горбачева. Считая, что «просто размонтировать коммунистическую систему нельзя – наступит хаос», Ю.В. Андропов, – как отмечают М. Калашников и С. Кугушев, – в поисках «выхода из тупика» решил встать на путь конвергенции [Калашников, Кугушев 2005: С. 310-311], т. е. сочетания элементов плановой и рыночной экономики.

Отмечая, что истоки перестройки следует искать уже в статье Ю. Андропова о К. Марксе, Л.И. Абалкин обращал внимание на то, что «в тех наметках» была заложена идея «рынка» [Абалкин 1993: С. 239.]. О том, что Ю. Андропов планировал переход к рыночной экономике, свидетельствовал и его сын Игорь¹⁶.

По воспоминаниям А.И. Вольского, «Юрий Владимирович, мучительно переживая сложившееся положение дел, искал выход на пути ограниченных рыночных реформ. Естественно, с приоритетом государственной собственности и при сохранении «командных высот» [Евдокимов 200: С. 4-5].

По мнению С. Кугушева, стремясь сохранить СССР как «одну огромную корпорацию, обладавшую финансовой независимостью, хозяйственной замкнутостью и колоссальным технологическим потенциалом», Ю. Андропов считал необходимым создание внутри этой «корпорации» «крупных объединений», которые, получив право «выходить на мировые финансовые и фондовые рынки» могли бы привлекать в советскую экономику «западный капитал» и с его помощью поднимать свой технологический уровень¹⁷.

Из-за рубежа советская Программа мира программа, озвученная Л.И. Брежневым на XXIV съезде КПСС, как и ранее продекларированная Н.С. Хрущевым концепция мирного сосуществования, казалась противоречивой.

Как пишет Л. Млечин «Леонид Ильич понимал, что от него зависит существование государства. А другие члены политбюро воспринимали разрядку просто как хитрый шаг в борьбе с империализмом» [Млечин 2008: 218]. На Западе не могли понять, как призывы к разрядке могут развиваться параллельно с взаимно враждебной идеологической пропагандой, построенной на противопоставлении «социалистического» «капиталистическому». В связи с этим советские мирные инициативы преподносились реакционными западными кругами как пропагандистский прием, хитрый дипломатический ход. На Западе распространялось мнение, что под прикрытием разрядки СССР стремится укрепить своё собственное влияние в мире и ослабить своих противников. В США также бытовала точка зрения, что основные выгоды от «разрядки» достаются СССР.

В этой связи на следующем этапе встраивания Москвы в Коллективный Запад на основе концепции нового политического мышления М.С. Горбачева западники фактически ставили советское руководство перед необходимостью постоянно «доказывать» свои намерения «перестроить» Союз. Отсюда те многочисленные неравноправные компромиссы, которыми отмечена горбачевская внешняя политика.

Своего рода «платой» для Москвы за вхождение в «западную зону процветания» на начальном этапе разрядки стала т.н. «третья корзина» (сотрудничество в области обеспечения гуманитарных прав, культуры, образования и информации) Хельсинского Заключительного акта Европейского совещания по безопасности 1975 г. Одновременно в СССР силами оппозиции для целей пропаганды положений «третьей корзины» в 1975 г. были созданы «хельсинкские группы», в задачи которых входил сбор фактов и материалов о нарушении положений Заключительного акта и предание их гласности.

При этом стоит отметить, что, фактически получив от Москвы согласие на включение в Хельсинский заключительный акт гу-

¹⁶ Сын Генсека Игорь Андропов: Отец планировал скрутить коррупцию и перейти к рынку // <http://www.kp.ru/daily/23757/56350/>

¹⁷ Лонжюмо имени Андропова // Стрингер. 2002.12 февраля.

манитарных положений как средства на воздействия на СССР изнутри, Запад очень скоро стал сворачивать процесс разрядки, в искренность участия, в котором Советского Союза всегда сомневался.

В изученных мемуарах аппарата ЦК КПСС поражает абсолютное отсутствие веры в перспективы дальнейшего противостояния с мировой капиталистической системой, в полезность и нужности своей работы, которой они занимались десятки (!) лет. Фактически, партийно-государственная власть после 1956 г. превращается в бюрократическую надстройку, утрачивает моральный (в том числе революционный) авторитет, перестает верить в идеалы Октября и в итоге встает на путь встраивания в Коллективный Запад, используя для этого в качестве инструмента сначала политику разрядки, а затем новое политическое мышление.

В данном контексте можно привести воспоминания племянницы Л.И. Брежнева. Однажды, когда ее отец (Я.И. Брежнев) спросил брата, «будет ли когда-нибудь коммунизм», Леонид Ильич «засмеялся» и сказал: «Ты это о чем, Яша? Какой коммунизм? Царя убили, церкви уничтожили, нужно же народу за какую-то идею зацепиться». На основании этого можно утверждать, что, исповедуя марксизм-ленинизм как религию и требуя от рядовых членов партии, чтобы они ни на йоту не отступали от идеологических догм, сами руководители партии и государства в своем подавляющем большинстве в эти догмы уже не верили¹⁸.

Особую роль в формировании смыслов играло окружение первых лиц Советского государства, их помощники, советники, спичрайтеры и, конечно, консультанты, многие из которых были выходцами, в частности из Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР (ИМЭМО) и Института США и Канады Академии наук СССР (ИСКРАН).

ИМЭМО в тот период времени выступал научно-исследовательской базой ЦК КПСС, готовил информационно-аналитические справки для Международного отдела ЦК.

Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего начальства. Например, в период руководства А.Н. Яковлевым (1983-1985 гг.) ИМЭМО была подготовлена и направлена записка в ЦК КПСС о целесообразности создания в СССР предприятий с участием иностранного капитала. Вот, как об этом вспоминал сам будущий «прораб перестройки»: «В начале 1984 г. институт направил в ЦК записку о необходимости создания совместных предприятий с зарубежными фирмами. Предлагалось создать три типа предприятий: с западными странами, с социалистическими и развивающимися. Наши предложения аргументировались назревшими задачами постепенного вхождения в мировое хозяйство. Меня пригласил к себе секретарь ЦК Николай Рьжков и, надо сказать, проявил большой интерес к этой проблеме, расспрашивал о деталях предложения, поддержал его общую направленность...»¹⁹.

Заметную роль в формировании смыслов для партийной элиты Страны Советов играл также ИСКРАН. Усиление непосредственного участия данных институтов в формировании внешнеполитического курса – это косвенное свидетельство некоторого ослабления потенциала соответствующих отделов ЦК КПСС, которые предпочитали все большие масштабы работы передавать «на аутсорсинг», а не заниматься ею непосредственно сами.

Как вспоминал многолетний директор ИСКРАН, академик Г.А. Арбатов: «...не только при Сталине, но и при Хрущеве руководство не испытывало большой потребности в теории или, во всяком случае, не догадывалось, что такая потребность у партии и страны есть. Чтобы эта ситуация изменилась, нужны были особые обстоятельства... Ими оказались трудности... в мировом коммунистическом движении и резкое обострение отношений с КНР и КПК... Руководство поняло, что необходима... более тщательная отработка позиций и аргументов..., более тщательная подготовка соответствующих документов и материалов для выступлений.

¹⁸ Брежнева Л.Я. Племянница генсека. М.: Центрполиграф, 1999. С. 389.

¹⁹ Яковлев А.Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. С. 226-227.

Удовлетворить эти потребности старый аппарат не мог... Это и заставило открыть в самом начале 1960-х гг. в Международном отделе и Отделе по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран ЦК КПСС совершенно новые для аппарата ЦК КПСС должности консультантов...»²⁰.

При этом, нужно иметь в виду, что, будучи более образованными и при этом в части своей либо либерально ориентированными, либо «безыдейными», помощники и консультанты умели вложить в уста своих патронов нужные смыслы, облекая их в догматическую риторику «борьбы за мир», которой стареющая партократия, воспитанная в сталинские мобилизационные десятилетия, прошедшая войну и «хрущевскую оттепель», была привержена.

По словам Г.А. Арбатова, «впервые за многие годы в аппарат ЦК пригласили значительную группу представителей интеллигенции. А поскольку потребность была большой и острой... хотели взять людей поярче, среди них оказалось и немало «вольнодумцев», совсем уж непривычных, даже чуждых тогдашнему партийному аппарату»²¹

В то же время, бывший руководитель аналитического управления КГБ СССР, генерал-лейтенант Н.С. Леонов, характеризуя деятельность ИСКРАН в советское время, замечал, что: «...этот институт по своему уставу и призван изучать Соединённые Штаты со всеми их плюсами и минусами и давать рекомендации правительству... У американцев, конечно, тоже существовали подобные заведения – советологические центры. Но количество их было иное. По моим подсчётам их было 120-125. Так что нас они изучали предметно... Наш же институт занимался совсем другими делами. Советско-американскими отношениями. Не изучал США на предмет рекомендаций, как надо играть на внутренних американских противоречиях, как воздействовать на американское общество, на его национальные и социальные слои, а предлагал, скажем, построить газопровод «Северное сияние». Из Тюмени к Мурманску. Информировал, что американцы

под сжижающие газ заводы дадут кредиты. Или Институт США и Канады занимался вопросом: надо или не надо выпускать евреев из СССР»²².

Этот же момент фиксирует в своей работе Г.И. Ханин, обращая внимание на то, что «Впрочем, многие из советников сами не имели каких-либо серьезных научных заслуг в экономике и в лучшем случае могли пересказать выводы своих подчиненных в руководимых ими научных институтах Академии наук СССР, знакомых с капиталистической экономикой, но далеких от практики экономической жизни в СССР. Высшие руководители послесталинского периода в своем отношении к экономической науке коренным образом отличались от Ленина и Сталина, которые и сами обладали серьезными экономическими познаниями (особенно Ленин), и умели находить себе квалифицированных экономических советников среди ученых старшего поколения, получивших экономическое образование еще до революции и имевших крупные научные заслуги (например, академики Е. Варга и С. Струмилин) [Ханин 2008: 374-375].

Представляется, что важнейшей неудачей советской внешней политики стало европейское направление, включая иллюзию встраивания в Коллективный Запад и сотрудничества с его основными структурами. В связи с чем в условиях сегодняшнего декалинга в отношениях России и Коллективного Запада требуется избавиться от идейной и практической инерции советского периода. В первую очередь это касается переосмысления феномена «разрядки» (в т.ч. Хельсинского процесса), нового политического мышления, которые в 1971-1991 гг. проводились на не равноправной основе и в числе прочих привели к распаду СССР. Соответственно выход из западноцентричной системы координат требует сегодняшней России переосмотра ее участия в международных и региональных организациях и соглашениях.

Таким образом, методический семинар подтвердил бытующее мнение о перерождении советской высшей политической элиты,

²⁰ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953-1985): свидетельство современника. М., 1991. С. 79-80.

²¹ Там же.

²² Николай Леонов: Жалею, что не дали освободить Корвалана // <https://www.fontanka.ru/2010/11/13/058/>

для которой марксизм/ленинизм как идеология, по сути, оказалась выхолощена, сохранившись лишь в демагогической риторике партийных съездов, пленумов и конференций, а впоследствии и открыто отринута в

условиях «перестройки». Наивное стремление «поступившись принципами» быть принятыми в глобальный мир подталкивало советских правителей в направлении фактической «сдачи» национальных интересов страны и собственно ее разрушения

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Strange S. States and markets.* London; New York: Pinter Publishers; New York, NY: Distributed in the USA and Canada by St. Martin's Press, 1994. - 266 p.
- Абалкин Л.И.* На перепутье. Размышления о судьбах России. М., 1993.
- Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В.* Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформация власти. М.: Научная книга, 1999. - 413 с
- Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А.А. Громько, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. М.: Международные отношения., 1994. - 304 с.
- Арбатов Г.А.* Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991. - 400 с.
- Бовин А.Е.* Поговорим по существу... о мире и войне, разрядке и конфронтации, разоружении и гонке вооружений и о других проблемах мировой политики. М.: Международные отношения, 1985. - 104.
- Бовин А.Е.* XX Век как жизнь. Воспоминания. М.6 Центрполиграф, 2017. - 654.
- Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998. - 596.
- Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники. М.: Издательство политической литературы, 1990. - 384 с.
- Евдокимов П.* Человек со знаком качества. Интервью А.И. Вольского. // Спецназ России. 2006. № 9.
- Калашиников М., Кугушев С.* Третий проект. Погружение. М.: АСТ, 2005.
- Млечин Л.М.* Брежнев. М.: Проспект, 2008. - 520 с.
- Над этим размышляет История. Заметки к 20-тилетию с момента развала СССР. Под ред. Ли Шэньминя. Пекин: Издательство литературы общественных наук, 2012.
- Островский А.В.* Кто поставил Горбачева? М.: Алгоритм, Эксмо, 2010. - 544 с.
- Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1965. - 615 с.
- Пыжиков А.В.* Опыт модернизации советского общества в 1953-1964 гг.: общественно-политический аспект. М.: Изд. дом «Гамма», 1998. - 299 с.
- Спицын Е.Ю.* Политбюро и Секретариат ЦК в 1945-1985 гг.: люди и власть. М.: Концептуал, 2022. - 704 с.
- Спицын Е.Ю.* Брежневская партия. М.: Концептуал, 2022. - 784 с.
- Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х гг. – 1987 год. - 516 с.
- Черняев А.С.* Дневник помощника Президента СССР. 1991 год. М.: Terra, Республика, 1997. - 336 с.
- Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. М.: Прогресс, 1993. - 528 с.
- Шахназаров Г.Х.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Зевс, 1993. - 626 с.
- Швейцер П.* Тайная стратегия развала СССР. М.: Родина, 2021. - 304 с.
- Яковлев А.Н.* Муки прочтения бытия. М.: Новости, 1991. - 368 с.
- Яковлев А.Н.* Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. - 645 с.

REFERENCES

- Abalkin L.I.* Na pereput'e. Razmyshleniya o sud'bah Rossii. M., 1993.

- Aksyutin Yu.V., Pyzhikov A.V.* Poststalinskoe obshchestvo: problema liderstva i transformatsiya vlasti. M.: Nauchnaya kniga, 1999. - 413 s
- Aleksandrov-Agentov A.M.* Ot Kollontaj do Gorbacheva. Vospominaniya diplomata, sovetnika A.A. Gromyko, pomoshchnika L.I. Brezhneva, YU.V. Andropova, K.U. Chernenko i M.S. Gorbacheva. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. - 304 s.
- Arbatov G.A.* Svidetel'stvo sovremennika. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. - 400 s.
- Bovin A.E.* Pogovorim po sushchestvu... o mire i vojne, razryadke i konfrontatsii, razoruzhenii i gonke vooruzhenij i o drugih problemah mirovoj politiki. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1985. - 104.
- Bovin A.E.* XX Vek kak zhizn'. Vospominaniya. M.6 Centrpoligraf, 2017. - 654.
- Brutenc K.N.* Tridcat' let na Staroj ploshchadi. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. - 596.
- Burlackij F.M.* Vozhdi i sovetniki. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1990. - 384 s.
- Evdokimov P.* Chelovek so znakom kachestva. Interv'yu A.I. Vol'skogo. // Specnaz Rossii. 2006. № 9.
- Kalashnikov M., Kugushev S.* Tretij proekt. Pogruzhenie. M.: AST, 2005.
- Mlechin L.M.* Brezhnev. M.: Prospekt, 2008. - 520 s.
- Nad etim razmyshlyaet Istoriya. Zametki k 20-letiyu s momenta razvala SSSR. Pod red. Li Shen'minya. Pekin: Izdatel'stvo literatury obshchestvennyh nauk, 2012.
- Ostrovskij A.V.* Kto postavil Gorbacheva? M.: Algoritm, Eksmo, 2010. - 544 s.
- Polemika o general'noj linii mezhdunarodnogo kommunisticheskogo dvizheniya. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 1965. - 615 s.
- Pyzhikov A.V.* Opyt modernizatsii sovetskogo obshchestva v 1953-1964 gg.: obshchestvenno-politicheskij aspekt. M.: Izd. dom «Gamma», 1998. - 299 s.
- Spicyn E.YU.* Politbyuro i Sekretariat CK v 1945-1985 gg.: lyudi i vlast'. M.: Konceptual, 2022. - 704 s.
- Spicyn E.YU.* Brezhnevskaya partiya. M.: Konceptual, 2022. - 784 s.
- Hanin G.I.* Ekonomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya. V 2 t. Novosibirsk, 2008. T. 1. Ekonomika SSSR v konce 30-h gg. – 1987 god. - 516 s.
- Chernyaev A.S.* Dnevnik pomoshchnika Prezidenta SSSR. 1991 god. M.: Terra, Respublika, 1997. - 336 s.
- Chernyaev A.S.* Shest' let s Gorbachevym. M.: Progress, 1993. - 528 s.
- Shahnazarov G.H.* Cena svobody. Reformatsiya Gorbacheva glazami ego pomoshchnika. M.: Zevs, 1993. - 626 s.
- Shvejcer P.* Tajnaya strategiya razvala SSSR. M.: Rodina, 2021. - 304 s.
- Yakovlev A.N.* Muki prochteniya bytiya. M.: Novosti, 1991. - 368 s.
- Yakovlev A.N.* Omut pamyati. M.: Vagrius, 2000. - 645 s.
- Strange S.* States and markets. London; New York: Pinter Publishers; New York, NY: Distributed in the USA and Canada by St. Martin's Press, 1994. - 266 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Курылев Константин Петрович, д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия. E-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Дегтерев Денис Андреевич, д.п.н., заведующий кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия. E-mail: degterev-da@rudn.ru

Konstantin P. Kurylev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Denis A. Degterev, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: degterev-da@rudn.ru

Evgeniy N. Grachikov, PhD in Political Sciences, Assistant Professor of the Department of Theory and History of International Relations

Грачиков Евгений Николаевич, к.п.н.,
доцент кафедры теории и истории междуна-
родных отношений РУДН, Москва, Россия.
E-mail: grachikov-en@rudn.ru

Шпаковская Марина Анатольевна,
д.и.н., профессор кафедры теории и истории
международных отношений РУДН, Москва,
Россия. E-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

of RUDN University. Moscow, Russia. E-mail:
grachikov-en@rudn.ru

Marina A. Shpakovskaya, Doctor of His-
torical Sciences, Professor of the Department of
Theory and History of International Relations of
RUDN University. Moscow, Russia. E-mail:
shpakovskaya-ma@rudn.ru